

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫМ
ISSN 0134 - 241X URAL STALKER 7'1993

Юрий ШИНКАРЕНКО

ПОГОНЯЛО ТВОЕ
очерк подросткового быта
стр. 60

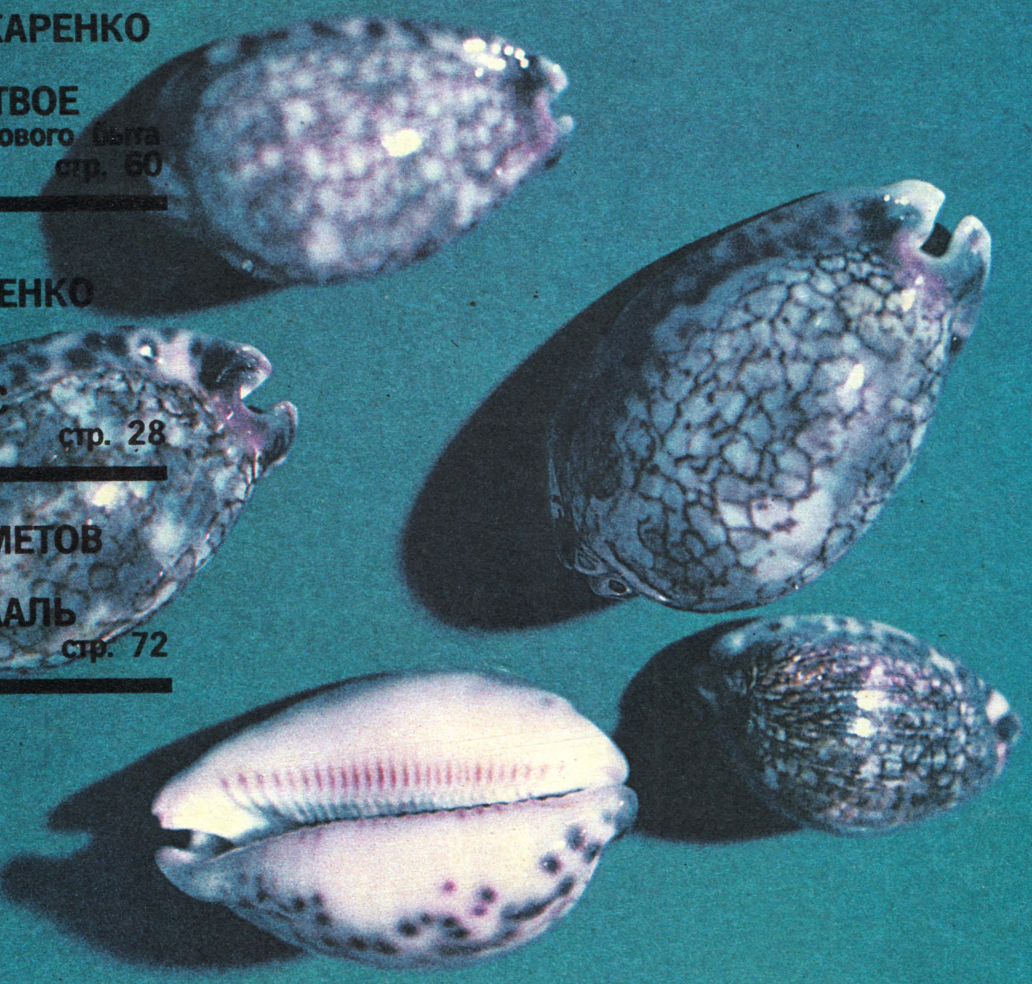
Евгений ИЩЕНКО

**ЧТО МОЖЕТ
ЭКСТРАСЕНС**
стр. 28

Спартак АХМЕТОВ

СВЯТОЙ ГРААЛЬ
стр. 72

МАВРИЦИЯ АРАБИКА из Йемена

ДОМ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Ипатьевский дом (последним его владельцем перед революцией был инженер Н. Н.Ипатьев) построен около 1866 года. Принадлежал разным людям. В начале нынешнего века его купил Ипатьев.

Владел он домом недолго — в апреле 1918 года Ипатьева выселили именем революции. А с 30 апреля по 16 июля 1918 года в доме провела свои последние дни семья Романовых: бывший император, императрица, их дети, а также несколько приближенных лиц.

Потом здесь было общежитие партийных и советских работников, студентов Коммунистического университета, а с 1927 года — музей революции на Урале. Одновременно — с 1929 по 1971-й размещался историко-партийный архив.

Перед войной в доме помещалось также Общество воинствующих безбожников. А в 70-е годы бывший Дом особого назначения заняли сразу несколько организаций: отдел культуры (учебно-консультационный пункт, отдел повышения квалификации), управление «Союзпечать»... В 1974 году дом был взят на государственную охрану как историко-революционный памятник. Но 3 августа 1977 года решением Совета Министров РСФСР снят с госохраны и 16-17 сентября разрушен. (См. Евгений Бирюков. Ипатьевский дом. — «Уральский следопыт», 1992, №7).

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз Писателей России,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудовой коллектив журнала

Журнал основан в 1935 году,
возобновлен в 1958 году.

РЕДАКЦИЯ:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей ГРИГОРЬКИН
(главный художник),
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Ольга НАГИБИНА
(исполнительный директор),
Андрей ПОНИЗОВКИН,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Нина ШИРОКОВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ, Сергей
КАЗАНЦЕВ, Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН, Николай
НИКОНОВ, Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ, Марат
ШИШИГИН

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

620219, г. ЕКАТЕРИНБУРГ,
ГСП-353, УЛ. ДЕКАБРИСТОВ, 67
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
223-662 (ФАНТАСТИКИ),
224-501 (КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Компьютерная верстка выполнена
в МП "СТИЛЬ"
Оператор: А. БЕЛЯШКИН

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
"Россвязьинформа"

Бракованные экземпляры отправлять
в Чеховский полиграфический комбинат.

Подписано к печати 12.07.1993.

Формат бумаги 84x108 1/16.

Бумага типографская N2.

Офсетная печать.

Усл. печ. л. 8, 8

Уч.-изд. л. 12, 4

Усл.кр.-отт. 8, 1

Тираж 55250 экз.

Заказ N1241

С.-6

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации
Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской обл.

На 1 стр. обложки: Каури

Слайд Н. МАРКОВА

© "Уральский следопыт", 1993 г.

В НОМЕРЕ:

Уральской тайги хозяйка Валентин ЕГАРМИН	2
Клуб ищет партнеров	6
Восстающая из пепла	7
Родины любезной благодать. Стихи Олег ПОСКРЕБЫШЕВ	8
Каури. Очерк Рудольф БУРУКОВСКИЙ	9
Необходимые знания об Индии Александр ТОЛСТИКОВ	15
Краеведческая копилка	22
Куда ведут следы Урала Петр ЗОЛИН	25
Из Венеции, от родных карагаев Л. БАНЬКОВСКИЙ	27
Что может экстрасенс Евгений ИЩЕНКО	28
Журнал в журнале «Аэлита»	33(129)
Кассета Валерия КАМЕНЕЦКАЯ	49
Дом повелителя ветров Сергей КОРНИЕНКО	51
Детство с названием «105-й квартал» Иван ДАНИЛОВИЧ	59
Погоняло твое. Очерк подросткового быта Юрий ШИНКАРЕНКО	60
Румынское вино Семен ШМЕРЛИНГ	70
Святой Грааль Спартак АХМЕТОВ	72
Пленник вулкана Павел НОВОКШОНОВ	73
Автограф	75
Крылатые соседи Иван ЗАЯНЧКОВСКИЙ	77
Огород «УС»	78
Вместо денег Михаил НАЙДИЧ	79
Мир на ладони	80

УРАЛЬСКОЙ ТАЙГИ ХОЗЯЙКА

За старинным городом Верхотурье, что на Северном Урале, в полукилометре от реки Туры, на окраине хутора Путимцево, стоял дом охотника. Вокруг густой стеной лес. В этом доме, а по сути в тайге, родилась Анна Степановна, ставшая впоследствии известной охотницей Урала.

Отец ее, Степан Михайлович Путимцев, славился на всю Пермскую губернию. Он убил 67 медведей и множество других зверей. Этим промыслом жил и воспитывал большую семью.

Как-то Нюра, повзрослев, попросилась на охоту. Отец строго посмотрел на дочь и отрезал:

— Не бабьего ума это дело.

С завистью, со слезами на глазах смотрела девочка-подросток, как отец со старшим сыном Федором собрался в лес. Запах пороха ей казался самым приятным и таинственным. В отсутствие отца подолгу перебирала в коробке пустые гильзы, дробь, пыжи.

В шестнадцать лет Нюру выдали замуж. Сватовство было необычным. Узнав, что у знаменитого охотника, к которому ездил на охоту сам пермский губернатор, подросла красивая невеста, на хутор Путимцево зачастили сваты. С говорливыми тетушками приезжали сынки купцов, богатых промысловиков. Женихов обычно привозил молодой ямщик Михаил Таскин. В один из зимних вечеров он подъехал к дому невесты без седоков. Попросил открыть оградные ворота, завел пару гнедых, запряженных в кошеву, смело вошел в дом.

— Ну, а где же твои сваты? — спросил хозяин.

— Не привез я сегодня вам ни сватов, ни женихов...

Потом крепко помял свои ладони и, глядя в пол, с трудом выдал фразу:

— За себя хочу посватать Нюру...

Разговор затянулся далеко за полночь. Не раз Степан Михайлович посылал Нюру в ограду подбросить коням сенца. На столе сиял тульский самовар, жених выставил бутылку «Русскогорькой». Разговор пошел поживее. В этот вечер и было все решено.

Молодые пытались сложить свою жизнь счастливо, но из нужды выбраться не могли. В те времена Россия строила железные дороги. Михаил бросил ямщину и поступил в железнодорожную бригаду. С тех пор началась их скитальческая жизнь в городах, поселках, на полустанках. До боли в сердце скучала Анна Степановна по родному хутору, по тайге. А уже не было

в живых отца и матери, охотничьи дела вел старший брат Федор.

Но вот однажды пришло извещение: умер брат Федор. К этому времени муж вышел на пенсию по болезни ног. Обсуждение было недолгим. Решили всей семьей уехать на хутор. То, о чем мечтала Нюра с детства, теперь отдавалось ей беспрепятственно: дом, тайга, охота. Тульская двухстволка в ее руках стала кормилицей семьи.

Имя знаменитой охотницы до сих пор известно далеко за пределами Урала. И славилась она не столько промыслом (хотя за свою охотничью жизнь взяла 42 медведя), сколько тем, что была ревнивым защитником всего живого на земле. О ней знают и в Англии. А было это так. Газета «Сельская жизнь» напечатала мой очерк об

охотнице. Приехавший из Лондона в отпуск сотрудник посольства увез газету с собой и предложил материал в вечернюю газету Лондона. Очерк явился сенсацией: «Бесстрашная уральская охотница», «Женщина вступает в борьбу с медведем», «Гроза браконьеров» и много других восхищенных эпитетов.

Бессеребренницей и человеком доброй души была Анна Степановна. К ней обращались за помощью со всех концов страны. Всего два примера.

У учительницы Н.И.Пановой из Пензы серьезно заболела единственная дочь. После сильной простуды — туберкулез легких в открытой форме и разрушительной силы. Нужна операция, но это опасно: девушка очень слаба. Стороной узнала мать, что лучшее лекарство — медвежье сало. Посылает Анне Степановне прочувственное письмо. А в ответ посылка с Урала с медвежьим салом. Через месяц обнадеживающая весть: поправляется дочка. А еще через пять — радостное письмо с фотокарточкой. На ней — улыбающаяся красивая девушка. На вопрос об оплате охотница отвечала: «И не думайте даже об этом. Да разве я за деньги спасла человека, что Вы, бог с Вами. Ведь мы — матери и понимаем друг друга...»

На колхозную птицеферму села Мыргай Курганской области повадились лисы... «Посоветуйте, как их отвадить...» На четырех листах пишет Анна Степановна молодому охотнику М. Дивину. И в ответ благодарность: «Спасибо Вам большое, дорогая Анна Степановна, отвадили мы огневок-плутовок».

Ее сыновья, дочери и внуки стали охотниками. Пятерых детей воспитала: двое — своих, да троих — сирот. Многих обучала охоте, привила любовь к природе. Она первая на Урале из охотников проводила экскурсии в лес. Показывала, как сделать

охотничью нодью*, как ставить капканы на зверей, делать скрады, пороховницы. Созданные при ее участии в 60-80 годах школьные «зеленые патрули» весьма эффективно охраняли северную тайгу.

Нет сегодня с нами знаменитой хозяйки тайги уральской. Много лет хранила ее здоровье тайга. Но годы взяли свое. На 91 году она ушла из жизни.

Лесная гостиница

Стоит этот домик-теремок у лесной опушки тайги, далеко за хутором. Стоит на хорошем удобном месте в километре от реки Туры. Более семидесяти лет назад построил его отец Анны Степановны. И как только не зовут его: и теремком тети Нюры, и таежной гостиницей, и домиком охотника. Анна Степановна сложила в избушке каминчик. У стены висячий столик, два топчана, есть скамейка, две табуретки.

Слева возле окошечка небольшой деревянный ящик. В нем провизны и необходимая посуда — чайник, котелок, ложки, кружка, сахар, чай, сухари, соль. Зайдут переночевать уставшие охотники, вскипятят чай, если надо, уложатся на ночь в тепле, хорошо отдохнут. Анна Степановна, увидев, что побывали гости, обычно скажет:

— Спасибо, не побрезговали, отдохнули.

Посчастливилось, не однажды, побывать в таежной гостинице и автору этих строк. Как-то летом мы с Анной Степановной вернулись из тайги усталые. Охотница на ночь поставила перемет, а утром поплыла на маленькой лодке-долбленке, поспала с крючков ершей, сорожек, окуней. Возле домика развели костер, и Анна Степановна угостила меня знаменитой «трехэтажной» ухой.

В лесу у костра уха чуть припахивает дымком. Хлебнул деревянной ложкой разок и остановился от удовольствия. Смотрю на гостеприимную хозяйку и не могу сдержаться.

— Ну, знаете, Анна Степановна, такой ухи я еще отродясь не едал... редкость, деликатес.

Очень любят жить легом в лесном домике внучки-двойняшки. Аля и Эля. Утром рано встают, чистят рыбу, позавтракают и — на работу, на кроловоный участок. Ищут ходы, ставят ловушки, складывают добычу в калаузы**. Потом шкурки снимают. Делают это умело, ловко. Тушки, как приманка, кладутся к норам куниц, горностаев.

Поработают недельку, бабушка внучкам отдых дает. Любят девочки сладкое и ухитряются помаленьку сварить варенья то из земляники, то из малины. Отдыхают, загорают, расчесывают и заплетают косы на берегу Туры. Уже большими стают, обе проворные, стройные, красивые.

Или приедет из Екатеринбурга внук Юра. Знакомые спрашивают охотницу:

— Это который, не родной?

— Да какой же он не родной?

А спрашивают так потому, что Юра, рабочий одного из екатеринбургских заводов, — сын приемной дочери Клавдии. Давно это было. Жили с мужем тогда в железнодорожном поселке, а рядом в доме большая семья. Младшая девочка Клава как-то пришла к ним раз-другой и стала потом частенько наведываться, нередко и заночует.

Вскоре пришлось переезжать на другое место. Пришла к соседям Анна Степановна попрощаться с Клавой, а та плачет: возьми с собой, и только. Мать Клавы, женщина усталая и больная, посмотрела на Анну Степановну и прямо сказала:

— Вижу, сердце-то у тебя очень чувствительное, а мне трудно с ними, пятеро ведь на руках. Возьми, если хочешь, на время...

Так появилась еще одна дочь в доме. Подошел срок паспорт получать.

— Ну, так какую же фамилию возьмешь? — спрашивает ее Анна Степановна.

Подошла девушка к приемной матери, обняла, ничего не сказала и заплакала. Стало все ясно. Подрос у Клавы сын Юра, стал с бабой Нюрой ходить на медведя, на росомаху.

Одной приемной дочерью не ограничилось. В уральском рабочем поселке жили по соседству с одной семьей. Детей у

них было, как говорится, семеро по лавкам. Зашла как-то к соседке и видит — все бегают, а маленькая черноглазая девочка сидит в уголке.

— Что это она у вас все сидит и никуда не ходит?

— Ножки болят, простужены.

Эти слова ранили Анну Степановну в самое сердце. Все ребята играют, на улице тепло, а она сидит, бедная, одна себе.

— Отдай мне Маню на время, попробую полечу...

Пришел вечером муж, смотрит, недоумевает.

— Что, еще одну приобрела? Своих-то тебе мало?

Своих-то, верно, немало, и жить трудновато было: хлеб и прочие продукты по карточкам.

— Да ты посмотри, — с болью говорит Анна Степановна, — ножки у нее большие, простужены сильно.

Михаил Георгиевич был настоящим другом в жизни. На вид, вроде, грубоват, а душа чуткая. Взял на руки Маню, поставил к себе на колени, а тонкие ножки подгибает. Заглянул в лицо, а глазенки, как угольки, сверкают, улыбаются. Улыбнулся и он в свои протабаченные усы и сделал вывод:

— Конечно, ты права, давай возьмем девочку, может, и вылечим.

Разные травы сушила Анна Степановна, делала девочке припарки. Время шло, и на другой год Маня с Алей и Элей уже бегали на полянке. Так и осталась она в семье Таскиных.

Вот она лесная гостиница какая: теплый ночлег заезжим охотникам, приют детям, поучения молодым охотникам.

Строгая мать

Зная Анну Степановну много лет и бывая с ней на охоте, я часто думаю о том, как иногда мы неверно судим о медведях. Можно услышать, что и неповоротливый он, и на людей нападает, и лапу в берлоге сосет, и, наконец, что два медведя в одной берлоге не живут. Анна Степановна лишь улыбается, когда слышит эти нелепицы. Кто-то, а она за свою долгую жизнь хорошо изучила характер Михаила Потапыча.

Медведь настолько проворен, что его не догонишь, но и не убежишь, если зверь вдруг начнет преследовать. На человека зря никогда не бросится, если на то не будет достаточных причин. Скажем, подойдешь к медвежатам или ранишь выстрелом.

В берлоге живут не только по два медведя, но иногда и по три, если найдут просторную пещеру. Нажируются Михаило Потапович с Настасьей Ивановной, и если их никто не разъединит, то в заморозки так вместе и улягутся. Настелют мху, закроются, занесет их снегом, и спят они неподвижно на одном боку до тех пор, пока солнце не повернет на лето.

Прибавится день хоть на воробьиный шаг, тогда повернется медведь на другой бок и опять спит, но только уже чутко. В первую половину спячки смело подходи к самой берлоге, наблюдай, как через снег парок идет, можешь кричать во весь голос — медведь все равно будет спать. А вот ближе к весне — не озоруй, опасно — хозяин может высочить из берлоги.

Смеется Анна Степановна и над тем, будто медведь в берлоге всю зиму лапу сосет.

— Попробуй-ка пососи лапу пять-шесть месяцев, что от нее останется...

Природа создала это могучее животное на особицу. Зима для него вроде как для нас ночь. Он спит и жир потихоньку сбавляет. Медведица, голодая, еще и воспитывает при этом пару детенышей, рожденных в берлоге в конце января или начале февраля.

Из берлоги медведь выходит злой. И обязательно дождетя чернотропа, когда снегу не будет. Осторожен, следы на снегу выдадут. В раннюю весну талая вода выгоняет медведей из берлоги. Не могут они лежать в сырости.

И насчет того, что не умен медведь, не чистоплотен — не то говорят. Анна Степановна рассказывала, как однажды наблюдала купанье медвежат.

Рано утром шла она по берегу Туры и издали заметила медвежий выводок. Затаилась охотница, наблюдает. Стоит медведица в воде и держит за шею малыша. Окунет его в воду, вытащит, снова окунет. Медвежонку, видимо, неприятна эта

* Нодья — угольное сооружение из 4-5 сухостойных лесин в замок, в щели которых вставляются сухие ветки и зажигаются. Через короткое время стены начинают шаять.

** Калауз — охотничья сумка.

процедура, он работает передними лапами, отбивается, фыркает, а мать, не обращая внимания, знай себе моет.

Выкупала медведица детенышей и решила приучать их к воде. Рыкнула на одного: «Марш в воду!» А он съежился и этот жалобно смотрит на мать. Та толкает его носом. Малыш упирается, боится воды. Строгая мать подтащила его к берегу и — в реку. Медвежонок вынырнул, барахтается к берегу, а мать опять сердито рыкнула: «Купаться, говорят!»

Плавают малыши, и все выше держится его головка над водой, все упорнее работают лапы. Медведица довольна, тихонько рычит, дескать, «учись, малыш, не бойся, я здесь, не дам утонуть...»

Видит, уставать начал. Резко приказала: «Вылезай!» Медвежонок быстро выскочил на берег, закрутился всем туловищем, отрясает воду с густой шерсти, брызжет во все стороны.

Второй оказался упрямее — не идет в воду, и все тут. Кончилось у матери терпение, рассердилась она, да как даст оплеуху. Взвизгнув медвежонок, несколько раз перевернулся и бегом к берегу. Остановился было на мгновение, и дескать, была-ни-была, прыгнул.

Потом легла медведица, припали к ней малыши, сосут, блаженствуют. Солнце в зените, сушит и греет. Хорошо. Великое это счастье — жизнь.

Охотница переступила с ноги на ногу, хрустнула хворостинка, рыкнула медведица. Это, видимо, означало: «Враг близко!» Быстро соскочила и вместе с медвежатами скрылась в тайге.

Смерть Грозного

Это случилось во время гнездовья, весной, когда нельзя собаку пустить в лес.

Как всегда, рано утром Анна Степановна приготовила четвероногому другу суп, пошла к нему в ограду. Пес обычно встречал хозяйку радостно. Вылезал из конуры, звенел цепью, крутил хвостом. А сегодня положил голову на передние лапы — и ни искорки вчерашней живости. Грозный даже не притронулся к котелку.

— Что, захворал?

Собака понимающе смотрит на хозяйку, медленно водит хвостом, не встает. Погладила по шерсти, потрепала за ушами, сняла с цепи — не реагирует, только пристально и устало смотрит на Анну Степановну и как бы говорит:

— Плохи мои дела.

Охотничьи собаки живут и болеют недолго. На долю Грозного выпало немало тяжелой работы, был во многих схватках с медведями, рысью и другими зверями.

За два дня и крошки не съел Грозный. Лежит и тает на глазах. Густая темно-рыжая его рубашка словно завяла, веки опустились, живот подтянуло. На третий день рано утром села Анна Степановна за охотничьи припасы. Набивает гильзы, режет из старых валенок пыжи, и вдруг слышит, что кто-то робко царапает двери.

Отворила. Ткнулся пес носом в колени, заскулил так про-никновенно, словно просил помощи.

Села на диван, положила друга на колени, гладит. Провела рукой по голове, увидела разорванное ухо, вспомнила... Это был шестой по счету медведь. Приехал директор совхоза и убедительно просил ликвидировать весеннего разбойника.

— Иначе он, хлебнувши крови, не одну корову задерет на пастбище. А ведь там племенное стадо.

Выхлопотал директор лицензию, и охотница взялась за дело. Капкан поставила там, где медведь задрал корову. Лежит мясо на кругу капкана, а зверь ходит кругами и не желает до-есть остатки задранной им коровы.

Подождала Анна Степановна около двух недель и решила: если медведь не идет к охотнице, значит, ей надо пуститься на розыски. Чем занимается Михайло Потапыч? Все обследовала, выяснила. Ходит зверь своей тропой к водопою, на хлеба, в ягодники и лишь изредка подойдет к капканам. Чует приятный запах протухшего мяса, но какое-то медвежье шестое чувство подсказывает ему о таящейся опасности. Походит-походит и нехотя вернется обратно.

А время идет. Смывают дожди невидимые следы человека, развеивает ветрами дух человеческий, разгорается аппетит медведя. Наступает день, час и минута, когда зверю кажется, что миновала опасность. Голод толкает его к мясу, он подходит близко к невидимому капкану и, потоптавшись, наступает на круг. Доля секунды, и передняя лапа в железных тисках.

Однажды утром Анна Степановна не нашла капкан на заветном месте и по земле, вспаханной капканом, по примятой траве и кустарнику определила: попал недавно, не больше суток. Тем же заворотом поспешила домой за собакой. Положила в калауз — охотничью сумку — пшеничных лепешек, добавила в патронташ пару жаканов. Грозный торопится, изредка оглядывается на хозяйку.

Подошли к протаску. Осмотрев следы, определила: мед-

ведь средней величины, попал правой передней лапой, тянет капкан проворно. Между деревом и старым пнем цепи с чуралом зацепились. С трудом оторвал и тянет дальше, местами рыхлит землю. Протаск кончается, но следы задних лап четко видны. Это он держит в передних лапах капкан и, как человек с тяжелой ношей, идет по тайге.

Анна Степановна спускает Грозного с поводка, берет наизготовку ружье. В обоих стволах пули, на поясе — нож.

Пронзительный лай взорвал тишину, собака догнала зверя, посадила. И как всегда в таких случаях, перед схваткой, медведь взревел на всю тайгу.

Грозный атакует разумно. Он знает: спереди нападать нельзя. Попадешь в лапы — и капут тебе. Собака наступает сзади. Спина — самое больное и уязвимое место медведя. Подскочил Грозный, вырвал клох шерсти, топтыгин цапнул его лапой, но рикошетом.

Ищет медведь толстый ствол, чтобы, прислонившись к нему, закрыть спину и отбиться лапой. Это хорошая оборона от собаки, но не от человека с ружьем.

Прыгает сбоку Грозный, медведь пытается зацепить его лапой, но собака ловко увертывается. Анна Степановна ловит на мушку лоб медведя и нажимает на спусковой крючок. Вздрыгнул зверь, но не застыл, как бывает в предсмертной паузе, не рухнул на землю, а встал на задние лапы и резко кинулся на охотницу. Даже если он и с капканом, в такую минуту от него не уйдешь. И быть бы, наверно, трагедии, если б в эту секунду Грозный не вцепился мертвой хваткой. Взревел медведь на всю тайгу, резко повернулся и мощно ударил лапой. Взвизгнул Грозный, стремительно перевернулся в воздухе, чудом выравнявшись из цепких когтей. Вырвался, но с разорванной шерстью у плеча и с распоротым ухом.

Зато отвлек медведя от хозяйки, спас ей жизнь. Молниеносный точный выстрел, и медведь рухнул чуть не под ноги Анне Степановне. Остервенело бросился было к нему Грозный, но остановился резко, посмотрел на хозяйку, глухо зарычал, заглупив злобу.

Подозвала к себе Анна Степановна друга-спасителя, прижала, осмотрела раны. Плечо кровоточит, ухо разорвано. Плечевая рана потом быстро заросла, а ухо так и осталось поротым...

...Трогает рукой Анна Степановна разорванное ухо, смотрит на облака, плывущие мимо окон, и вспоминает тот миг, когда на нее бросился с окровавленной пастью медведь... Потом берет в ладони голову Грозного, а она валится из рук.

— Грозный! — тревожно позвала охотница, но его остывающее тело лежит безжизненно на коленях у хозяйки.

Собака – батрак

После обильных осенних дождей Тура в верховье поднялась, помутнела, вот-вот выйдет из берегов. Анна Степановна временно живет в своей лесной избушке с внучкой Алей да собакой Звездой. Ходят изредка проверять капканы и ловушки. В это утро встала рано и пошла посмотреть перемены на реке. Села в лодку, проверяет крючки, кладет рыбу в мешочки. Течение быстрое. Маленькую утлую лодку относит от перемета. На берегу стоит Звезда, смотрит на охотницу.

Подъезжая к берегу, увидела: второй перемет сильными рычками погружается в воду. Не иначе крупная рыба попала. Добирается к перемету, тянет его, а там щука огромная. Рыба рванулась с силой, лодка в какое-то мгновение зачерпнула и перевернулась.

Погрузилась Анна Степановна в холодную воду в одежде, в сапогах, вынырнула, смотрит: лодка далеко уплывает по течению. В руках одно весло. «Доплыву ли до берега? — мелькнуло в уме. — Аля спит в избушке, кричать — не услышит». Барахтается в воде, а одежда набухла, сковывает движения, тянет вниз. Смотрит на берег, а там Звезда скулит, мечется, понимает — в беде хозяйка.

— Звезда! — кричит Анна Степановна, — беги в дом, в дом, за Алей... дом, Аля...

Собака скулит и намеревается прыгнуть в воду...

— Нельзя! В дом, за Алей в дом...

Потом показала рукой на избушку, крикнула грозно:

— Звезда, домой...

Собака стремглав бросилась к избушке. Прибежала к дверям, скребет лапами дверь и тревожно лает. Соскочила Аля с постели, догадалась: «Что-то неладное». Быстро надела сапоги на босу ногу, телогрейку, и бегом за Звездой. Смотрит, метрах в пяти от берега барахтается баба Нюра и кричит:

— Аля, брось скорее сухару.

В мгновение молодая охотница скатила сухое дерево в реку, нашла шестик, толкнула им лесину. Быстрое течение несет охотницу и сухару, но Анна Степановна собирает последние силы и все ближе подплывает к дереву. Доплыла, ухватилась обеими руками, тяжело перевела дыхание. Отдохнула и давай работать ногами, тихонько подается к берегу.

Села на поляну обессиленная, а Звезда радостно скулит, лижет руки Анне Степановне. Обнимает и охотница собаку.

— Спасительница ты моя, умница...

...А несколько лет тому назад охотница спасла Звезду буквально от батрацкой жизни.

Среди охотников давно шел разговор, что улесника Игнатия на дальних кварталах живет чудо-собака, на любого зверя идет. Сам хозяин — охотник никудышный и сдает Звезду в найм. Третья часть всей добычи — хозяину, хоть натурой, хоть деньгами. Невиданное и не слыханное это дело, но однако...

Пришла Анна Степановна к Игнату: сибирская лайка хорошего экстерьера, красивая, в белой рубашке с черным пятком на лбу. Взгляд умный и гордый.

— На все идет, — поясняет Игнат, — на лося, медведя, соболя, белку, зайца, одно слово — универсал...

Сердце щемит, жалко собаку. Такую умницу в батрачку превратил, торгашеством занялся. Хотела купить, лесничий было заупрямился, но после долгих торгов согласился отдать за три тысячи. Большие по тем временам деньги.

Зашла в лес, Звезда гордо посмотрела на охотницу, как бы спросила: «А понимаешь ли ты что-нибудь в делах наших?» Идет без особого желания. Остановится, посмотрит на Анну Степановну, и видно — не доверяет. Не бывало еще у нее охотника-женщины. Бежит в сторонку и «не разговаривает».

Привал сделали. Анна Степановна позвала собаку, положила передние лапы к себе на колени:

— Что, Звезда, трудна тебе батрацкая жизнь?

Посмотрела ей в глаза, чешет пальцами за ушами, гладит. Подобрела собака, водит в стороны круглыми хвостом.

— Ну, пошли, Звезда, на работу, — говорит Анна Степановна и берет ружье наизготовку.

Собака восприняла команду и пошла. Учужала белку, залаяла. Зверек высунул юркую мордочку, и охотница поймала этот миг. Оживилась Звезда, нравится ей такая меткость. Снова к дереву, опять лает. Выстрел, и вторая белка летит с высокой сосны. «Ах, какое богатое чутье, — думает про себя Анна Степановна, — только успевай».

После полудня сели перекусить. Охотница вытаскивает из сумки лепешку, делит ее пополам с собакой. Потом в награду за хорошую работу отрезает несколько белчиных лапок. Целую неделю белковали. На редкость удачен был промысел. Звезда полюбила Анну Степановну за хорошую охоту, за ласку, внимание. Хорошо относись к собаке — человек для нее тогда самое высшее существо на свете, вроде божества, все сделает, жизни не пощадит.

Это были большие друзья: человек и собака. Хорошо работала Звезда и шла на любого зверя. На все у нее было редкое чутье, особая сноровка. Понимали друг друга со взгляда. Бывало идут к птице. Анна Степановна посмотрит на собаку, нахмурит брови и поднимет указательный палец, что значит: «погоди», и Звезда стоит, не шелохнется. Покажет кивком головы, сощурится — вперед, только тихо.

На медведя шла смело, насмерть стояла, рисковала за хозяйку. И очень ревнива была. Встретит в лесу Анну Степановну человек — не подходи близко, руки не подавай и рядом не садись. Оставит охотница на время в лесу поклажу или добычу: «Звезда, сидеть!», а сама спокойно пойдет домой, знает, что до ее возвращения собака не тронется с места и никого не подпустит.

Жаль, дружба была короткой. На пятый год Звезда ослепла, похудела и умерла. Умерла рано от того, что работала не щадя себя, влезала в любую воду, шла на любого зверя.

На совецании охотников Урала Анне Степановне вручили грамоту за хороший промысел и премию — сибирскую лайку. Когда охотница приехала в питомник и ей подали белого щенка с черным пятнышком меж ушей, она прослезилась: рубашка была точь-в-точь как у Звезды.

Новую собаку назвали Тайгой.

КЛУБ ИЩЕТ ПАРТНЕРОВ

Мы уже сообщали читателям о создании на основе нашего родиноведческого поиска Клуба ЮНЕСКО «Уральский следопыт». Он родился под крышей единственного в России юношеского историко-фантастического журнала. Именно «Уральский следопыт» начал в прошлом году искать библиотеки, которые некогда носили имя Павленкова. Только в границах двух нынешних уральских областей — Свердловской и Пермской — таких набралось более полутора сотен.

Клуб создан под эгидой ЮНЕСКО — авторитетной международной организации, курирующей в рамках ООН проблемы культуры, науки и образования — и входит в Уральскую ассоциацию клубов ЮНЕСКО. Ведь культура малых народов, сели деревень, в том числе книжная, — это тот гумусный слой общественной почвы, на котором только и могут взойти ростки и новой экономики, и новых отношений. Нарращивать этот плодородный слой можно только общими усилиями всех людей доброй воли. Никакая культура, если она будет сугубо классовой или сугубо национальной, сегодня не выстоит в одиночку. Так же, как, скажем, не сможет бытовать в отрыве от других один язык.

Общее собрание учредителей Клуба в январе этого года утвердило программу «Павленковская библиотека». Она призвана содействовать культурному возрождению села путем восстановления разрушенного нами мостика между прошлым и будущим, между отечественной и зарубежной культурами. На ближайшее время намечено разыскать дожившие до наших дней павленковские библиотеки, создать в каждой из них уголок истории, вернуть им имя издателя-просветителя; воскресить память о людях, что стояли у истоков этих библиотек; выявить книжный репертуар первых очагов сельской культуры; способствовать тому, чтобы эти сельские библиотеки превратить в библиотеки-музеи — место творческого культурно-общения и досуга.

На базе областной библиотеки им.

В.Г.Белинского решено провести семинар сельских библиотекарей. С помощью и при участии той же библиотеки организовать экспедиции по населенным пунктам, где были открыты читальни им. Павленкова, — для изучения книжной культуры на селе, получения полной информации о состоянии библиотек, а также для начала уголков истории в них.

Мы намерены собрать при каждой библиотеке актив краеведов, который осуществлял бы путем подворного обхода поисковую работу; сбор материалов по истории села и библиотеки, старых книг, газет и других изданий, воспоминаний старожилов или записей бесед с ними, документов, фотоматериалов — для музейной экспозиции и архива библиотеки-музея.

Необходимо, на наш взгляд, поднять в глазах общества значимость сельской библиотеки как очага культуры, обратить внимание на ее нужды; возродить традиции благотворительности и первостепенной заботы по отношению к культуре села со стороны государства, общественности и частных лиц.

Для этого предстоит при каждой библиотеке создать общественный Совет из представителей актива, сельской и поселковой администрации, государственных предприятий и коммерческих структур. Силами этого Совета выработать комплекс мер по обеспечению надежной работы библиотеки в новых условиях, обновления и пополнения книжного фонда, поощрения по отношению к ней разнообразных форм благотворительности.

Клубу предстоит познакомиться и с мировым опытом организации книжного дела на селе. Наладить международные контакты в рамках ЮНЕСКО.

Нам уже не раз приходилось сталкиваться в нашем поиске с тем, что на месте села с богатой историей в результате бесчеловечных экспериментов оказался пустырь или крапивный остров. Не только часовней или памятником не отмечено место, но даже простым крестом. Сами местные обитатели теряются

в поисках. Иногородним их землякам некуда приехать, нечему поклониться. Было бы справедливо найти возможность и способы увековечения памяти об исчезнувших с лица земли селах и деревнях.

На базе Клуба создается культурно-просветительский издательский центр «Павленковская библиотека». Намечены к изданию семь книжных серий. Часть тиража каждой книги предназначается для десяти тысяч массовых библиотек областей и республик Урала. Для библиотек книги будут продаваться по твердым льготным ценам. Возможный доход от книгоиздательской деятельности Клуб намерен употребить на расширение издательства, удешевление книг для библиотек и на оказание материальной помощи самим сельским читальням.

Членом нашего Клуба может стать каждый, кто согласен внести тот или иной вклад в осуществление изложенной программы. Для этого нужно написать заявление о приеме в Клуб и указать форму своего участия в его работе.

Клуб с благодарностью примет материальную или любую другую помощь от государственных или коммерческих структур, а также частных лиц — на условиях либо бескорыстных, либо взаимовыгодных. Клуб согласен вступить в деловые отношения с любым партнером, не взирая на его политические пристрастия.

Участие в культурно-просветительских начинаниях Клуба ЮНЕСКО «Уральский следопыт» — это хорошая реклама вашего собственного дела и форма вашего личного участия в общественно-полезном движении. Обращаемся с этим призывом также ко всем, кому близки и безразличны нынешние проблемы села, кто помнит и любит село — свою малую Родину.

С помощью журнала «Уральский следопыт» мы сделаем достоянием гласности любой акт содействия начинаниям Клуба.

*Юний ГОРБУНОВ,
президент Клуба ЮНЕСКО
«Уральский следопыт»*

Наш адрес:
620219, Екатеринбург, ГСП-353, ул. Декабристов, 67; тел.: 22-45-01.
Клуб ЮНЕСКО «Уральский следопыт»
Расчетный счет Клуба 700161689/700004 «Агрос-банк»,
ЕРКЦ г. Екатеринбурга
МФО 253910, КОД 871068.

Зиновий ИЛЬЕВСКИЙ

Восстающая из ПЕПЛА

У этой библиотеки в полесской деревушке Остромечево удивительная и драматическая судьба. Она родилась на гребне событий 1905 года, пережила пролетарскую революцию и гражданскую войну. Вместе с трудовым крестьянством вынесла германскую оккупацию в 20-х годах; времена диктатуры Пилсудского, а потом — германского фашизма. Теперь переживает тоже нелегкий период демократизации...

И через все эти невзгоды пронесла она память о человеке, подарившем ей имя, — Флорентии Федоровиче Павленкове.

О библиотеке в селе Остромечево рассказывает брестский журналист Зиновий Борисович Ильевский.

Осенью 1905 года в деревушке Остромечево Брестского уезда Гродненской губернии открылась одна из первых в Белоруссии народных библиотек. Открылась на средства известного прогрессивного издателя Ф.Ф.Павленкова.

По рассказам старожилів деревни, первых читателей библиотеки и особенно одного из создателей ее — учителя местной школы Антона Павловича Зенькевича, с которым автор встречался дважды, наконец, по немногим уцелевшим документам можно проследить историю этого сельского очага культуры.

Деревенская читальня началась с пятидесяти книг. Конечно, этого было мало. Книгами помогли студенты — члены белорусского кружка в Петербургском университете. Поддержали крестьяне — по копейке, по гривеннику несли на приобретение книг, на то, чтобы свершилось небывалое для белорусской деревни — открылась народная библиотека.

И вот газета «Наша нива» в № 21 за 1908 год сообщила, что «павленковская» библиотека в Остромечево располагает уже фондом более тысячи экземпляров, и книгами ее пользуются жители пяти окрестных деревень. Грамотных в деревнях было мало, и Антон Павлович читал посетителям «вслух». По его же почину библиотека завела так называемые «вечера живого слова», где выступали очевидцы и участники различных событий. Гостем одного из таких вечеров был возвратившийся из японского плена участник боев за Порт-Артур Никита Павлючок.

Популярность народной библиотеки в Остромечево росла, ее поддержали своими книгами многие писатели. Запомнилась сельчанам посылка, полученная от Максима Горького.

Библиотека знакомила крестьян с произведениями Я.Купалы, Тетки (А.Пашке-

вич), Ф.Богушевича и других белорусских писателей, с прогрессивными периодическими изданиями, такими, например, как «Наша нива». В одном из ее номеров находим такую заметку: «Остромечевская бесплатная народная библиотека-читальня им. Павленкова благодарит уважаемую редакцию за бесплатную высылку «Нашей нивы» и шлет ей пожелание дальнейшей плодотворной работы во имя возрождающегося белорусского народа».

Когда в 1955 году отмечался полувековой юбилей остромечевской библиотеки им. Павленкова, из Москвы приехал на торжество первый ее библиотечарь Антон Павлович Зенькевич.

— Ведь что радовало, — рассказывал он, — читатели росли буквально на моих глазах. Помню, с каким восторгом читали остромечевские крестьяне Трофим Павлючок, Александр Мелешкевич, Силуан Кравчук, Федор Шиш книги, которые брали в нашей библиотеке!.. Какое воодушевление вызвала горьковская «Песня о Буревестнике»...

С помощью белорусских студентов, приезжавших на каникулы из Петербурга, местное учительство, сельский актив вел в библиотеке научно-просветительскую работу. Использовалась литература по агрономии, животноводству, медицине. «26 декабря, сообщала «Наша нива» в 1909 году, читали о строении человека... Сошлось много народу, старых и молодых, мужчин и женщин». По воскресным и праздничным дням демонстрировались «туманные картины».

Не только за знаниями шли сюда крестьяне. Имелась здесь и небольшая аптека с самыми необходимыми медикаментами — своего рода сельский пункт медицинской помощи. Врача в деревне не было, а до Бреста — двадцать верст. И вот крестьяне получали лекарства в библиотеке — или за небольшую плату, или бесплатно. Снова адресуемся к газете «Наша нива»: «Каждую неделю за лекарством приходило по 10-15 больных и даже из дальних деревень...»

...Семь лет — с 1905 по 1912 годы — библиотекой руководил учитель Антон Павлович Зенькевич. В 1912-м он уехал в Петербург поступать в высшее учебное заведение.

О дальнейшей судьбе народной библиотеки, нет, к сожалению, достоверных сведений. Известно только, что действовала она до 1915 года, а затем была уничтожена немцами, оккупировавшими Гродненскую губернию. В конце двадцатых годов, по инициативе жителей деревни, библиотека вновь возродилась. А через десяток лет ее снова постигла трагическая судьба — разграбили пилсудчики.

После воссоединения западных областей Белоруссии в едином государстве воспрянула и библиотека, но в период временной оккупации Брестчины немецкими фашистами, она вновь прекратилась. После Великой Отечественной войны, с 1948 года, начинается наиболее яркий этап в славленной истории павленковской библиотеки в селе Остромечево. Трижды уничтоженная и трижды возрожденная, она продолжила заложенные еще в 1905 году традиции народного очага культуры на селе.

...Помню, какое впечатление произвел на меня, журналиста областной газеты, уголок истории в сельской библиотеке: фотопроизводство газетной страницы «Нашей нивы» за 1908 год, фото небольшого здания школы, где в крохотной комнатке размещалась десятки лет народная библиотека-читальня, портреты издателя Ф.Ф.Павленкова, Янки Купалы, первого библиотечаря-энтузиаста, учителя местной школы А.П.Зенькевича... Да и никого не могла оставить равнодушным эта страничка истории села.

А сейчас узнаю, что ничего этого в библиотеке уже нет. В областном краеведческом музее удалось разыскать редкостный экземпляр «Лечебника домашних животных» с печатью павленковской библиотеки. 1903 год издания... А где же остальные материалы? Фотографии, вырезки из «Нашей нивы»?

— К сожалению, — рассказывает мне нынешняя заведующая остромечевской библиотекой Татьяна Владимировна Козавчук, — многое сохранить не удалось.

Выпускница Могилевского библиотечного техникума, она заведует библиотекой пятый год.

— Отношение к культурному очагу в Остромечево, — говорит Татьяна Владимировна, — характеризует и общее состояние просветительства в области, если не во всей республике. Впечатление такое, что работа старейшего учреждения культуры, чья история началась еще в 1905 году, сейчас мало кого интересует. Надеемся, правда, что в нынешнем году, наконец, завершится строительство сельского дворца культуры, где отведут помещение и для библиотеки. Во всяком случае, обещают в июле-августе...

Сейчас в библиотеке свыше 12 тысяч книг. Читателей, постоянно пользующихся ее услугами, — 1200 человек. Есть передвижки — одна в самом Остромечево, на молочно-товарной ферме, другая создается в деревне Сухаревичи.

Я поинтересовался, продолжает ли родословная первых читателей павленковской библиотеки? Оказывается, да. Внучатая племянница одного из первых читателей 1905 года Силуана Григорьевича Кравчука — Мария Кравчук — постоянный читатель остромечевской библиотеки. Много записей в формулярах внучки и внука другой старейшей читательницы Пелагеи Шиш — Наташи и Николая.

Время наше быстротечно, отмечено перепадами в экономике. Но ясно, что без духовных основ, без культуры движение вперед невозможно.

— Мы это прекрасно понимаем! — говорит руководитель одного из крупнейших сельских хозяйств области, которое недавно получило статус «Коллективного сельского хозяйства Остромечево», Алексей Степанович Скакун. — И поэтому принимаем все меры к тому, чтобы культура все больше и больше проникала в жизнь тружеников села. В том числе отдаем дань работе старейшей библиотеки. С переселением в современное здание Дворца культуры, я уверен, по-новому пойдет ее жизнь.

Как говорится, дай-то Бог!

Олег ПОСКРЕБЫШЕВ

РОДИНЫ ЛЮБЕЗНОЙ БЛАГОДАТЬ

Так бывает иною порой...

Уж насколько подвержен бессонницам
Лист осины — и тот отглаголится,
Если с поля ночного и луга
Веет ветер тепло и упруго;
Весь — настой, весь — тягучий, как мед,
Он спокойно и ровно идет.

Не дыханье ли жизни глубокое
Обнесет вас живой обволокою?
И не руки ль родимого края
Теплой негой так обнимают?
Льется воздух, творить устремясь,
Словно пахоты бархатный пласт.

Ах он, ласковый и успокоенный!
Ну-ка, ну-ка подставьте лицо ему...
Он и руки по-песью облизнет,
Он и дум ваших тайны обдышит...
Он такое поможет решить,
Что начнете уверенной жить.

Пусть беда в ворота, пусть мучения...
Где-то копится вздох облегчения!
В скорбный день,

в час надсадный и крайний
Ты уловишь отцизны дыханье
И почувешь спасительно в нем
Дедов луг, бабкин сад, отчий дом.

Душа человекья

Должны быть все-таки святыни...

Я.С.Меляков

Все изведется да исплachtetся,
Издергается до корней —
И выйдет на люди растратчицей
Того,
Что завещалось ей.

А было ей добро завещано,
И свет,
И к родине любовь...
Какой же вьюгой,
Злюкой бешеной,
Все выдуло из крамов?

Перемела напасть дорогу ей,
Летит,
Все руша и круша,
И стонет-плачет, как убогая,
Оставшись без святынь,
Душа.

Сонет полной чаше жизни

Все надо испытать, пока живешь:
Надежду и печаль... мечты... напасти...
И счастлив ты бывал, пускай нечасто,
И солнце не считал за медный грош.

То на творца своей судьбы похож
И вроде все в твоей высокой власти,
А то в порыве безнадежной страсти
Со стоном на колени упадешь.

Волшебные ль опутывали чары,
Ночные ль страхи филином кричали,
Душа ль томилась, чем-то смущена...
Но если — в ликование и в печали —
Ты не испил всей жизни вроде чары,
То как судить, была ль она полна?!

Навек!..

Мы в жизни часто говорим: — Навек!...
— Навек любовь...
— Навеки в дружбе верность...
— Навек!... —

И вдруг почувствуешь безмерность
Высоких планов, чувствований, вех.
— Навек запомню...
— Буду вечно рад...
— Навеки ваш...
— Поверь, я твой навечно... —

Вот слово для судьбы нескоротечной,
На длительный во времени расклад!
— Навек, — я говорил, — нам суждено...
— Вовек, — твердил я, —
не предам забвенью... —

Но пролетит и минет, как мгновение,
То, что казалось вечности равно.

И лишь порой, когда заходит речь
О самой горестной (навек!) разлуке,
В слезах или заламывая руки,
Нельзя мгновенней в слово боль облечь.

*...Верю в людей,
похожих на Пьера Безухова...»*

(реплика)

Дровами занят дюжий человек,
Пыхтит и косолапит, как медведь,
Нет-нет, да и посмотрит круто вверх,
Чтоб колуном свод неба не задеть.
Но силою своей кичиться
Он
Считает за фасон,
За баловство.
Однако всем ли ясно —
Не резон
Из равновесья выводить его.

Опасно хитрецом держаться с ним,
Сквалыжничать и злобствовать нельзя.
Не любит он вокруг себя возни,
И себялюбство не его стезя.

Ни самохвальства и ни чванства в нем:
Для черных душ он ветер-чернолом,
А к любимым он и сам любви исток,
Тепла исток,
Желанья тихий вздох.

В нем вспыхнет вдруг
восторженный испуг,
Когда дитя он на руки берет;
В нем вечная опаска,
Как бы вдруг
Вас не обидеть словом впоперек.

С ним рядом неуютно подлецу,
И наглецу он —
Скорый укорот...
Зато такие всей земле к лицу,
Таковыми светел и красив народ.

Ласточки, летуны-хлопотуши,
Нежные и радостные души!
Ваш разливно-мелодичный свист,
Вольно трепеща, струится вниз,
Как слезинка, радужен и чист.

Радость жизни в небо вас возносит,
Сладостно вам плавать в синем плесе...
Только жаль, что вскорости опять —
Словно все приснилось — покидать
Родины любезной благодать.

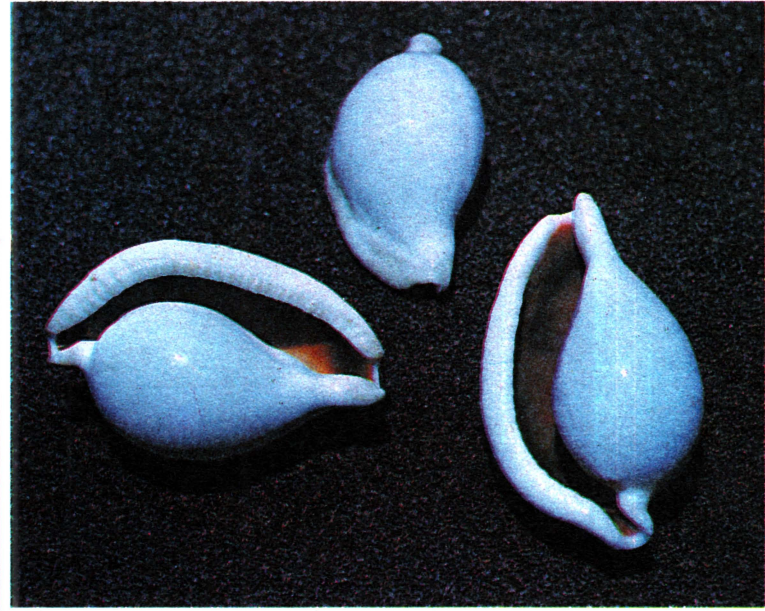
Необъятно небо словно тайна:
Обомлеешь сердцем, в нем витая.
И недаром праздничный восторг
Вылился, отраден и высок,
В каждый ваш вираж, в любой виток.

И земля — родимая, родная —
Каждою былинкой обмирает:
Только б у ее крылатых чад
Все пошло ладом, путем, на лад —
Только бы вернуться вам назад!

Ласточки-касатки, хлопотуши,
С ветром странствий
в крылышках стригущих!

И у вас, поди, душа болит,
Как бы не загинуть где вдали —
Без родимых неба и земли?..

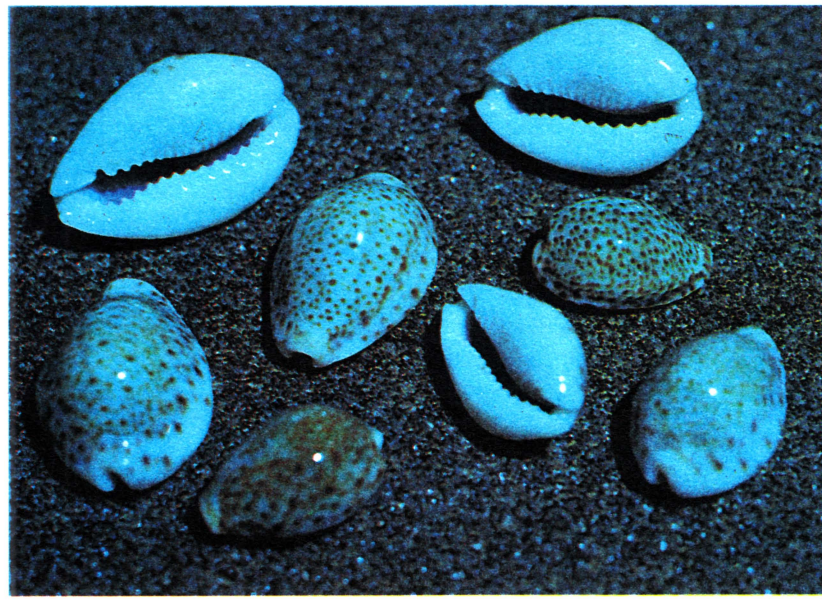
АМФИПЕРАС ОВУМ — «коясугай»
«кина», «Раковина Румия»

ЛУРИЯ ИЗАБЕЛЛА —
«лехо-кипе-лима» гавайцев

ЭРОЗАРИЯ ТУРДУС

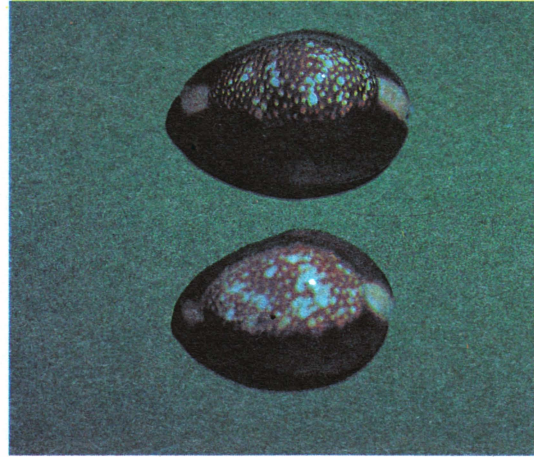

Слайды Николая МАРКОВА

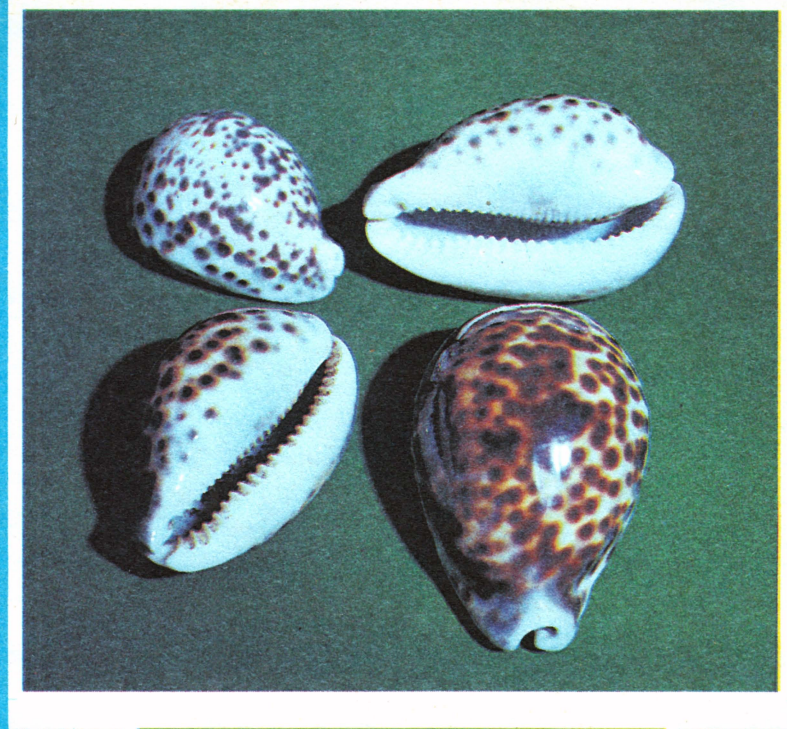
ЦИПРЕЯ ПАНТЕРИНА —
«Минкаф» арабов средневековья

ЭРОЗАРІЯ КАПУТСЕРПЕНТИС

ЦИПРЕЯ ТИГРИС

Рудольф
БУРУКОВСКИЙ

КАУРИ

Раскрываясь, словно крылья...

Посмотрите, посмотрите:

Сонмы сказок, сонмы былей,
сонмы судеб и событий...

Мы же с ярким многоцветьем

Полированных ракушек

Все играем, словно дети,

Что не могут без игрушек

Камарон Шеллер
«Раковины Афродиты»
(перевод Р. Буруковского)

Есть темы, к которым — вольно или невольно — возвращаешься неоднократно. Кажется, что они неисчерпаемы. Таковы и сюжеты, связанные с раковинами каури. В своем очерке «О чем поют ракушки» («Уральский следопыт, 1987, № 2) я уже рассказывал о них в роли денег. Здесь же затрону другие сюжеты из тех сонмов сказок и былей, о которых упомянуто в эпиграфе.

РАКОВИНЫ АФРОДИТЫ

Каури. О них знают многие, даже не коллекционеры. Посетители моего домашнего музея часто просят показать именно каури. И удивляются, когда я объясняю, что это всего три вида моллюсков из большого семейства Ципреид, в котором около 200 видов. Но так уж получилось, что индийское бытовое название (о нем — в следующей главе очерка) в наше время стало символом всего семейства. Хотя и латинское имя стоит того, чтобы о нем рассказать подробнее.

Ципрея, в греческой транскрипции Киприда, или Киприя — одно из имен, или прозвищ, греческой богини любви Афродиты. Афродита Анадиомена Киприда — Афродита Пенорожденная с Кипра — вот что это значило. И Ципреи вполне заслуженно носят это почетное имя — прежде всего из-за своей красоты. Но, оказывается, не только из-за нее...

А в немецком языке Ципреи называются «порцелланеншнеккен», т.е. фарфоровые ракушки. Судя по словарю В. Дая, в России их называли порцелланитом, то есть так же. В этом «виноваты» средиземноморские Ципреи: Ерозария спурка, Зонария пирум, Шильдерия ахатидеа и — в первую очередь — Лурия лурида. Она, благодаря своим черным пятнышкам по сторонам устья раковины, походит на какую-то симпатичную зверушку.

Чуть ли не с каменного века все эти Ципреи считались амулетами, предохраняющими женщину от бесплодия. И посвящались эти ракушки женским богиням. В Риме — двойнику Афродиты Венере. Римлянки, а позднее итальянки называли Лурию лурида ласково «свинка», «поросеночек» (по-итальянски — порчелла, порчеллетта).

И вот Марко Поло привез в Италию из Китая фарфор. Итальянцы, пораженные сходством фарфора и порчеллы, назвали его «порчеллано». Так и попало это на-

звание во все европейские языки. А в немецком — как бумеранг — вернулось к самим Ципреям.

Кстати, из книги В.А. Корочанцева «Остров загадок и открытий» я узнал, что на Мадагаскаре Ципреи и сейчас — символ женственности и бесконечности рода. Мальгаша считают, что в Ципрее живет божество, делающее женщину плодородной, а поля — урожайными. Женщины носят юбки и передники с бахромой из множества Ципрей, в том числе с такими крупными, как Мавриция маппа. И мужчины тоже нередко носят их на поясе, как талисман.

А в некоторых европейских странах до наших дней сохранился обычай дарить на свадьбе дочери Ципрею тигрис с выгравированным на ней крестом — как амулет от бесплодия. Подарок сопровождается пожеланиями, чтобы дочери и их мужья подарили своим родителям много внуков.

Потрясающе устойчивы некоторые обычаи! При раскопках знаменитого храмового комплекса в Карнаке (Египет) была найдена целая коллекция Ципреид. Здесь были Ципреи: пантерина и тигрис; Монетарии: монета и аннулюс, Мавриции: арабика и хистрио, Линцины: камелопардалис и вителлюс, Эрозария капутсерпентис и Бистолида еритреэнзис. Словом, чуть ли не все виды, что и сейчас обитают в прибрежных водах Красного моря.

Ципреи находили и в местах, очень удаленных от Красного моря и других теплых морей. Так, Ципрею тигрис обнаружили при раскопках доисторических ямных поселений близ Гента (Нидерланды), в галло-романских некрополях Монтерозато (Северная Италия), в Помпеях (недалеко от Неаполя), в Винницкой области, у села Косаново, в захоронениях так называемой Черняховской культуры (V-II вв до н.э.). А Ципрею пантерину — в Англии, в женских (!) саксонских могилах, раскопанных в графстве Кент; во Франции — в франко-меровингском некрополе Несле-лес-Верлингтон; в Крыму; в развалинах средневекового Мерва (Средняя Азия)...

Но все-таки: когда при раскопках находят бусы, браслеты, подвески из раковин, понятно — это украшения или амулеты.

Какова же роль «просто» раковин? Одна догадка забрезжила, когда посетительница нашего домашнего музея гидробиолог из Киева А.П. Козаку узнала в Ципрее тигрис ту самую раковину, что была обязательным атрибутом молдавских цыганок. Они называли ее «геок», прикладывали к уху, якобы слушая, что доносится из раковины, и на этом основании предсказывали судьбу всем желающим. Конечно, если учесть, что, по утверждению знатоков теории информации, белый

шум (так называют, например, шум моря: к нему же относятся и звуки, доносящиеся из устья раковины) содержит всю информацию, имеющуюся в нашей Вселенной, то цыганкам явно было из чего выбирать в своих предсказаниях!..

Если Ципрея пантерина ограничена в своем распространении Красным морем и Восточной Африкой, то Ципрея тигрис встречается по всем мелководьям Индийского и западной части Тихого океана. В Красном море она так обычна, что в некоторых местах огромное количество раковин пережигают на известь.

Странные связи прошлого и настоящего образуются иногда с помощью ракушек! Вот, например, в журнале «Вокруг света» я нашел заметку писателя-фантаста В.Бабенко, а потом подтверждение написанного в ней — в книге известного чешского этнографа М.Стингла. Речь шла о навигации полинезийцев по Ципреем.

Оказывается, микронезийцы из высушенных волокон пандануса и пальмовых листьев сплетали хитроумную решетку. В определенных ее местах навигатор прикреплял ракушки (судя по фотографии, это были мелкие Ципреи — Эрозария капутсерпентис, или «голова змеи»). Узловые точки решетки — «перекрестки» — давали понятие о постоянных течениях и господствующих ветрах, а ракушки обозначали рифы и атоллы.

Сейчас секреты древних мореплавателей утеряны. Кому они нужны во времена спутниковой навигации? Но Эрозария капутсерпентис нашла свое применение и в современной жизни Океании. Один из посетителей нашего домашнего музея — Ю.В.Еремин из Владивостока, бывавший на островах Фиджи, рассказывал, что там в качестве знаков различий у военных и полиции на погонах не звездочки, а Эрозария капутсерпентис.

А следующий сюжет «заварил» я сам. Как-то мне в руки попали японские старинные истории, среди которых была «Такэтори-моногатари» — «История старика Такэтори». И в сказке о лунной деве Кагуя-химэ я наткнулся на упоминание о морской ракушке «коясугай», которая якобы помогает легко, без мучений рожать детей. В примечании было сказано, что это — какая-то разновидность Ципрей, похожая на птичье яйцо.

Я думал, думал, какая же Ципрея могла бы выступать в такой роли? И почему-то решил: наверное, Эрозария турдус. Она действительно смахивает на птичье яйцо благодаря коричневым пятнышкам, густо усыпавшим серовато-голубую поверхность. И имя у нее птичье (турдус — родовое название дрозда по латыни).

Однажды, выходя со двора, я столкнулся со своим приятелем, спешившим куда-то с очень озабоченным видом.

Чуть не сшибленный с ног, я резонно спросил:

— Ты куда несешься?

— Да, понимаешь, у жены подруга в Риге, так сказать, в «приятном ожидании». Муж в море, родных в городе нет. А ее мучают всякие предчувствия. Не спит, плачет. Вот моя Тамара взяла отпуск и едет ее успокаивать. А я за билетами бегу.

И тут меня ошенило.

— Пошли! — сказал я и, видимо, так решительно произнес это, что он не стал сопротивляться.

Завел его в дом, достал из обменных ракушек экземпляр Эрозарии турдус и сказал:

— Вот это — ракушка «коясугай». По канонам японской магической средневековой медицины роженица во время родов должна ее держать в руке, и тогда роды будут безболезненными, а роженице и ребенку ничего не будет угрожать.

На том мы и расстались. Через несколько дней Леша мимоходом кинул мне при встрече, что подеивствовало — Тамарина подруга успокоилась. Ну, успокоилась, так успокоилась! Я хихикнул про себя и забыл о своей маленькой мистификации.

А еще через пару месяцев я, позванный к телефону, услышал в трубке Лешин голос, выкрикивающий:

— Четыре восемьсот!.. Пятьдесят один!..

Не без труда я добился членораздельного ответа и услышал вот что. Оказывается, эта дама так уверовала в магическую японскую медицину, что исхитрилась пронести ракушку в родильное отделение (как она это сделала — отдельная, почти детективная история). И — представьте себе! — безболезненно и быстро родила богатыря весом почти пять килограммов.

Вот вам и коясугай!

А закончилась эта история неожиданно и для меня. В статье американки Вивиан Абро, на которую я натолкнулся в журнале «Си энд шоре» («Берег и море»), я прочитал, что на островах Рюкю в Японии и на Филиппинах еще не так давно женщинами во время родов использовалась близкая родственница Ципрей Амфиперас овам, действительно похожая на яйцо, на обыкновенное куриное яйцо, только отполированное с поверхности. Раковины подбирались таких размеров, чтобы как раз укладывались на ладонь при сжатии пальцев в кулак.

Когда начинались схватки, роженица брала по раковине в каждую руку и сжимала их тем сильнее, чем сильнее были схватки. И так в течение всего процесса родов. Женщины верили, что это облегчает боль и ускоряет роды.

Не удивительно, когда ракушки — в

том числе и Ципреи — имеют хождение в приморской тропической стране. Примеров этому — несть числа. Взять тот же Мадагаскар, где крупными створками Пинны — лелабасы на местном наречии — вычерпывают воду из пирога, а раковины мелких прибрежных моллюсков — Нерит и более крупных Турбо и Мурексов — используются как грузила для сетей. Крупные Кассисы — анджумбуна — служат барабанами, по которым бьют, созывая народ на войну.

Приморские племена папуасов на Новой Гвинее и население Океании тоже усиленно использовали раковины и как посуду, и как тесла, скребки, для изготовления рыболовных крючков и украшений — их Митр, Трохусов, Конусов, Нассариусов. Об этом много написано в книгах Н.Н.Миклухо-Маклая. Интересующихся я адресую также в Петербург, в музей Института этнографии на Васильевском острове.

Есть среди раковин и заведомые фавориты, вроде той же родственницы Ципрей Амфиперас овам. Из нее делали ожерелья, украшали ею пироги. Мужчины-маланезийцы, пробив с нижней стороны отверстие и украсив сверху несложным орнаментом, использовали ее в качестве гульфика, кардинально решив проблему одежды.

Но при всей популярности этих прекрасных ракушек в Новой Гвинее, на Гаваях и в остальной Океании, у местных жителей и коллекционеров всего мира — их роль в судьбе человечества не очень велика. И поэтому все, что рассказал здесь, всего лишь предисловие к судьбе одного из видов Ципрей. Я упоминал ее мельком чуть выше. Это Монетария монета. Единственный вид среди Ципрей, заслуженно носящий имя каури, ибо именно его называли так в Индии в незапамятные времена

БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОЙ РАКУШКИ

На базарной площади города Ломе — столица Республики Того — возвышается странное здание. Почему оно странное, я понял не сразу. Только потом до меня дошло, что в многочисленных оконных проемах нет стекол, и хотя сквозь них видно было, что внутри буквально кишат люди, здание производило впечатление нежлого, особенно по контрасту с бурлящим вокруг многоцветьем африканского базара. Но оказалось, что базар продолжался и внутри здания. Вернее, не ба-

зар, а аналог наших «толкучек». Там тянулись бесконечные ряды мелочных лавчонок. Диапазон — необычайный. Китайские зажигалки, гонконговские часы, местные ткани, овощи, французская помада, японские калькуляторы, какая-то утварь антикварного вида.

И вдруг... На прилавке перед дебелий красавицей-африканкой лежит кучка ракушек. Это были раковины обитательницы мелководий Индийского и Тихого океанов — Монетария монета.

Потом я не раз обнаруживал их на африканских базарах: и в Сенегале, на Сандаге — знаменитом дакарском рынке, и на базаре городка Котону в маленькой Бенине, и на рынке столицы Республики Кот-Дивуар Абиджан, окруженном засохшими деревьями, на которых, как жирные коричневые тряпки, висели сотни летучих собак. Иногда рядом с блестящими, словно специально отполированными, только что из воды вынутыми ракушками лежали побелевшие и ставшие от старости пористыми экземпляры. И это были не пляжные мертвые раковины. Нет! У тех совсем другая поверхность. Тут явно были следы многих рук, чей пот (а это же кислота!) развел поверхность Ципреек.

Монетария монета — один из самых распространенных и обычных мелководных видов Ципрей. Недаром по десятибалльной шкале Бюрджеса — известного коллекционера и исследователя Ципрей — они обозначены низшим, первым баллом.

По своему географическому распространению их относят к индо-вест-пацифическим видам, то есть они распространены по всему Индийскому океану и западной части Тихого океана, а также встречаются у его островов.

Но зачем их сегодня продают на западноафриканских базарах? Будто вот тут, у берегов, не водятся свои виды Ципрей! Так ведь водятся! Но все же везут за тридевять земель именно Монетарию монету!

О том, как ее используют, мне рассказала мой товарищ по одной из морских экспедиций Тина Яковлевна Уманская, не один год проработавшая в Мали.

Мать ее домохозяйки, мавританка Фатма, шестидесятилетняя матрона, молча руководящая семьей из тени под деревом во дворе дома, где она проводила время, любила гадать. Для этого у нее имелся плетеный из соломки подносик диаметром сантиметров тридцать. Фатма бросала на него пригоршню раковин, смотрела, как они ложились, и что-то рассказывала своему клиенту. В процессе рассказа она встряхивала подносик, ракушки ложились по-иному, и, в зависимости от положения мелких и крупных и по каким-то еще, только ей известным признакам, она предсказывала. По-

чему же для гадания используют именно Ципрей (помните «геок»?), а среди них — Монетарию монету?

Пристрастие к этой ракушке уходит своими корнями глубоко-глубоко, к самым темным временам истории человечества, и охватывает огромные пространства — всю Африку, Азию (за исключением Северной, Центральной и Восточной Сибири) и Европу (за исключением северных районов Скандинавии). А также некоторые районы Северной Америки. Именно на этих просторах находят следы использования Монетарии монеты со времен седой древности.

И именно Монетария монета обнаружена в Китае, на очень большом удалении от моря (Северо-Западный Китай, провинция Ганьсу). Здесь раковины найдены и в местах древних поселений, и в более поздних могильниках. Встречались они в таких количествах, что можно утверждать о существовании проторенных торговых путей из Ганьсу к морскому побережью, где обитают эти моллюски. В течение нескольких тысяч лет они составляли непрерывную деталь в орнаментальной росписи на керамической посуде Ганьсу. Вот что об этом пишет археолог Б.Л. Богаевский: «Нельзя не удивляться необычайной тщательности, с какою на многих сосудах выполнены тончайшей кисточкой все эти бесчисленные зубчики излюбленного мотива.

Нельзя также не удивляться постоянству, с которым мастер вновь и вновь обращался к основной композиции и разработывал шаг за шагом, создав целую «азбуку» раковинистого, зубчатого мотива каури».

Это имя — «каури» — они получили в Индии. В Китае им были посвящены два иероглифа, представляющие собой стилизованное изображение ракушки. Они читались «пей» и «пи». До сих пор в ходу эти иероглифы, входящие более чем в двести слов, связанных с деньгами, экономикой (см. также мой очерк в «Уральском следопыте, 1987, № 12).

А само слово «каури» имеет свои корни в санскрите, происходя от слова «Karaḍa», которому в двух современных языках Индии, хинди и урду, соответствуют «kauri» или «kaudi».

В «Санскритско-английском словаре» М. Уильямса (Оксфорд, 1872, цитирую по работе Дж. У. Джексона, 1916) указывается: «Karaḍa: ...маленькая раковина, или каури, используемая как монета или фишка в азартных играх». Интересно, что так же называют на санскрите волосы, заплетенные в косы или связанные узлами, подобно раковинам каури. Такие волосы были у Рудр — божеств самых древних слоев индийской мифологии, и их «наследника» из более поздних мифов — бога Шивы. И Капардин (буквально — «кос-

маты, с волосами, заплетенными в косы или узлы») — это одно из их имен.

Насколько широко использовались каури в быту Индии и Тибета тех времен, говорит хотя бы то, что зола из них входила в состав целого ряда лекарств, о чем сообщается в знаменитом памятнике средневековой тибетской медицины «Чжуд-ши». Без каури нельзя было играть в столь распространенную в Индии игру, как «пачиси». И тому подобное.

У каури много имен. Португальцы — первые из европейцев, пришедшие в Индию и сыгравшие свою роль в истории каури, звали Монетарию монету «буджи», или «бугжи». Абorigены Мальдивских островов, где в больших количествах заготавливались каури, называли их «бола», а тайландцы — «биос». Есть и другие названия каури, которые я буду приводить по мере необходимости.

Эти ракушки, конечно, имели свои названия у всех тех народов, у которых они были в чести. Но кто сейчас знает, как их называли жившие 4000 лет назад в Минусинском крае племена, относимые к так называемой Афанасьевской культуре, в чьих могильниках находят каури? И кто их завез в эти глухие тогда края с далеких тропических морей?

То же самое можно сказать о северных соседях китайцев.

Государство Хунну располагалось в Забайкалье и Северной Монголии. Сложные отношения веками связывали Китай и Хунну. Одно время последние стояли во главе объединенной Центральной Азии, поработив Китай.

Могильники Хунну располагаются в горах Носин-Ула. При раскопках даже рядовых хуннских погребений, главным образом женских, среди других украшений находили отлитые из бронзы изображения Монетарии. Весьма возможно, что это — влияние китайской культуры.

А не так уж далеко от этих мест, в Туве, на высоте 2600 метров над уровнем моря, в высокогорной долине Саглы, на сорока квадратных километрах рассыпаны, как бусы порванного ожерелья, 19000 курганов. Это погребения скифской эпохи. В захоронениях IV-III вв до н.э. среди огромного количества золотых украшений вместе с сердоликами из Индии находят и каури.

И пристрастие к ним дожило в Туве до наших дней: они используются тувинцами в некоторых национальных играх.

Находили каури и в других скифских захоронениях, что раскиданы на огромных пространствах нашей страны, в том числе, например, в Крыму, Херсонской и Днепровско-донецкой областях (VII-III вв до н.э.).

Пользовались каури симпатией и в Якутии. Я убедился в этом, с удивлением обнаружив на выставке якутской старинной утвари из Томского музея, несколько

лет назад гостившей у нас в Калининграде, нагрудник свахи. Он представлял из себя сплетение узких ремешков из оленьей кожи, в узлах которого находились раковины Монетарии монеты. По черноте от времени, сохшиеся ремешки и побелевшие ракушки красноречиво свидетельствовали о возрасте этого «устройства». И возникла — не первый и, видимо, не в последний раз мысль: ну что говорили ей, неведомой якутской женщине, эти ракушечки? А ведь что-то говорили! Так же, как шаманам Алтая, которые нашивали их на свои шапки.

А в Хакасии обычай использовать Монетарии для украшения женских свадебных нарядов сохранился почти до сегодняшнего дня. Я давно знал об этом. Но как-то я показывал мою коллекцию ракушек коллеге с Дальнего Востока Н.Л.Асеевой. В беседе выяснилось, что она родом из Хакасии. Конечно, я немедленно пристал к ней с вопросами. В ответ Надежда дала мне адрес своей двоюродной сестры, сотрудницы Абаканского областного краеведческого музея, Л.Г.Учдыгановой.

И вот что мне ответила Людмила Георгиевна.

«...Раковины каури по-хакасски называются чысланмас, что в переводе значит: чыслан — змея, нас (мас) — голова, предположительный перевод — голова змеи (!!! — вспомните ниже про этот перевод — Р.Б.).

Раковины нашивались на детскую, женскую одежду, на нагрудные женские украшения «пого», женские седла, суконные чепраки, детские люльки, шапочки, кафтан и куртки шаманов.

Считается, что раковины каури появились на территории Хакасии еще 3 тысячи лет назад, в Карасукскую эпоху. Позже, в период средневековья, они были широко распространены в Древнехакасском государстве. Завозились они из Индии по знаменитому Великому шелковому пути через Китай, Тибет, Монголию.

У хакасов издревле существовал культ богини Умай, по-хакасски Ымай идже. Она невидима для людей и постоянно находится на небе, среди белых облаков, откуда следит за рождением детей и оберегает их от болезней. По представлениям хакасов, богиня Умай — это духовная мать всех детей, живущих на земле, хранительница детских душ и покровительница беременных и рожениц. Вполне вероятно, что именно изображение богини Умай мы встречаем на хакасских нагрудниках — пого, которые надевают свахи (!! — Р.Б.). В настоящее время никто из хакасов не помнит значение этих старинных нагрудников. Однако привнимательным изучением рисунка пого становится ясно, что здесь имеется стилизованное изображение лица каменных баб (каменные изваяния окуневского времени).

Значит, надевание нагрудника пого на свадьбу было связано с культом богини Умай. Таким образом молодой семье желали иметь потомство. У хакасов считается, что раковина каури обладает свойством притягивать душу ребенка. Поэтому в качестве оберега ее пришивали к детской одежде, к пого, а также к костюму шамана, т.к. в нем он проводил обряд «ымай тартар» — «притягивать ымай» — с женщиной, страдающей бесплодием, или же, когда часто в семье умирали дети, то шаман совершал обряд изгнания из юрты черного ымая, т.е. черной части души умершего ребенка. И т. д.».

Письмо Людмилы Георгиевны, как видите, многое подтвердило и многое связало и с тем, что я уже написал в предыдущей части очерка, и с тем, что вы прочтете ниже.

...Давным-давно в журнале «Вокруг света» № 1 за 1970 год я натолкнулся на очерк О.Гордеева «За бабушкиным приданым». Мне бросилось в глаза, что на фотографиях, иллюстрирующих очерк, национальная одежда разных народов Поволжья буквально усеяна каури.

Башкирская женская одежда. На задней лопасти головного убора (подзатылье) — в три ряда Монетарии.

Одежда замужней чувашской женщины. На головном уборе — кушпу — оторочка из ряда каури. И на нагруднике, что называется сурпан-саки — они же, а сверху — и ожерелье из ракушек.

Женщины удмуртского племени бессермян обшивали раковинами каури сумочки, чересплечные перевязи, носили ожерелья из них.

Нагрудники, фибулы, ожерелья, головные уборы (шурка) луговых марийцев — везде Монетарии.

Не составила исключение и мордва. Но об этом — несколько шире, так как мне удалось связаться с сотрудницей Саранского музея Т.П.Прохиной, которая очень любезно прислала мне подробное письмо, а вслед ему и книгу «Мордва». Вот что она мне написала:

«Мордва называют эти раковины «кумбрат». Использовались они на территории всей Мордовии, а также у мордвы, живущей за пределами республики».

И далее: «...в археологическом материале, датируемом VIII-XII веками, находящемся в фонде нашего музея, есть экземпляр несколько истлевшей раковины каури...»

А вот некоторые сведения из упомянутой выше книги.

Девушки и замужние женщины у мордвы-терюхан носили венец из каури. У мокшанок на панго, наиболее распространенном головном уборе, пришивалась затылочная лопасть, к которой часто прикреплялась длинная подвеска из раковин. В Атюрьевском районе и сейчас за-

мужние женщины по праздничным дням носят височные подвески из Монетарии.

Не пренебрегали ракушками и мордовки-эръзянки. Так, пулагей — набедренная повязка, обязательная принадлежность костюма замужней женщины, был покрыт металлической монетой и Монетарией. Их покупали у бродячих торговцев-татар.

Кстати, кажется, лишь у татар из всех приволжских народов не украшали женщины свою одежду раковинами каури. Я вырос в Татарии, неплохо представляю себе татарский национальный костюм и не помню, чтобы на нем были нашиты Монетарии.

А вы обратили внимание, что каури обшивали именно свадебные наряды или наряды замужних женщин? А в Якутии их носили не кто-нибудь, а свахи? Ничего это вам не напоминает?

Мне кажется, что здесь снова прямая связь все с тем же древним обрядом, который был призван защитить женщину от самой страшной женской беды — бесплодия.

И поэтому меня особенно тронула детская татарская тютбетечка в одной из витрин Этнографического музея в Петербурге. На ней были нашиты пуговица, орех-двойчатка, изречение из Корана и — Монетария! Так и представилась мама, заботливо пришивающая на тютбетейку любимого дитя весь набор средств, призванных предохранить его от сглаза.

И как эхо — похожую натютбетейку маминовою детскую шапочку с нашитыми Монетариями я обнаружил в соседнем зале, в витрине с армянской национальной одеждой. Здесь же я обнаружил амулет, который вешали в Армении на шею коров и лошадей, т.е. самого ценного, что было у крестьянина — его кормильцев. Это был обшитый бахромой ремешок, на котором подвешены три кожаных треугольника, тоже с бахромой, а на них пришиты пуговицы и каури.

Видимо, каури были в ходу у кавказских народов. Во всяком случае, амулет с Монетарией я обнаружил среди экспонатов из Сванетии. От моего знакомого из Чечено-Ингушетии, чечена Вахи Абдурахманова, я узнал, что у них старики и сейчас вешают на шею коров и лошадей каури, прикрепляя их в укромных уголках дома и даже... к сепараторам, чтобы не скисло молоко —

С.А.Арутюнов — учитель и краевед, коллекционер раковин — рассказал мне, что в 3-4 км от города Сальям, который расположен недалеко от Баку, есть руины азербайджанского городища Гырк-Чираг («Сорок свечильников»). Оно было разрушено еще в XII веке. После каждого дождя или вспашки на поверхности земли оказываются медные монеты, обломки чирагов (масляные свечильники), россыпи фрагментов стеклянных браслетов.

И среди этого богатства С.А.Арутюнов семь или восемь раз находил раковины Монетарии.

К сожалению, нет в моих руках хотя бы таких же данных по другим районам нашей страны. Но, например, в Керчи, в краеведческом музее, я видел в витрине кучку полустлелвших Монетарий, найденных при раскопках древнего Корчева, как когда-то называли Керчь. А в Херсонесском музее в Севастополе мне показывали хранящуюся в фондах Монетарию, найденную при раскопках усадьбы раннего Средневековья (IV-VII вв. н.э.). Четыре таких же ракушки, датированных IX веком н.э., хранятся в Волгоградском музее.

И кроме этого, каури находят в славянских курганах, на берегах Балтийского моря, на островах Балтийского моря Бьорке и Готланд, в могильниках древней Германии, Англии, Швеции и Франции.

Как же попадали Монетарии во все эти страны, расположенные столь далеко от мест, где они обитают?

Я попытался реконструировать некоторые из этих путей и по прямым указаниям, и по косвенным намекам, разбросанным по многочисленным книгам, которые мне пришлось перерывать. Очень помог мне, своим письмом доцент из города Орла И.Д.Дмитриев-Кельда. Он откликнулся на мою заметку в газете «Известия» (18 января 1980 г.). Конечно, реконструкция касается лишь исторически не столь далеко отстоящего Средневековья. Глубже заглянуть мне, увы, не удалось.

Итак, вот как все это происходило.

Караваны, которые, среди прочего товара, везли также каури, шли из Ормузда (существовавшего когда-то на побережье Персидского залива большого торгового города) к южному побережью Каспийского моря, в частности в порт Мизандаран. Там их перегружали на суда, плывущие на север, к устью Волги, в город Итиль. Оттуда каури везли вверх по Волге, до Булгар — столицы Булгарского государства, располагавшегося неподалеку от устья Камы. Еще несколько караванных путей, сухопутных, вели сюда из Ургенча, столицы Хорезма. В Булгарах каури перекупали славянские купцы. Они плыли вверх по Волге до системы волоков на своих лодках, затем перетаскивали их с грузами до самой реки Волхов. А оттуда — прямой путь до Балтики и острова Готланд, имевшего широкие связи со всей Европой. Стоит ли удивляться, что каури находят в захоронениях скандинавской принцессы раннего Средневековья, что богатые дамы в Италии вешали их на шею любимым собачонкам — «от глаз» и что в обычаях мастеровых во всей Западной Европе было обшивать свои фартуки этими ракушками.

Вот как дополняет мою реконструкцию И.Д.Дмитриев-Кельда в своем письме: «...На Каме были три древние культуры: I — Мазунинская (I-VIII вв.), примерно где Елабуга; II — Арская (VI-VII вв.), примерно где Агрыз-Ижевск; III — Чепецкая (VIII-XIII вв.), примерно где город Глазов. Против каждой из этих культур арабы выставили свои торговые фактории: I — Бискамбар (благословенная прекрасная возвышенность); II — Сарафули (основная обменная фактория), III — Джебел Сар (дальняя фактория) от Охака на Каме (поворот реки)...

В XI веке эти три перечисленные фактории... по водоразделам Ижа, Вятки и Ивы, получили внутреннюю сухопутную связь, послужившую основой знаменитой Арской дороги, остатки которой до сих пор ясно различаются в лесах Мельшюра (57° 36' с.ш., 53° 30' в.д.).»

Но древняя Русь была не только торговым путем для каури. Эти ракушки здесь знали очень хорошо. И пусть не подумает прочитавший в повести Н.С.Лескова «Зверь» о том, как барин садится «...на седло, покрытое медвежьей шкурой с пахвами и паперсями, убранными бирюзой и змеинными головками», что речь идет действительно о головах ужей или гадюк. Вспомните хакасское «чысланмас»! Так, а еще ужовками, жуковинами или жерновками звали на Руки каури.

Что же касается сбруи, украшенной «ослиными ракушками», не могу еще раз не процитировать отрывок из письма И.Д.Дмитриева-Кельды: «...Слово «каури» вовсе не чуждо современному русскому человеку. Вы могли вспомнить, что такие раковины обильно украшали конскую сбрую, и именно по ней в сказках конь носит название «вещий каурка». И довольно смешно выглядит попытка русских этимологов слово «каурий» вынести из некоего тюркского языка, датируя XVIII веком, тогда как «вещий каурка» существует почти тысячу лет».

Заманчивая гипотеза!

...Я давно мечтал попасть в музей Института этнографии, что расположен в здании знаменитой кунсткамеры на стрелке Васильевского острова в Петербурге. Еще бы! Именно там хранятся коллекции Н.Н.Миклухо-Маклая, собранные им в Новой Гвинее и Океании. Но мне каждый раз становилось тоскливо при взгляде на многочасовую очередь перед входом в музей. Однажды мой коллега, знающий мои переживания, не выдержал и посоветовал:

— Слушай, ты доктор наук или нет? Иди через служебный вход, только сделай лицо поумнее.

Поскольку я не знал, что это такое: «лицо поумнее», решил я не сразу. Но однажды все-таки не выдержал и с деловым видом, нахмутив брови и устремив

взгляд, так сказать, «сквозь миры» — в даль», прошел мимо вахтера. Не знаю, насколько яумно выглядел, но вахтер меня не задержал.

Так я и попал, наконец, в этот чудесный музей. О многом из увиденного я читал в книгах и с радостью узнавал, а кое-что рассыпано и на страницах этого очерка.

Но перед одной витриной я остановился в замешательстве. В ней стояли скульптурные изображения индейцев из племени ирокезов — вождя и его жены. На женщине была накидка, расшитая... Монетариями. Откуда?

Сотрудница, проходящая через зал, сказала, что на индейцах одежда начала нашего века. Я разочаровался, решив, что это было сделано уже на потребу любопытствующих белых. И забыл об этом.

Но нет! Через некоторое время мне попалась работа Джексона (1916). А в ней я нашел, кроме всего прочего, что Монетария монета использовалась индейцами племен оджибуэй и меномини в их магической медицине в качестве «связующей» раковины — миджис у оджибуэй и конэ'памик у меномини. По их поверьям, она служила посредником между индейцами и Великим Неизвестным.

Но когда же они могли попасть в Новый Свет? Оказывается, при раскопках индейских могильников XV века в штате Алабама в захоронении № 44 рядом с костяком нашли несколько раковин брюхоногих, и среди них — Монетарию монету... из Восточных морей (т.е. из западной части Тихого океана). Исследование показало, что Монетарии могли попасть сюда лишь с одним из кораблей Колумба. А то, что великий генуэзец имел их среди своих запасов, тоже, оказывается, известно.

Так замкнулось кругосветное путешествие маленькой Монетарии монеты.

Отрывочно и неполны истории маленькой, словно специально отполированной ракушечки желтого или белого цвета. Но что же привлекало людей именно к ней? Почему с таким постоянством тысячи лет они переходят из рук в руки, путешествуют по всему свету?

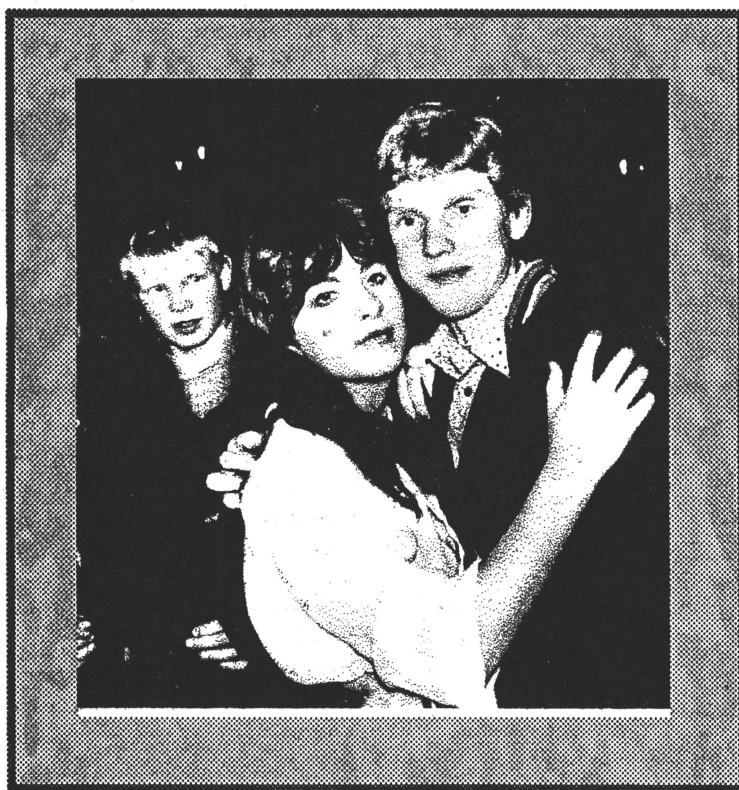
Секрет, наверное, в том, что когда-то люди поверили: они приносят счастье. И эта вера передавалась из поколения в поколение. Ведь все употребления этих ракушек, да и всех каури, связаны с этим — желанием счастья. Украшают ли ею свадебные платья удмуртские или хакасские женщины, дарят ли их молодоженам, пришивают ли от глаза на сбрую любимого коня или тюбетейку малыша, гадают ли с их помощью или ворожат — все это попытки так или иначе, но получить гарантию счастья. Другое дело, что это невозможно.

Но разве борьба с невозможным — не есть вся человеческая история? ■

Александр ТОЛСТИКОВ

НЕОБХОДИМЫЕ ЗНАНИЯ ОБ ИНДИИ

РАССКАЗ

Все шло прекрасно: к клубу Лопух примчался, когда еще не начали пускать в зал, под прикрытием темноты легко взобрался по пожарной лестнице на крышу, и — счастье! — слуховое окно оказалось открытым! Ловко и бесшумно Лопух спустился на сцену, с колотящимся сердцем прислушиваясь к шуму в зале по ту сторону экрана, беспрепятственно сошел в подвал, и тут обнаружилось, что в своей столярке торчит угрюмый дед Бежунар и, судя по всему, уходить не собирается.

Стараясь не дышать, Лопух спрятался за ку-

чей старой мебели, наваленной у двери, и с ненавистью смотрел на дедову спину.

И тут Лопух услышал храп. Дед спал!

Из столярки маленькая дверь выходила в оркестровую яму.

Через минуту Лопух уже сидел в оркестровой яме и, задрав голову, смотрел «Новости дня». Показывали Юрия Гагарина...

Лопух сидел тихо, не шевелясь: стул заскрипит и билетерша Домна, которая всегда сидит в первом ряду, услышит. В зале негромко переговаривались, кто-то сморкался, кто-то шуршал

конфетными бумажками, — Лопух спиной чувствовал этот огромный, наполненный людьми зал, и гордость за самого себя распирала его...

Если бы его видели сейчас одноклассники! Это была его тайна, первый в жизни рискованный поступок...

Веселого и обездоленного бродягу играл индийский киноактер Радж Капур. Сын богатых родителей волею случая был обречен на нищенское существование, но судьба распорядилась так, что он обрел в конце концов и родителей, и возлюбленную, красавицу Риту, и счастье... Здесь было много музыки, песен, слез, приключений, и если бы Лопух не рисковал быть обнаруженным, он хлопал бы в ладоши и топал ногами, когда бродяга Радж дерется с бандитом Джагой, пел бы вместе с Ритой... Но он должен был сидеть тихо, как мышь...

Он опомнился только тогда, когда поползли по экрану имена актеров и надо было немедленно сматываться...

Лопух бежал окраиной поселка, срезая путь. Он бежал в полной темноте не разбирая дороги, легко, словно летел, и восторг распирал его хилую грудь. Восторг требовал выхода, и Лопух зашел:

Дорога вдаль зовет меня,
Зовет меня,
Бродяга я...

Так пел Радж Капур. Лопух и был сейчас веселым бродягой Раджем, это он, Лопух, победил в драке коварного Джагу, спас Риту...

Ах, Рита, любила вора и бандита... — пел на ходу Лопух, и не было в этот момент человека счастливее его. Лопух был влюблен. Хотя восторг и скорость мешали ему осознать, что случилось...

Ночью Лопуху приснился сон: кожаное чудовище, физкультурный козел с большими лохматыми ушами гонялся за ним по школьному спортзалу, угрожающе цокая копытами. Лопух долго бежал от этой сволочи, а когда силы были уже на исходе, влетел на шведскую стенку, под самый потолок. Однако козел и не думал отступать, он медленно, со скрипом переставляя негнущиеся ноги, полез наверх.

Вот он ближе, ближе, еще несколько мгновений, и Лопух попадет в его страшные кожаные объятия. Он в ужасе зажмуривается и... просыпается.

Вот если бы в жизни страхи кончались бы так же быстро и безболезненно! Но в жизни будет хуже: сегодня физкультура, и снова Лопух ока-

жется на дорожке без разбега, перед своим кожаным мучителем, а класс будет смеяться. А потом он все-таки разбежится и даже ступит на деревянный мостик для отталкивания, но в решающий момент непонятная сила заставит его резко притормозить и свернуть в сторону. Под дружный смех он полетится в хвост шеренги — на свое законное место...

У Лопуха узкая, треугольная грудь. Руки тонкие. Словом — дохлак. В одной книжке Лопух прочитал, что любой человек может стать сильным и выносливым, если будет серьезно заниматься спортом. Тогда он попросил отца купить ему гантели и целых два месяца «качал» мускулатуру. Ничего не получилось. Мускулы остались в прежнем состоянии — измерял ниточкой. Тогда Лопух понял простую истину: раз уродился таким нескладным — таким и останешься. И гантели свои отправил под кровать.

День, и правда, получился на редкость паршивый. На истории Лопуха попросили рассказать о кардинале Ришелье. Он бодро пересказал содержание учебника, припомнил «Трех мушкетеров» и между делом сообщил, что у знаменитого кардинала были огромные уши.

Класс содрогнулся от хохота. Смеялась даже историчка, хотя изо всех сил старалась сдержаться. Но громче всех смеялась Анюта — это было обиднее всего.

На физкультуре, конечно, прыгали через козла, а у Лопуха опять не получилось — ударился грудью о кожаное туловище и с грохотом завалился на пол.

Весь класс получил зачеты. Даже толстуха Тамара, староста седьмого «б», хотя ее страховали человек десять. Особенно отличился дылда Манузин — он прыгнул через козла «щучкой», приземлился на руки и сделал кульбит вперед. Об Анюте и говорить нечего — она занимается в секции гимнастики и для нее прыгнуть через козла — пустяк.

Лопух и Анюта — соседи.

Когда-то очень давно, — иногда Лопуху кажется, что с тех пор прошла вечность, — их вместе отправили в школу, в первый класс. Анюта еще не выговаривала букву «р» и плакала по любому поводу. А теперь Лопух по сравнению с ней — сморчок.

Позавчера утром Лопух из своего окна видел, как Анюта делала во дворе гимнастику. Она была в трусиках и красной спортивной футболке. У Анюты длинные смуглые ноги, под футболкой — два острых небольших бугорка. Лопух смотрел на Анюту, и взгляд его тянулся к этим бугоркам, хотя он чувствовал стыд.

Анюта красивая. Лопух боится ее и времена-

ми ненавидит. За насмешки, за то, что она дружит с этим кретином Манузиным, за все. Вот в понедельник Анюта попросит у Лопуха списать алгебру, а он откажет. Хватит. Тогда уже он будет смеяться...

После уроков Анюта пошла домой вместе с дылдой Манузиным. Лопух шел сзади и мучился — отчего это она так радостно и громко смеется? Что интересного может рассказать ей второгодник Манузин?

Сам-то Лопух учился всегда легко, даже как-то лениво. Его голова забита самыми разными сведениями из истории, географии, математики, — он уже давно перечитал огромную отцовскую библиотеку, папа эту библиотеку всю жизнь собирал и продолжает собирать. Дом у них из четырех комнат, и в каждой — книги, книги... А за стеной живет Анюта.

Когда-то они придумали свою азбуку — перестукивались через стенку. Как заключенные в тюрьме. Стук еле слышался — стена, отделяющая их друг от друга, была толстой, капитальной, из двойного ряда кирпичей. Им нравилось перестукиваться — это была их тайна, никто не мог догадаться, что они передают друг другу. Все было хорошо до прошлого года, пока Анюта не стала дружить с дылдой Манузиным.

Ах, Рита, Рита, полюбила
вора и бандита...

Ночью Лопух долго не мог заснуть, ворочался, вздыхал.

В темноте он на ощупь пробрался на кухню, включил свет. Посмотрел в зеркало. Там торчала конопатая рожа с большими ушами и длинными, как у девчонки, ресницами.

Вышел во двор. Поселок спал. Ветер тащил откуда-то издали глухой лай собаки, тихо шелестели ветками клены. Ночь темная, бархатная, с миллионами звезд — мелких, колючих. Звезды подмигивали. И Лопуху стало так одиноко, так жалко себя, что он чуть не заплакал. Шумно вздыхая, подошел соседский пес Федор, его спускали на ночь с цепи, и он свободно разгуливал по поселку, устраивая свои собачьи дела. Подошел и ткнулся мокрым холодным носом Лопуху в ногу.

— Я люблю ее, Федор, — сказал собаке Лопух.

Федор зарычал.

... Он придет в Индию, упадет ей в ноги и скажет:

— Не отвергай меня, любимая! Я шел к тебе тысячи километров, сжег за собой все корабли, порвал все связи, бросил друзей и родителей. Я

брел по дорогам земли голодный, оборванный и нищий, я всем пожертвовал ради тебя. Я пришел сказать о своей любви. Но если ты любишь другого и отвергнешь меня, я буду жить здесь, рядом с тобой, стану твоим верным слугой и рабом, чтобы только видеть тебя каждый день.

А Анюта поцелует его и скажет:

— Ты — единственный человек на всем белом свете, которого я люблю, Сколько ты вынес страданий...

«Женюсь!» — холодея от восторга, подумал Лопух.

И начались другие сны — странные, волнующие. Развалины какого-то древнего города, длинная, полуразрушенная стена, и вдоль нее девушки в белых одеждах. Лица закрыты темной вуалью. Лопух медленно идет вдоль этой шеренги белых привидений и всматривается — пытается увидеть лицо. Лиц не видно, только сквозь мелкую сетку пробивается блеск глаз. Но вот одна девушка легким быстрым движением откидывает вуаль, и Лопух видит... Анюту. Девушки выстраиваются в две колонны, берутся за руки, поднимают их вверх, и Лопух с Анютой идут по этому живому коридору, как в школьной игре «ручеек». Но Лопух точно знает — девушка, которую он ведет за руку, уже никакая не Анюта, это Рита из кинофильма «Бродяга»...

А вот еще... Этот сон снился дважды. Дело было на Бродвее. Бродвеем в поселке называли улицу Алтайскую — единственную асфальтированную улицу. Асфальт был еще на площади возле клуба, но из улиц только Алтайская удостоилась такой чести. Наверно потому, что автобусы из Славгорода приходили именно на Алтайскую и там останавливались. По Бродвею гуляла поселковая молодежь и старшеклассники. На Бродвее «крутили любовь», выясняли отношения, назначали деловые свидания и просто гуляли.

Бродвейский сон был очень неприятным. Лопух гуляет по Бродвею с Ритой, а навстречу — дылда Манузин. Он загораживает дорогу и широко разводит в стороны руки — не дает проходу. В зубах у дылды дымится папироса, одет он в клетчатый пиджак, и Лопух с ужасом понимает, что это не Манузин — это бандит Джага, и сейчас Лопух должен вступить с ним в бой. Сердце Лопуха сжимается от страха и безысходности. Манузин-Джага выплевывает папиросу, снимает пиджак, вешает его на забор и, гнусно улыбаясь, медленно надвигается на Лопуха. Рита теснее прижимается к Лопуху, он зажимуривается и... звенит будильник.

О своей возлюбленной Лопух грезил не только во сне. На улице вовсю гулял май: по-летнему жарило солнце, просохли лужи, сбежали в озеро Яровое бурные, торопливые ручьи, после спячки повылезали из норок суслики — отощавшие за зиму, они торопливо рыскали по степи в поисках кормежки.

Лопух приходил домой из школы, швырял в угол портфель и заваливался на диван. Вот тут и начиналась вторая, тайная, жизнь Лопуха, о которой никто не знал.

... Нарты, запряженные собаками, а вокруг, сколько видит глаз, — снежная пустыня. Лопух умирает от холода, дохнут собаки, но он идет, идет пешком по спекшемуся снегу. Он должен достичь цели. Он бросил отца и мать, он один на всем белом свете, он идет вперед — в Индию! Там живет его любимая...

Так и жил Лопух этой весной: мечты, тайные и потому прекрасные вдвойне, потом сны, сны, а утром он тащился в школу — получать свои пятерки и смотреть, как дядда Манузин подбрасывает Анюте записки.

С горя Лопух вспомнил про свой дневник: до своей несчастной, неправдоподобной любви он вел записи каждый день, а тут вдруг забросил...

Он схватился за дневник как за спасение. Он теперь меньше лежал на диване, предаваясь мечтам, — положенные на бумагу, они стали более земными, материальными. Он сочинил что-то вроде программы. Под заголовком «Что нужно сделать» значилось:

1. Знание языка (хинди)
2. Умение ориентироваться на местности
3. Ловкость и выносливость
4. Необходимые знания об Индии
5. Умение водить машину, скакать на лошади, стрелять из пистолета...

Зачем он написал это? Лопух не смог бы объяснить и самому себе. Это писалось в его второй, тайной жизни, а в ней все было возможно — стрелять из пистолета, быть твердым и решительным, любить индийскую киноактрису...

В отцовской библиотеке нашлись книги об Индии. Человек аккуратный, привыкший все делать основательно, Лопух записывал в свой дневник: «V век ознаменовался величайшими достижениями в области математики, астрономии, медицины. К чудесам техники этого времени можно отнести железную колонну в Дели высотой более семи метров, на которой до сих пор не обнаружено следов ржавчины, а также

огромную двухметровую статую Будды из Султанганджа, отлитую из бронзы и меди...»

Он бормотал слова, ломкие и угловатые, они крошились на языке, рассыпались, как сухари, и во рту еще долго оставался сухой привкус Индии.

— Фатихпур-сикри. Рамесварам...

Он видел эту страну. Перед Лопуховым взором стояли подземные храмы Эллары и Аджанты, ветер горных рек и озер Кашмира ласкал его конопатое лицо, и город, похожий на взрыв — Бомбей, — волновал звучным и грозным именем.

Старики в поселке говорили, что не помнят такой ранней весны на Алтае. К началу мая уже были вскопаны огороды. Через две недели седьмой «б» получит годовые табеля и разъедется в разные стороны. На целых три месяца. Толстуха Тамара поедет к бабушке в Саратов, Манузин будет торчать в поселке, подрабатывать в поселковом строительном тресте на разгрузке вагонов — ему позарез нужны деньги, дядда хочет купить мотоцикл. А Анюта?.. Многие отправятся в пионерлагерь, в Ильинку. А Лопух опять будет все дни пропадать в степи.

Степь окружает поселок, она тянется на многие километры — сухая, выжженная беспощадным алтайским солнцем степь. Когда особенно жарко и земля горячая, как сковородка, на горизонте появляется узкая полоска реки. Несколько лет назад, когда Лопух был еще совсем маленьким, он впервые увидел эту речку. И пошел к ней. Шел, шел, но речка не приближалась. Она по-прежнему мерцала далеко на горизонте, и казалось, поверхность ее покрыта прозрачной, туманной рябью.

Он рассказал об этой странной реке отцу, и тот объяснил, что там, на горизонте, нет никакой реки — это сухой ковыль блестит на солнце.

И все равно — в степи хорошо. Можно лечь на спину, раскинуть руки и глядеть в белесое небо с редкими, как перышки, облаками. Они так и называются — перистые. Будто гигантская невидимая птица растеряла в небе свои перья. Хорошо еще и потому, что тебя никто не видит и не слышит — можно петь, кричать, говорить разные глупости. Взять палку и рубить малиновые головы татарника, воображая себя мушкетером. Или знаменитым спортсменом. Чемпионом мира по боксу. Киноартистом, конечно. Мечтать нужно о яркой, интересной жизни, где есть подвиги, большая любовь, слава, когда тебя любят, тобой восхищаются, когда тебя знают во всем мире, а не только в этом маленьком, пыльном поселке, по которому летом бродят сонные ку-

ры и собаки, а зимой метели заметают дома до самых крыш. Скучно...

На Бродвее гуляли. Лопух впервые пришел вечером на Бродвей — раньше ему это и в голову не приходило. Да и нечего здесь делать в одиночку. Бродвей требовал парного гуляния. Мальчики должны быть с девочками, девочки — с мальчиками. «Непарные» собирались в маленьком скверике за клубом, вокруг танцплощадки — большого деревянного помоста, обнесенного высокими металлическими прутьями и с эстрадой-раковиной. В раковине сидели клубные музыканты — джаз-банд, играли фокстроты, вальсы, танго. На танцплощадку пускали только взрослых, школьники же густо облепляли металлический забор снаружи и наблюдали за танцующими. Наблюдать было интересно: в поселке все знали всех, а здесь можно было увидеть и понять, кто за кем ухаживает, кто с кем соперничает, кто как одет.

Иногда на танцплощадке возникали ссоры, подвыпившие парни выходили наружу и выясняли отношения. Часто выяснения оканчивались мордобоем, и тогда в дело вмешивался поселковый милиционер Кислый.

Зачем он пошел на Бродвей? Лопух и сам не знал. В тот субботний вечер родители собрались в кино, а он, по обычаю, хотел почитать, помечтать в одиночестве. Но случилось так: он вышел на крыльцо, сел на ступеньки и вдруг услышал слабые, еле различимые звуки духового оркестра. И Лопуху вдруг ужасно захотелось быть среди людей, видеть гуляющие пары... Они все там вместе, а Лопух сидит здесь, в одиночестве, и читает свои дурацкие книжки.

Анюта, конечно, гуляла с дылдой Манузиным. На ней была синяя юбка и белая матросская кофточка с откидным воротничком — гюйсом. Она первая в классе отрезала косу и сделала модную стрижку. На ее пушистых волосах косо сидела синяя беретка. Анюта одевалась лучше всех в школе, а может, и во всем поселке.

Манузин тоже модничал. Он натянул на себя узкие брюки-дудочки. На нем был клетчатый пиджак, а вместо галстука шею охватывал шнурок с металлической застежкой — тоже новая мода. Из-под «дудочек» выглядывали белые носки.

Дылда держал Анюту под ручку, она склонила голову к его плечу, и так они прогуливались по Бродвею, совсем как взрослая влюбленная пара. Видно, Манузин очень гордился своей подругой, потому что вид у него был чрезвычайно важный. Он курил папиросу, как Радж из фильма «Бродяга».

А Анюта... Такая красивая, даже красивее Риты, наверно. Они совсем не походили друг на друга, но для Лопуха образ далекой возлюбленной из Индии странным образом совпадал с этой противной девчонкой, которая дразнит его «Лопухом» и сдувает алгебру.

На асфальт Лопух не пошел — был «непарный». Он двигался вдоль заборов, — от асфальта его отделяла стена высоких пирамидальных тополей. Он хорошо видел все, что происходило на Бродвее, и ему мучительно хотелось знать, о чем говорят Анюта с Манузиным.

Но слышал он только смех Анюты, и такое в нем было что-то, что Лопух покраснел в темноте и уши стали горячими...

Он ходил за ними до тех пор, пока дылда, в очередной раз дойдя с Анютой до конца Бродвея, не свернул в темную Пролетарскую. Лопух, прижимаясь к забору, двинулся следом. Шел осторожно, стараясь не выдать себя.

Он заметил их неожиданно. Метрах в десяти в темноте белела матросская кофта Анюты. Они целовались.

Вагон был общий, ночью Лопуху опять приснилась Индия, а утром его позорно высадили на станции «Татарская» и повели в милицию.

— Есть хочешь? — Усатый сержант, сопровождавший Лопуха, заметил, как тот судорожно сглотнул слюну.

Лопух кивнул. Они шли мимо маленького станционного базарчика, где тощие черные татарки торговали пирожками и конской колбасой, от ее запаха у Лопуха закружилась голова — со вчерашнего вечера он ничего не ел.

Усатый купил два горячих пирожка.

Сели на лавочку, и пока Лопух давился мясными пирожками, усатый хмуρο курил и сплевывал себе под ноги.

— Куда ехал?

— В Москву, — ответил Лопух, доедая второй пирожок.

— Надо же.. А чего в Москве делать?

— Тетя у меня там. Большая...

Эта ахиня родилась как-то сама собой, Лопух говорил первое, что приходило в голову.

— Ну, а как же ты хотел в Москву попасть? Поезд-то на Харьков шел.

— Перепутал.

— Это бывает, — охотно согласился усатый.

— Ну ничего, сейчас приедем в отделение, майор тебя быстро расколет.

Майор, который должен был расколоть Лопуха, оказался совсем не страшным. Лицо у него было доброе и усталое. Он не стал ни о чем рас-

спрашивать. Узнав, что Лопух из Славгорода, сразу снял телефонную трубку:

— Дежурный, соединишь со Славгородом, узнай, в чем там дело. Срочно.

Через несколько минут все выяснилось.

— Что вы говорите? — удивлялся в трубку майор. — Ни с того, ни с сего? Ну, дела... В общем, так: машины у меня сейчас нет, сами понимаете. Отправляю московским, а там уж встречайте...

Он положил трубку и посмотрел на пылающие уши Лопуха.

— Беседовать мне с тобой некогда, на месте разберутся. Мое дело — доставить тебя в Славгород в целостности-сохранности. До поезда посидишь здесь...

В вагон Лопуха сажал все тот же сержант. Сдал с рук на руки проводнику, серьезно взял под козырек:

— Счастливого пути!

Неизвестно, какие инструкции получил проводник от татарской милиции, но ехал Лопух с комфортом, в полном одиночестве. Проводник посадил его в свое купе, к окошку. Уходя, запирает дверь на ключ. Лопух пил чай, с тоской смотрел в окно и слушал перестук вагонных колес.

Что теперь говорить? Что говорить? Как объяснить свой поступок? Соврать? Но что можно соврать, чтобы поверили?

За шесть часов дороги он так и не придумал подходящей версии — одна казалась глупей другой. И он перестал придумывать — будь что будет.

В Славгороде на перроне его ждали трое: мама с папой и веселый милиционер Кислый. Прямо с нижней ступеньки вагона Лопух попал в мамины объятия. Она схватила его в охапку и стала целовать, плача и приговаривая: «Господи, живой, господи, живой...»

Папа с Кислым стояли в сторонке и курили папиросы.

— Ну вот что, ребята, — сказал родителям Кислый, — вы езжайте на автобусе, а я с вашим сынком прокачусь на мотоцикле. Идет?

— Идет, — согласился папа, и они пошли на привокзальную площадь, где уже стоял наготове милицейский мотоцикл с коляской — знаменитый мотоцикл Кислого.

Мчал Кислый быстро — ветер свистел в ушах. Мотоцикл подбрасывало на кочках, но Кислый не сбавлял газ — он привык мотаться по степным дорогам. Лопух понимал — его везут на до-

прос. Но это его совсем не пугало. Пугал предстоящий разговор с родителями.

У себя в кабинете Кислый заважничал: посадил Лопуха за стол, перед собой положил стопку бумаги — записывать показания.

Потом открыл ящик стола, достал оттуда игрушечный пробковый пистолет — такие давал в обмен на тряпки местный старьевщик-казах.

— Тебе знакома эта штука? — строго спросил Кислый.

— Нет.

— Посмотри внимательно.

— Я уже не играю в войну, — ответил Лопух.

— Да? — преувеличенно удивился Кислый. — А тем, кто еще играет в войну, это не помешало сделать пакость. Киоск ты брал?

— Какой киоск?

— Не притворяйся, — повысил голос Кислый. — Киоск с газировкой, против универсама.

И тут Лопуху пришла в голову спасительная идея. Жизнь сама давала ему этот шанс. Ну конечно, это он, Лопух, обворовал ночью киоск с газированной водой и, боясь возмездия, убежал!

— Да, я обворовал, — вздохнул Лопух. — Было дело.

— Сколько взял выручки?

— Не помню точно, — вдохновенно врал Лопух, — кажется рублей двадцать.

— Где деньги?

— Потерял.

— Врешь. Киоск ты не брал. Там и денег не было. Антонина на ночь всегда выручку уносит.

— А что же вы говорите, что киоск ограбили? — тоскливо спросил Лопух. Хорошая версия рушилась.

— Сироп выпили! — нервно закричал Кислый. — Девять литров, подчистую! Ну ничего, я примерно знаю, кто это сделал. Я этих гавриков приведу в отделение, штаны с них снимаю и проверю. У кого задница слиплась — тот и вор. Иди домой.

— Что? — не понял Лопух.

— Домой, говорю, иди, — Кислый посмотрел в окно. — Вон, уже родители пришли. Сейчас они тебя будут допрашивать.

Лопух поплелся к двери.

— Мой совет — не спеши, парень, искать приключений — они тебя сами найдут... — Сказал на прощание Кислый.

Допрашивали на семейном совете. Говорил, в основном, папа. Но иногда вмешивалась и мама:

— Ну, скажи, сынок, — говорила она, — зачем тебе понадобилось уходить из дому? Разве мы плохо к тебе относимся? Обижаем? Что случилось?

Лопух сидел за кухонным столом и ковырял ногтем клеенку. Он не знал, что ответить. Ведь родители сами все вынюхали.

Утром, еще лежа в кровати, Лопух услышал, как на кухне разговаривают родители. Говорили они шепотом, но Лопух все разобрал.

— Это возрастное, Виктор, — шептала мама. — Скоро пройдет. А я-то, дура, воображала, какие-то ужасы...

— Пройдет, — отвечал папа. — Однако согласись, ситуация странная. Я в детстве влюблялся бесчисленное количество раз, но — в своих сверстниц. Правда, и в учительницу был влюблен, но это естественно. А здесь не пойму. Какая-то идеальная, глупая влюбленность... Конечно, можно и в Наташу Ростову влюбиться, но все же не так...

— А как? — шептала мама. — Что мы знаем? Может быть, это и есть настоящее, большое чувство...

— Ну, не знаю...

И тут Лопух совершенно отчетливо понял — они прочитали дневник!

У него застучало сердце. Он заворочался в кровати и притворно закашлялся.

Голоса на кухне смолкли.

Прочитали, его тайна раскрыта... Это было так, как если бы его раздели и голышом повели по школьному коридору, а по обеим сторонам этого коридора стояли девчонки.

Прочитали!..

В классе Лопух сразу заметил какую-то перемену. Девчонки странно на него посматривали и шушукались между собой. Лопух понимал — говорят о нем. Даже Манузин стал относиться к нему по-другому. Как только Лопух переступил порог класса, к нему подошел дылда и протянул руку. Лопух покраснел — до этого с ним никто за руку не здоровался. Он вяло пожал манузинскую лапу и пошел к себе за парту. В чем тут дело, Лопух не знал.

Его неожиданный побег взбудоражил всех — в поселке такое случалось не часто. Этот поступок был никому не понятен, значит, с Лопухом связана какая-то тайна. Какая? Добро бы, убежал кто-то из местных хулиганов. Но здесь — лучший ученик школы, тихоня...

Напрямую-то у него ничего не спрашивали, но по глазам Лопух видел — его тайна волнует всех. И только Анюта вела себя так же, как всегда, и не обращала на Лопуха внимания.

Последний день учебы. Завтра — каникулы.

В школе — кавардак. Два дня красили парты. Их вытащили во двор, и вскоре с крышек исчез-

ли чернильные сердца, кинжалы и надписи: «Манузин + Анюта = любовь до гроба, дураки оба».

Пахло краской.

Вот и все. Школьный день подошел к концу. Седьмой «б» отпустили на два часа — пока Валентина Григорьевна подготовит табеля и составит напутственную речь. По традиции решили сходить на озеро — искупаться.

Они шли по весенней степи, прогретой солнцем, бесконечной Кулундинской степи. Эта гигантская равнина тянулась до горизонта — идеально ровная, словно разглаженная утюгом. Легкий ветерок гонял по степи невесомые шары перекати-поля. Стоял горько-сладкий запах полыни. Ближе к озеру пошли солончаки. Здесь росли колючки и солянки — ярко-зеленые, с красными сочными стебельками.

Невдалеке мелькнула узкая полоска воды. Все с визгом помчались к озеру — наперегонки, словно никогда не видели озера. Первым прибежал дылда Манузин. И немудрено — он на голову выше одноклассников и уже брется. Два года в пятом классе сидел.

Берега озера крутые, они поднимаются высокими, метров двадцати, ярусами — желтыми, глинистыми, усеянными бесчисленными норками стрижей. К озеру вела почти отвесная тропинка, спускаться по ней нужно очень осторожно, иначе можно свернуть шею.

Через минуту на берегу лежала куча одежды.

Девчонки купались отдельно. Среди них выделялся ярко-красный с белыми ромашками купальник Анюты.

Искупавшись, выбрались на берег и принялись рыть в песке глубокие закопушки. Они быстро наполнялись пресной водой. Смыв с себя выступившую соль, легли загорать.

Солнце уже почти касалось воды. Вода в озере была ярко-малиновой от миллиардов пурпурных бактерий, именуемых в народе рапным рачком. А края белых, низко висевших над озером облаков были нежно-розовыми.

Розовые облака!

Лопух смотрел на них, и сердце его сжималось от неизвестно откуда взявшейся тоски. Он не слышал одноклассников: те рассказывали анекдоты, смеялись. Лопуху было скучно. Он оделся, поднялся вверх по крутой тропинке и побрел по степи в сторону школы...

...Он не спеша шел по длинному, узкому, как кишка, школьному коридору и, уже подходя к классу, почуял что-то неладное. Из-за двери доносилось могучее, жизнерадостное ржание. Лопух открыл дверь.

На первой парте, развалившись и покуривая в

кулак, сидели двое дружков-десятиклассников — длинный, прыщавый Заболоцкий по кличке Зяблик и маленький вертлявый Керус. В руках у Зяблика Лопух заметил раскрытую тетрадь. Друзья что-то читали. Как только Лопух открыл дверь, они быстро сунули дымящиеся папиросы под парту, но увидев, что опасности нет, задымили вновь. Зяблик с выражением, подвывая, читал:

— Писал не писатель, писал не поэт, писала девочка пятнадцати лет...

Друзья снова радостно заржали. На Лопуха они не обращали никакого внимания, как будто его и не было в классе.

— Какое у него красивое имя — Владимир! Я специально узнала, что оно означает — владеть миром. Мне кажется, это имя очень подходит ему. Он смелый, благородный, мужественный человек. С ним не страшно, он никогда не подведет в трудную минуту. Мне кажется, я его по настоящему люблю...

— Слушай, Зяблик, а кто это — Владимир? — Керус пустил из ноздрей дым. — Манузин, что ли?

— Он, — подтвердил Зяблик. — Не перебивай...

Лопух с усилием пытался понять — что же это они читают? Владимир... Манузин... Да это же дневник Аниоты!

Зяблик продолжал:

— Если парень при первой встрече о безумной любви говорит, ты не верь его пламенной речи, горячо любит тот, кто молчит...

— Нет, старичок, мы с тобой все-таки эгоисты, — прервал чтение Керус. — Надо ведь и народу послушать. Пусть наши чувихи знают, что такое настоящая любовь...

Они выбросили окурки в открытое окно и направились к двери.

И Лопух понял, что нужно делать.

Как только Зяблик поравнялся с ним, он выхватил из его рук свернутый в трубку дневник, подбежал к окну и вскочил на подоконник. Окна выходили в школьный двор.

— Стой, дурак! — закричал Керус.

Лопух глянул вниз, и у него закружилась голова. Высоко. Второй этаж.

— Кончай хулиганить, малыш, — басил Зяблик, потихоньку придвигаясь к окну. — Не нужна нам эта ерунда, забирай ее...

Керус неожиданно, рывком бросился к окну, и в этот момент Лопух прыгнул. В воздухе он увидел, как в школьный двор ввалились одноклассники...

Он приземлился на большую кучу песка, прижимая к груди Аниотин дневник. Первым к нему

подбежал дылда Манузин. Рывком поставил на ноги.

— Ты чего? — спросил он. — Совсем обалдел? Что это?

Он потянул из рук Лопуха дневник.

Но Лопух держал тетрадь такой хваткой, что ни один второгодник в мире не смог бы ее сейчас вырвать.

Дылда посмотрел вверх. В окне торчали испуганные рожи Зяблика и Керуса.

— А вы не уходите, — с угрозой сказал Манузин, — сейчас разбираться будем...

— Не надо разбираться, Манузин, — сказал Лопух. — Я уже разобрался...

Когда Валентина Григорьевна поздравила седьмой «б» с окончанием учебного года, Лопух наблюдал за Аниотой. Она то краснела, то бледнела, рылась в портфеле, в парте, вертелась, оглядывая одноклассников. Когда взгляд ее наткнулся на Лопуха, он мгновенно опускал глаза.

Он отдал ей дневник на следующий день, принес домой. Аниота вышла в своем матросском костюме, на голове у нее была новая прическа — целое сооружение. Лопух понял — собралась на свидание.

— Откуда он у тебя? — подозрительно спросила Аниота и покраснела. — Стащил?

— А зачем ты в школу дневник носишь? — спросил Лопух. — Чтобы его кто-нибудь прочитал?

— А ты читал?

— Я — нет.

— А кто читал?

— Сама можешь догадаться.

— Зяблик и Керус? С какой стати они рылись в моем портфеле?

— С такой. Они наверняка не только у тебя рылись. Дневник им случайно попался.

— Я знаю, как дело было. Хочешь, скажу?

Лопух отвернулся и пошел к калитке. Аниота шла за ним и говорила, как плевала в лицо:

— Ты дневник взял, тебя застукали, хотели отобрать, ты и сиганул из окна. Скажешь — не так?

Лопух не ответил. Он открыл калитку и направился в степь.

Он шел и думал о том, что весна кончилась, что незаметно промелькнет лето, и он будет уже в восьмом классе, и так же быстро исчезнет очередной год, а за ним — девятый класс, десятый... А дальше?

Владимир САМСОНОВ

Морской пират «Адмирал ШЕЕР»

Писатель В.А.Каверин завершил работу над романом «Два капитана» во время войны, в Полярном. Он был знаком с командующим Северным флотом адмиралом А.Г.Головко, знал, что в Арктике готовится какая-то крупная акция германских ВМС. А через некоторое время ему стало известно и о том, как проходила эта акция фашистов.

В условиях секретности тяжелый фашистский крейсер «Адмирал Шеер» в сопровождении нескольких подводных лодок вошел в Карское море, совершил пиратский рейд на Диксон и потопил по пути ледокольный пароход «А.Серебряков».

В одной из последних глав романа Каверин пишет: «Мы вылетели в два часа ночи, а в половине пятого утра утопили рейдер. Правда, мы не видели, как он затонул. Но после операции от нашей торпеды он стал «парить», как говорят моряки, то есть потерял ход и скрылся под облаками пара».

Но оказалось, что крейсер был потоплен не там, не тогда и не нами. Вот что мне удалось узнать.

В середине августа 1942 года тяжелый немецкий крейсер «Адмирал Шеер», базировавшийся в Северной Норвегии, и несколько подводных лодок начали в Карском море тщательную разрабатанную операцию «Вундерланд» («Страна чудес»). Намечалось разрушить радиометеорологические пункты и порты северного побережья СССР, потопить советские транспортные караваны и ледоколы, чтобы парализовать Северный морской путь.

Обогнув с севера Новую Землю, «Адмирал Шеер» углубился в Карское море и 20 августа появился у побережья Таймырского полуострова. Специальная катапульта выбросила в воздух самолет «Арадо» для разведки и поиска советских транспортных судов, о которых фашистам было известно из агентурных данных. Караван судов был обнаружен в проливе Вилькицкого, но тяжелые льды и непогода помешали «Шееру» сделать свое черное дело.

25 августа фашистский рейдер у острова Белуха потопил наш небольшой

ледокольный пароход «А.Серебряков», который шел с Диксона с грузом и смежной персонала полярных станций. Фашисты надеялись захватить секретные шифры, коды, ледовые и синоптические карты.

Но капитан «А.Серебрякова» старший лейтенант А.Каچارва приказал открыть огонь из нескольких 76- и 45-миллиметровых пушек. Пароход ушел на дно, не спустив флага и успев оповестить о случившемся всю западную Арктику.

Спустя несколько часов с борта крейсера увидели вдалеке на большой высоте самолет. Это возвращалась из ледовой разведки двухмоторная летающая лодка «Каталина» — мощный гидросамолет, способный сутки летать без заправки. Командир самолета А.Стрельцов зафиксировал координаты крейсера и по возвращении подробно доложил командованию. На Диксоне сразу же начали готовиться к обороне.

Командир «Шеера», капитан первого ранга Вильгельм Меедсен-Болькен, почувствовав, что обнаружен разведкой, решил совершить-таки налет на Диксон, чтобы окончательно не погубить по сути еще не начавшуюся операцию «Вундерланд». Он намеривался высадить на остров десант из 180 автоматчиков, захватить штаб морских операций, разрушить радиоцентры, метеостанцию.

В ночь на 27 августа крейсер подошел к острову и открыл прицельный огонь из орудий главного калибра. Ему ответили легкие пушки ледокольного парохода «Дежнев». Особого вреда броне крейсера они не причинили, но корабельные надстройки пострадали. Сам же «Дежнев» получил множество серьезных повреждений и, чтобы не затонуть, поставил дымовую завесу, укрылся за соседним мысом и выбросился на мель.

После этого вступили в бой два 152-миллиметровых орудия, установленных у причала морского порта. Их попадания отрезвили фашистов. Вспыхнул находившийся на корме самолет «Арадо». Под ним находились пороховые погреба, которые могли в любую минуту взорваться. И тут крейсер поставил мощную дымовую завесу. Под ее прикрытием, не прекращая обстрел Диксона, «Шеер» стал отходить, набирая ход.

Так бесславно завершилась операция «Вундерланд».

Но чего же испугался капитан «Адмирала Шеера»? Бронированный крейсер водоизмещением почти в 14 тысяч тонн имел восемь дизелей, обладаю-

щих мощностью 54 тысячи лошадиных сил. Команда состояла из 900 человек. Вооружение крейсера — шесть 280-миллиметровых орудий, восемь 150-миллиметровых, шесть 100-миллиметровых и восемь 47-миллиметровых. Было восемь торпедных аппаратов и крупнокалиберные пулеметы. Орудия главного калибра били на 40 километров, а каждый снаряд весил более 300 килограммов. Вес залпа всех орудий достигал почти двух тонн смертоносного металла!

Так чего или кого испугался бронированный пират?

Заслуживает внимания версия командира самолета «Каталина» А.Стрельцова, непосредственного участника событий. Командир «Шеера» испугался возмездия, перехватив переданную открытым текстом «сверхсекретную» депешу. А дело обстояло так.

Весь день 26 августа «Каталина» Стрельцова летала в районе Диксона. На исходе ночи радист принял радиogramму: «Командиру авиаотряда капитану Стрельцову. Срочно сообщите, когда намерены быть Диксоне. Начальник штаба морских операций западной Арктики Минеев».

Первой мыслью Стрельцова было: что они там, с ума посходили — такой текст и в открытую! Потом, посоветовавшись со штурманом, решил: раз начальство «раскрывает» тебя, значит, так нужно. Ну и отбил тоже открытым текстом: минут через сорок предполагаем быть на Диксоне.

Когда прилетели в Диксон, их сходу послали на разведку: найти немца, убедиться, что он уходит, засечь курс. Через полчаса после взлета увидели «Шеер». Дымя трубами, он полным ходом уходил к мысу Желания Новой Земли. Расшифровав радиogramмы, командир крейсера решил, что на Диксоне не один самолет, а целый отряд, который вот-вот появится. Меедсен-Болькен понимал, что в бухте ему будет трудно маневрировать под ударами с воздуха. Этот момент и стал кульминацией всей операции «Вундерланд».

Ну, а какова дальнейшая судьба крейсера? Он еще долго плавал, участвовал в сражениях, но главным образом пиратствовал в Балтике и северных морях.

Весной 1944 года с ним повстречался уралец Анатолий Федорович Лямзин. Тогда гитлеровцы, удерживая Модзунский архипелаг, плотно закрыли выход из Финского залива. В небольшом районе скопилось более ста боевых кораблей противника. Штурмовики непрерывно бомбили их, помогая нашим десантникам. Особенно ожесто-

ченные бои шли за остров Эзель. На помощь осажденному гарнизону пришел тяжелый крейсер «Адмирал Шеер». А на штурмовку крейсера вылетела эскадрилья капитана Гончарова.

В этом полете лейтенанту Лямзину поручили сфотографировать объект атаки после нанесения бомбового удара. Под крыльями «ИЛов» было на редкость спокойное море. Вдали показался крейсер в сопровождении миноносцев. Корабли сразу же ошестинились завесой зенитного огня. Но штурмовики уже вышли на боевой курс. Сбросив партию бомб, они сразу же выходили на повторное бомбометание. Крейсер окутало дымом и пламенем. А штурмовики все шли и шли волнами. Выбрав удачный момент и угол, Лямзин сфотографировал пиратский корабль в момент взрыва на нем авиабомбы и, сделав резкий разворот, вышел из зоны огня.

Эскадрилья выполнила поставленную задачу. «Адмирал Шеер» был надолго выведен из строя. За этот бой лейтенанта Лямзина наградили орденом Красного Знамени. А окончательное возмездие настигло «Адмирала Шеера» в апреле 1945 года в Кильской бухте, где он был пущен на дно ударом авиации союзников. □

г. Екатеринбург

Аркадий КОРОВИН

Летописец Никита ПОПОВ

В XVIII веке в Пермском наместничестве уже были люди, добровольно занимавшиеся летописанием. Семен Ремезов в Тобольске, П.И. Рычков в Оренбуржье, первый фольклорист Перми И.Ф. Берх, строгановские летописцы... Но пионером краеведения на Урале надо по праву назвать Никиту Саввича Попова.

На рубеже веков Вольное экономическое общество потребовало от губернаторов полного экономического и

географического описания губерний. Это был сильный толчок к развитию родоисследования в стране. На Урале инициатива нашла уже подготовленную почву. Заслуга в том Н.С. Попова.

Никита Саввич родился 19 января 1763 года в Красноуфимской крепости, в семье ротного писаря. Отец рано выучил Никиту читать и писать, сделав своим помощником. В двадцать лет родитель доставил его в столицу и поместил в Санкт-Петербургскую учительскую семинарию, которую он успешно закончил.

Жадному до знаний уральцу этого оказалось мало. Он успевал еще слушать публичные лекции в Академии Наук, много читал. В итоге получил права учителя и направление в Пермь — преподавателем в Главное народное училище.

Заявил он о себе и как поэт. В 1801 году вышло сочинение Никиты Попова — «Ода изображение благоденствия России под державою государя императора Александра Павловича на день высочайшего коронавания сентября 15 дня 1801 года».

Учительствуя, он стал записывать устные рассказы из истории Перми и губернии, легенды о прошлом края, о быте и привычках населения. И к 1801 году уже владел большими знаниями о губернии.

В 1796 году Пермское наместничество было реорганизовано в губернаторство, и на пост губернатора прибыл К.Ф. Модерах — выдающийся инженер-строитель.

Он разглядел в учителе дар собирателя и исследователя. Поручил Никите Саввичу описать губернию по вопросу Вольного экономического общества.

Долгие годы авторство книги, отпечатанной в Перми под заголовком «Историко-географическое описание пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 года», было загадкой. Она разрешилась лишь с находкой пермяком Ю.Власовым рукописи в Военно-историческом архиве. Там оказалась пометка: «Сочинил Пермской школы исторических наук титулярный советник Никита Попов».

Труд Попова не утратил ценности и сегодня. Никита Саввич впервые рассказал о несметных богатствах Урала, его истории, предсказал краю великое будущее. Книга вышла в только что открытой пермской типографии. Сегодня она — исключительная редкость.

Со временем в руках краеведа, кроме собранного им лично, сосредоточилось большое число материалов, подготовленных по приказу Модераха на

основании просьбы и вопросника Вольного экономического общества. Это были сведения, присланные из уездов, заводов, волостей и церквей, а также от частных лиц. Весь этот огромный фактографический материал Никита Саввич использовал в последующих трудах.

В течение двух лет он составил три огромных тома «Хозяйственного описания пермской губернии», которые в 1804 году вышли в свет в Перми.

Это было первое в России капитальное географо-экономическое описание огромной Пермской губернии, а значит и всего Большого Урала. Автор считал, что Урал обладает такими возможностями, каких не имеет никакой другой регион империи.

Написанный хорошим литературным стилем, труд Н.С. Попова был переиздан Вольным экономическим обществом в 1811-1813 годах в Санкт-Петербурге. Классическим называл его Д.Н. Мамин-Сибиряк.

Никита Саввич выступил как крупный ученый-аналитик. Не обработчик богатого, но очень сырого материала, а именно исследователь, в области экономики, географии, флоры и фауны Урала.

В 1808 году народное училище в Перми было преобразовано в гимназию, и ее первым директором стал Никита Саввич Попов. К этому времени его авторитет как ученого был непрекаем. 21 год он возглавлял гимназию, для которой его директорство было целой эпохой.

В возрасте 66 лет он оставил этот пост и в том же 1829 году вернулся жить на родину в Красноуфимск. На его уход повлияла реакция, которая прокатилась по стране после ссылки декабристов в Сибирь. Годы жизни в Красноуфимске были отданы научно-исследовательской работе. Жаль, что его большой архив и библиотека не дошли до нас. Погибли и многие рукописи.

В 1834 году он возвращается в Пермь, но силы были уже на исходе.

1 июля 1834 года Никиты Саввича не стало. Проводы его были многолюдными. Пермяки знали и любили учителя и краеведа.

В 1993 году исполняется 230 лет со дня рождения Н.С. Попова. □

г. Заречный,
Свердловской области.

Николай БИЧЕХВОСТ

Писатель атаман КРАСНОВ

Стилым январским днем громко каркали вороны, пролетая над Кремлем. На тюремном дворе Лефортово морозный ветер раскачивал холодный труп 78-летнего старика. Здесь, после долгих десятилетий странствий, встретил смерть бывший царский генерал П.Н.Краснов. Отсюда он отправился в свое последнее путешествие, из которого еще никто не возвращался.

Петр Николаевич Краснов известен как атаман Войска Донского и военный деятель, выступивший против молодой советской власти, а в эмиграции, одержимый целью создать независимый Дон, стал сотрудничать с фашистами. Судьба же Краснова неоднозначна и трагична. И вот мы с удивлением узнаем, что П.Н.Краснов был талантливым военным романистом, певцом донского казачества.

Писал он всю жизнь и в любых условиях: в экспедициях по знойной Африке и зеленым сопкам Маньчжурии, среди снежных гор Закавказья, на турецкой или персидской границе и других чуждальных краях, куда его забрасывала нелегкая служба и лихая судьба. Он оставил потомкам более тридцати романов и повестей. Они проникнуты любовью к Родине и ее прошлому, уважением к чужим народам и их обычаям, написаны со знанием психологии, быта и службы донских казаков и русского солдата.

Краснов происходил из старинного казачьего рода. Его предки бились на Диком поле с татарами и турками, умом и хваткой вышли в военачальники. Отец его, Николай Иванович, служил ординарцем у Суворова, достиг генеральства и сложил голову в бою накануне Бородинского сражения. От него и воспринял сын интерес к казачьей службе и истории.

Петр родился в 1869 году, первое образование получил дома, а затем в 1-й Петербургской гимназии и в 1-м военном Павловском училище, которое закончил с отличием.

Уже в это время он пробовал свои силы в литературе, рылся в пыльных архивах Петербурга, собирая малоиз-

вестные материалы по истории лейб-гвардии Атаманского полка, где служил после училища.

Из-под его пера почти ежегодно выходят книги: «Казачи в начале XIX века», «Донской казачий полк сто лет тому назад», «Донцы».

Надо сказать, что и вся семья Красновых была литературной, интерес к сочинительству поощрялся в ней. Отец печатал очерки о донских казаках на страницах «Русской старины», «Военного сборника», «Живописного обозрения». Старший брат — Андрей Краснов — был натуралистом-исследователем, оставил книги «Под тропиками Азии», «По островам Дальнего Востока» и другие, создал прекрасный ботанический сад в Крыму. Младший — Платон — сотрудничал в журналах в качестве рецензента, написал первую у нас популярную биографию Сенеки.

Петр тоже жаждал испытать впечатления от чуждальных стран, насладиться экзотической природой. И судьба благосклонно улыбнулась офицеру.

В это время российский правитель-ство направляло в Абиссинию (Эфиопию) первую чрезвычайную миссию для установления дипломатических отношений.

И вот в свободолобивую страну через раскаленные пески, горные кряжи и дикие дебри громадный караван российской императорской миссии. Денно и ночью, не смыкая глаз, ее охраняет конвой из донских и уральских казаков во главе с сотником П.Н.Красновым.

Экспедиция дала ему массу ярких наблюдений африканской природы и туземцев, самобытной религии, обычаев двора императора Менелика II и его красавицы жены Таиту. Вечерами под хохот гиен и рыканье львов сотник записывал увиденное и пережитое.

Так появилась книга «Казачи в Абиссинии», а также повести и рассказы: «Любовь абиссинки», «Аска Мариам», «Амазонка пустыни». В столице Абиссинии — Аддис-Абебе, Краснов со своими казаками показал чудеса конной джигитовки, удивив удалью самого Менелика. Из рук императора сотник получил роскошный орден Звезды Эфиопии 3 степени. А российские власти за нелегкую командировку к сынам Африки наградили его орденом Святого Станислава 2 степени.

Интересно, что покинув Черный материк, он не оставляет без внимания свой казачий конвой и о перипетиях его службы пишет на страницах популярного журнала «Природа и люди».

Продолжая нести бремя службы,

Краснов не оставляет и перо. Выходят в свет исторические романы «Атаман Платов», «Суворов», «Записки степного охотника». Он пишет о походе казаков в Индию в 1801 году, из которого донцы чудом вернулись живыми.

Новых впечатлений писатель набирается на Дальнем Востоке, где провёл около семи месяцев по приказу военного министра, изучая быт и условия жизни войск. Вороха заметок превращаются в книгу «По Азии. Очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии».

Командировка в Закавказье, на тревожную турецкую и персидскую границу, предшествовала появлению солидного труда «В сердце Закавказья». Имя Краснова приобрело литературную известность, книги его читались на самых глухих задворках российской империи.

Во время войны России с Японией Краснов находился на Дальнем Востоке в качестве военного корреспондента популярной газеты «Русский инвалид».

В 1908 году Петр Николаевич заканчивает офицерскую кавалерийскую школу и остается там начальником казачьего отдела. Через два года ему присваивают звание полковника и передают под его командование 1-й Сибирский Ермака Тимофеевича полк. К этому времени Краснов издает большой, прекрасно оформленный труд «Год войны», в котором правдиво описывает проигранную войну с Японией.

После трех месяцев участия в первой мировой войне Краснов получает звание генерал-майора. За храбрость в боях его награждают Георгиевским оружием и орденом Георгия 4-й степени.

В одной из схваток он получает ранение и попадает в лазарет, где пишет ряд новелл под названием «Венок на могилу неизвестного солдата императорской российской армии». Напечатанные в виде сборника, они получили широкую известность, были изданы на 17 языках мира!

За границей в эмиграции Краснов пишет документальные произведения о революции и гражданской войне, возвращается к крутым переломам в истории России. В них много дум об Отчизне, о русской душе, о казачестве...

Жизнь Краснова трагична, но его, как писателя, нельзя замолчать, слово всегда будет пробиваться к читателю даже через толщу лет истории. □

г. Волгоград

Петр ЗОЛИН,
кандидат
исторических наук

Речь о следах Урала в истории и языке

Изображение мамонта, сделанное древним художником на стене Каповой пещеры у реки Белой в Башкирии, известно по учебникам «Истории СССР» уже семиклассникам. А еще «Шульган-Таш», как называли пещеру местные жители, хранит рисунки носорогов, лошадей, хижин, людей. Древний художник использовал одну красную краску. Длина оставленных им силуэтов и контуров нередко превышает метр. Вероятно, здесь работал не один живописец, а творили в разное время многие мастера каменного века. И было это около 20 тыс. лет назад.

Подумать страшно... Представить почти невозможно. Ведь не только в нашей стране, но на всем пространстве до Франции и Испании (а это четыре тысячи километров!) ничего подобного нет. То ли пращуры франков в ту пору пришли на Урал, то ли «уральцы» оставили след в иноземных пещерах. Или здешние жители по уровню своего развития и тогда Западной Европе не уступали, а на русской равнине равных им не было.

Течет ли в наших жилах кровь столь далеких предков?! Генетики и антропологи смогут точнее ответить на этот вопрос. Ясно одно, что не исключено.

Задолго до нашей эры в районе дивных гор stalkивались волны переселенцев с востока и запада. И сформировалась здесь «уральская раса» — ханты, манси, северные алтайцы и т. п., — занявшая место между европеоидами и монголоидами. Около 10 тыс. лет назад были сравнительно сложившимися и уральские языки. Сегодня на них говорят десятки миллионов людей: венгры, финны, эстонцы, карелы, марийцы, пермяки... Далеко ушли наши пращуры, а единому языку учились здесь.

КУДА ВЕДУТ СЛЕДЫ УРАЛА

(большая часть гуннов за век до этого ушла покорять Европу) — ашина — попало под власть жужан (монголо-китайцев) и переселилось с Туркестана на Алтай. Там и сложился союз местных племен, принявший название «тюрк». В 545 году тюрки разгромили уйгуров, а в 551 — и жужан. Вождь Бумын провозгласил себя каганом — так назывались жужанские вожди. Затем печенеги, хазары и другие тюрки создавали свои каганаты. Около 838 года титул «Хакан Рос» имел и русский князь.

Но кто и когда связал слово «Ура-л» с горами?

Предположений на этот счет очень много. Одна из версий гласит, что название «Урал» вошло в обиход всего веков пять назад от башкир. У них «арал» — остров. Так тюрки называли всякую местность, отличную от всего окружающего. Трудно с этим согласиться.

Ведь почти восемь столетий назад, с XIII века среди башкир уже бытовала легенда об Урале-батыре (богатыре). Ради счастья своего народа он пожертвовал жизнью. Люди насыпали над могилой героя курган («курган» — обряд) существовал уже несколько тысяч лет до нас), а из кургана выросли горы. «Урал» — не «арал», если это слово бытовало в легендах и мифах, корни которых уходят в глубины тысячелетий.

Как же они называли родные горы?

Карельское «урайя» — рычать, скулить, подавать голос. В этом слове ощутимы следы речи древних охотников. Тюркское «ура» — бей! Тюрки не только предки нынешних башкир, но и татар, казахов, туркмен, азербайджанцев, узбеков, якутов и даже туруков. Около ста миллионов человек на планете ныне говорят на тюркских языках. Для каждого третьего в нашей стране эти языки — родные. Лингвисты доказывают, что было и есть урало-тюркское языковое родство. По слову «ура» мы его уже чувствуем.

«Ураль» — крутые горы на Алтае. Откуда там взялось это слово? Оказывается, в 460 году одно из гуннских племен

Батыр Урал — это Ура-л, «тур алый», «крепкий славный», «герой великий». «Тур» — привычное название древних героев, связанное с «ур-ор» — бык. «Ал» — алый, божественный, единящий. Это слово имело много значений в разных языках. «Тур алый» — недалеко от истины, если вспомнить красные рисунки Каповой пещеры.

Корню «ур-» во многих языках десятки тысячелетий. Ур — так назывался шумерский город в V тыс. до н.э. А четыре с половиной тысячи лет назад в шумерском государстве правила первая династия Ура. Ученые предполагают, что шумеры пришли на земли Двуречья с севера или северо-запада (Кавказа или Балкан). Хотя никто им не мешал прийти и с Урала. Во II тыс. до н.э. южнее Колхиды, куда по мифам греков ходили в поход аргонавты,

возникло государство Урарту. Несколько его царей гордо называли себя — Руса. Это Руса построил крепость Тейшебаини — ныне холм Кармир-Блур на окраине Еревана. Армяне в мифах славили своего предка Ара (Ура), который тоже был богатырем.

Вероятно, «ура-» — одно из древнейших обозначений укреплений с валом, стеной, «горой», откуда и пошло русское «город», скандинавское «гард» (русское «град»). В мифах об Одине, который, якобы, пришел в Скандинавию свыше трех тысяч лет назад, скандинавы называли Русь Гардарики — «страной городов». В русских источниках Урал с XI века назывался Камень, Пояс — Каменный пояс (граница Гардарики). Выходит, «Урал» — не остров, а как бы граница укреплений, высшее укрепление, богатырская застава, где и жили — по мифам — богатыри многих народов. Не реальные ли герои мифов рисовали на стенах пещер?

Несколько веков назад на северных землях страны от Архангельска до Перми и Сибири было распространено слово «урас» («урас») — упрямый, непокорный, неуступчивый. Оно связано с тюркским «ураган» — разящий, сметающий. И некоторые языковеды указывали, что «урас» идет от тюркского «урас» — русский. Татары и другие турки считали русских слишком непокорными, гордыми и упрямыми.

Для тюркских языков характерно отсутствие в начале слов звуков «р», «л», «м», «н». Да и вместо «у» иногда возникают «о-а» или «ы». Так что «Урал» и «урас» очень близки по сути, если не по происхождению.

Манси называли здешние места Ур-Ала — горные вершины. Калмыки Текин-Уле — дикие лошади или козлы. Коми Урал называли — камень. Каждый народ со временем в силу разных причин мог менять название, так что не во всех языках до нашего времени дошли самые первые варианты.

Но кто были «русы», считавшие задолго до нашей эры Урал своим «каменным поясом»? Вероятно, тогда чистого славянского языка еще не существовало. Наши пращуры говорили на балто-славянском, близким которому был и древне-немецкий (германский). Но из поколения в поколение передавалась память о древнейшем прошлом народа.

Автор «Повести временных лет» на основе известных ему данных примерно в XI веке дал такое определение древнейшей «Руси до Руси»: «[В ней] седять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь,

мордья, заволочская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, летьгола, любь».

Летописец перечисляет известные ему племена, которые позднее могли называться иначе. Составители Библии около VIII века до н.э. пугали южан нашествием народа с князем Рос (Рош, Рус) из «крайних пределов севера». Слова с корнем «рос-рус» на многих языках задолго до нашей эры означали — светлый, белый, солнечный, розовый, алый, красный. То есть примерно то, что означал Ур-Ал в башкирской легенде. Это было главное племя в союзе языческих племен от Балтики до Урала, от Печеры до Днепра, Дона и Волги. Да и Урала, но уже реки.

Какое название появилось раньше — гор или реки?! А может, их наименовали одновременно? Тоже загадка. И от ее решения многое может зависеть.

Пойдем по следам названия дальше

Хорошо известны на Южном Урале Ильменские горы, а также одноименный заповедник, частью задетый три десятилетия назад ядерной аварией. Есть на Урале и река Вишера. Другая Вишера впадает в Малый Волховец у Ильменя под Новгородом. А слова, созвучные «Ильмену», распространены в географии от Европы до Америки. Если они древние, то их надо тоже искать в легендах и мифах.

Во второй песне гомеровой «Илиады» сказано:

Град Аспледон населявших
и град Минеев Орхомен
Вождь Аскалаф предводил
и Иалмен, Ареевы чада;
Их родила Астиоха в отеческом
Актора доме,
Дева невинная; некогда терем ее
возвышенный
Мощный Арей посетил
и таинственно с нею сопрягся.

Поселение на месте Орхомена (Орхона-мужей) в Греции появилось несколько тысяч лет назад. Около 2000-го года до н.э. здесь воздвигнуты дворец и царская гробница, якобы принадлежавшая царю Минею. Орхон — река в Монголии. У Орхона и Енисея выявлены древнейшие письменные памятники тюркского языка — рунические надписи, относящиеся к VII веку н.э. Любопытно, что руническое

письмо развивалось и в Скандинавии. А скандинавский эпос связывал Одина и с Илионом (Троей), где воевал и Иалмен.

Ас-калаф — брат Иалмена — германец. В Германии есть река Ильм и город Ильменау.

Сведения об Иалмене (его еще называли Ялмен, Шалмен) дошли до нас в греческих записях, поэтому и имя может быть немного искажено. Греки в мифах любили производить другие народы от своих богов.

Полторы тысячи лет назад Псевдо-Ариан написал пояснения к «Иллиаде» и отметил, что орхоменские дружины Иалмена с победой отплыли на тридцати судах от Трои. Но против воли — из-за сильного ветра — были прибиты к берегу варваров у Танаиса (Дона). Там и поселились, не вернувшись домой. Быстро усвоили чужеземные обычаи, стали очень многочисленными. Перестали признавать греческие законы и права, испытывали враждебность к эллинам (грекам). Факт перехода греков на сторону варваров отмечал и Геродот, описывая город Гелон (Белон, Бельск) в Скифии — ныне следы этого огромного города (40 км²) обнаружили, якобы, недалеко от Полтавы. Разрозненные сведения об Иалмене встречаются во многих источниках. Поселенцами Танаиса считали и понтийских (черноморских) ахейцев.

Любопытно, что в низовьях Дона, Волги и Урала многие озера и озерки носили, а частью и ныне носят, одно название — Ильмень. Возможно, они случайно напоминают имя мифического героя. Однако есть вероятность, что Ильмени — места межплеменных культов язычников. И греки запомнили «божественность» этого имени.

Ильмаринен — так у финно-угров называется мифический кузнец, способный выковать народу счастье (его называли Калев-Коваль). Илья Муромец — второй этому мифу русский эпос. Улия — так называли многие древние народы своих богов. И было это тысячи лет назад. Ильмень — название большого озера у истоков Волхова, на картах Птолемея около двух тысяч лет назад названного Херос (волхв, предсказатель, хиромант, оборотень).

Ильмар (Иль Мур) — такое имя до сих пор хорошо известно в Прибалтике, куда почти шесть тысяч лет назад пришли некоторые племена с Урала.

Вот в какие глубины тысячелетий ведут следы «священных гор» с их храмами-пещерами! И преподносят нам множество загадок. ■

"Благополучие населения Венеции обеспечивается всемирной торговлей и прочностью свайных сооружений города на островах — пермскими карагаями".

Христофор ТЕНТОРИ,
итальянский историк XVIII века,
автор 12-томной «Истории Венеции»

Из ВЕНЕЦИИ, ОТ РОДНЫХ КАРАГАЕВ

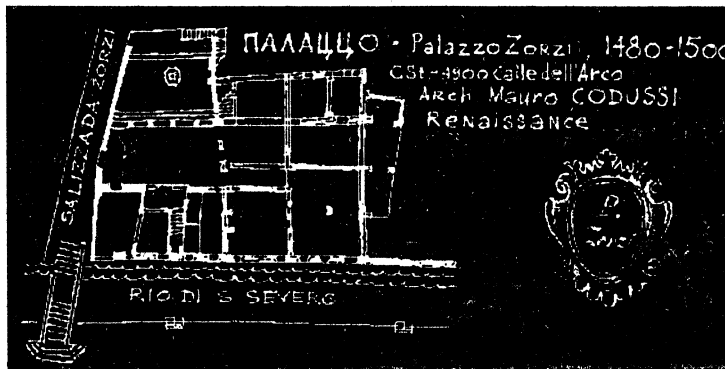
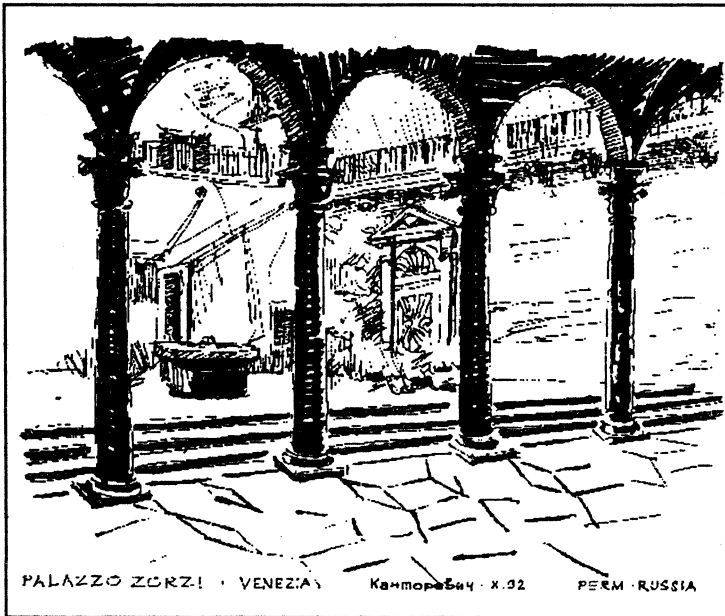
Пермский архитектор Гершен Давидович Канторович — один из самых крупных специалистов нашей страны по историческим городам, постоянно обеспокоенный их судьбой. В течение нескольких последних лет активно борется за присвоение статуса части Всемирного культурного наследия древним прикамским городам Соликамску и Усолью. А недавно он вернулся из Италии. 70 дней проходил стажировку в Европейском центре подготовки мастеров реставрации архитектурного наследия. Об этом — короткое интервью с ним.

— Гершен Давидович, какие первые ваши впечатления от знаменитого города?

— В Венецию мы прилетели в момент столь сильного наводнения, какого не было уже лет пятнадцать. Но большая вода не застала венецианцев врасплох. На главной площади Сан Марко всегда заготовлены скамейки-помосты, по которым мы шли к причалу Сан Закария лишь по щиколотку в воде. Семь минут водного пути по Венецианской лагуне, и наш катер пристал к небольшому островку Сан-Сероло площадью в одну десятую квадратного километра. На картах этого острова нет, туристов сюда не возят. Здесь и расположен головной международный реставрационный центр, в сущности, созданный для защиты архитектурных и вообще художественных ценностей Венеции от последствий наводнений. Вымокли мы, конечно, насквозь, но нас на острове ждали, на дверях одной из комнат в жилом корпусе были уже прикреплены таблички с нашими фамилиями.

— ЮНЕСКО уже бросало клич, обращенный ко всем людям Земли, о помощи терпящим бедствие Венеции и Флоренции...

— После катастрофических бедствий в Венеции были созданы многие учреждения, которые поставили своей целью непосредственно приобщить ученых и реставраторов планеты к спасению культурного достояния Италии. Существует своеобразная армия спасения, тысяча семейств мастеров из 53 стран, которую можно по тревоге подтянуть на выручку тонущего города.

— Теперь уже и вас тоже?

— Нас, архитекторов, собрали в Реставрационном центре впервые. До этого обучали мастеров-реставраторов живописи, специалистов по художественной обработке камня, металла и дерева. Директор центра доктор Эльберт разъяснил: он намеренно пригласил архитекторов, чтобы они смогли найти общий язык со всеми другими специалистами. А самый лучший путь к взаимопониманию, по задумке директора, это общая работа головой и руками. Но были, конечно, и теоретические занятия. Из общей пятисотчасовой программы 250 часов мы слушали лекции. Между прочим, довольно уютное занятие. Хотя бы потому, что все они благодаря переводчикам звучат одновременно на четырех языках: ан-

глийском, немецком, французском и итальянском. Однако болгары, чехи, поляки понимали немного русский, так что центр потихоньку превращался в русскоязычный. Да и вообще нашу жизнь на острове Сан-Сероло отдыхом назвать трудно. Все его население — чуть больше пятидесяти «студентов» и 12 человек обслуживающего персонала. Наши занятия проходили с девяти утра до пяти часов вечера с полтора часовым перерывом на обед и пятиминутным — на кофе. С восьмью же вечера в каминном зале центра шли факультативы. Никаких увеселительных заведений и магазинов на острове нет. Кроме того, каждый из нас по неделе дежурил в столовой. Расписываться в журнале посещения занятий нужно было утром и после обеда. Как видите, это далеко не курорт...

— Что такое практика для архитектора-реставратора в самом современном понимании?

— Каждый мог взять в руки зубило и кувалду каменотеса, молот кузнеца, потрудиться на лепных работах, каждый сам накладывал позолоту на художественные изделия, чертил, рисовал, проектировал, считал, делал макеты, модели. Можно было прийти в любую мастерскую и сделать что-нибудь самому. Между прочим, одним из практических наставников был выдающийся германский мастер-реставратор международного класса Альфред Гоберман, кузнец, он же скульптор по металлу, он же художник и еще мудрый человек. Помимо мастерства он стремился передать нам свое собственное понимание истории.

— Много ли удалось посмотреть в Италии?

— Не так уж мало: Флоренцию, Виченцу, Мантую, Падую, Лизу. Конечно, местом постоянных наших экскурсий была Венеция, где довелось познакомиться с ее памятниками, художественной элитой, сделать наброски... И вообще, в целом необычной стажировкой я очень доволен. Было много полезного, в высшей степени интересного. Директор центра оказался полностью прав: общая работа очень сблизила и сплотила нас, представителей 22-х стран, и в конце концов мы научились общаться без переводчиков. Я очень благодарен всем, кто помог мне осуществить эту поездку.

Беседовал Л. БАНЬКОВСКИЙ

Евгений ИЩЕНКО,
профессор, доктор юридических наук

Что может ЭКСТРАСЕНС

Начнем со знаменитости

В числе людей, щедро наделенных экстрасенсорными способностями, американец Эдгар Кейси (1877-1945) занимает одно из первых мест. Его и сегодня помнят на родине, почитают в других странах. Среди россиян о нем знают лишь специалисты, глубоко интересующиеся парапсихологией.

Газета «Нью-Йорк таймс» в номере от 9 октября 1910 года писала: «Необразованный человек под гипнозом превращается в целителя. Чудесный дар, которым владеет Эдгар Кейси, ошеломляет врачей. Американские медики очень заинтересовались Эдгаром Кейси из Хопкинсвилла, штат Кентукки, который, пребывая в полусознании, блестяще ставит диагнозы в случае тяжелых заболеваний, хотя сам ничего не смыслит в медицине».

Все верно: Эдгар Кейси, о котором за рубежом издано немало книг, был малообразованным, очень религиозным человеком. О своих чудесных способностях, проявляющихся в гипнотическом трансe, он узнал случайно, еще будучи школьником. Предметы давались ему тяжело, за что отец безжалостно лупил его, правда, безрезультатно. Однажды отец, у которого лопнуло терпение, выскочил из комнаты, а обессиленный Эдгар впал в забытие над ненавистным учебником. И — о диво! — когда вскоре отец вернулся и в сердцах растормошил его, Эдгар без запинки ответил не только последний урок, но и обнаружил знания всего учебника, каждая страница которого четко стояла у него перед глазами. Так из ничем не примечательного двоечника мальчик стал знаменитостью.

Но его возможности, как оказалось, только приоткрылись. Вскоре на школьной перемене Эдгар получил сильный удар бейсбольным мячом в спину, от чего сделался необычайно агрессивным, почти бешеным. Потом, потеряв сознание, от отчетливо и авторитетно изрек: «От удара бейсбольным мячом поврежден мой позвоночник. Поможет специальная припарка, которую следует прикладывать мне на затылок». Дальше он продиктовал ошеломленным родителям, какие именно травы и в каком соотношении нужно смешать с сырым луком, чтобы приготовить снадобье, и добавил: «Поторопитесь, а то мозг получит непоправимый изъязн!».

Припарку сделали, после чего Эдгар впал в глубокий спокойный сон, а утром проснулся полностью выздоровевшим. Этот случай был первым в ряду многочисленных прозрений Кейси, которые прославили его на весь мир.

Уже взрослым мужчиной, скитаясь по разным городам США в поисках работы (а работать приходилось то продавцом, то фотографом, то поденщиком), Кейси убедился, что, впадая в гипнотический транс под влиянием несложной суггестии (внушения), он вступает в разговор с суггестором. По-

следний может задавать вопросы о состоянии здоровья какого-либо человека, отвечая на которые Эдгар поставит диагноз и укажет способ лечения. Внушающим (суггестором) мог выступать его отец, жена или кто-либо из ближайшего окружения.

Нередко его диагнозы и способ лечения (кстати, сформулированные в медицинских терминах, которых Эдгар в нормальном состоянии не употреблял, ибо не владел ими) противоречили заключениям профессиональных врачей. Стремясь помочь как можно большему числу больных, Кейси соглашался на проверку своих способностей врачевными обществами разных городов. И не ошибался в диагнозе, называя даже такие детали, как температура или кровяное давление пациента, избранного медиками.

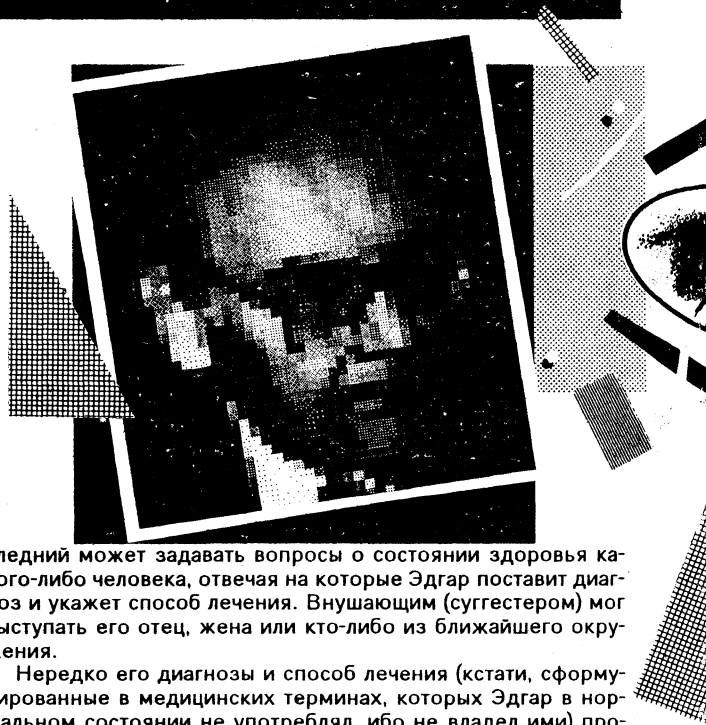
Постепенно он полностью сконцентрировался на заочном лечении, ежедневно устраивая «сеансы», на которых, кроме суггестора, присутствовала стенографистка. Эдгару шли письма с просьбой помочь, за что он брал с просителей очень незначительную плату.

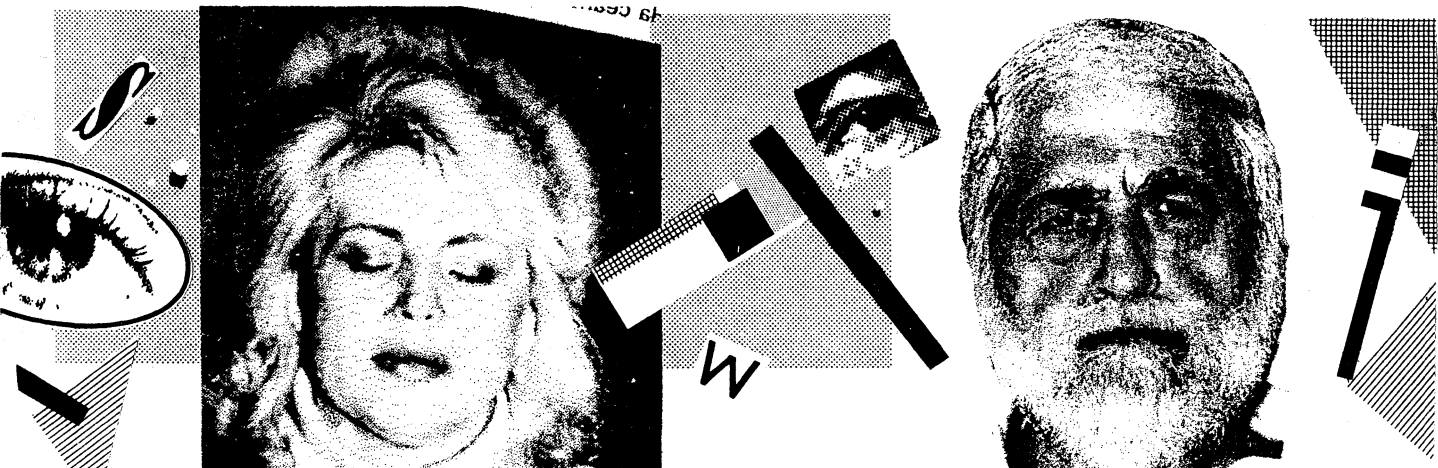
Еще вначале лечебной деятельности к Эдгару обратилась Керри Хаус. Врачи настаивали на срочной операции, предполагая злокачественную опухоль. Наш герой определил совершенно иное: «закупорка кишечника» и назначил курс лечения, который вскоре исцелил больную. Ставя диагноз, Кейси вскользь заметил, что Керри беременна, хотя врачи уже давно ей вынесли свой приговор: бесплодна. И настал день, когда его пациентка, удивив эскулапов, родила ребенка.

Младенец, однако, появился на свет слабым и болезненным, а через несколько месяцев стал биться в судорогах, которые медики признали неизлечимыми. Мать несчастного обратилась к Эдгару. Он «прописал» крохе смертельную дозу белладонны и сразу же после ее принятия — мощное противоядие. Врачи были в шоке, сам Кейси тоже смущался и переживал, но несокрушимая вера Керри в провидца сделала свое дело: она выполнила необычное предписание и ребенок выздоровел.

Как-то тяжело заболела Гертруда — жена Эдгара. Кровотечение вследствие запущенного туберкулеза легких — так вот был вердикт врачебного консилиума.

Эскулапы дружно подняли на смех прописанное Кейси лечение: героин в соединении с другими наркотиками (было общеизвестно, что такая комбинация невозможна) и остеопатическое вправление позвонков (при чем тут они при бактериальной инфекции легких?). И уж совсем абсурдной выглядела третья рекомендация: «Взять бочонок из обугленного дуба на полтора галлона (в США 1 галлон жидкости равен 3,78 л). Налить туда галлон чистой яблочной водки и вдыхать

ее испарения 4 раза в день». Но и на этот раз провидец порамил эскулапов: его жену исцелило именно такое лечение.

Даже «обычные» повседневные диагнозы и методы лечения, которых Эдгар Кейси провел более 15 тысяч (стеннографические отчеты о них хранятся в библиотеке конгресса США), до сих пор специально изучаются международной ассоциацией «Фонд Кейси», существующей на добровольные жертвования. Но имеются и случаи чрезвычайные, хотя их выделение весьма условно, ибо и «рядовые» озарения провидца для нас непостижимы.

Среди десятков писем-просьб о помощи, ежедневно приходивших Эдгару, как-то оказалось письмо из Палермо, написанное по-итальянски. Для перевода пригласили знакомого лавочника-итальянца, который решил побыть и на самом сеансе. Каково же было его удивление, когда из уст Кейси он услышал диагноз на безукоризненном итальянском языке. Гертруда вынуждена была остановить мужа, попросив его перейти на английский.

Был случай, когда Эдгар прописал лекарство, которого не оказалось ни в одной аптеке. На повторном сеансе он уточнил: «Это лекарство есть у такого-то аптекаря из штата Огайо». Больной телеграфировал туда, но получил ответ: последний пузырек давно продан.

Узнав об этом, наш герой погрузился, но предложил провести еще один, третий сеанс. На сей раз он точно назвал полку, на которой, заставленный новыми медикаментами, остался незамеченным один нужный пузырек. Снова пошла телеграмма аптекарю, на которую немедленно последовал ответ: «Лекарство отправлено тчк Как вы узнали зпт где оно было?»

Эдгар был ясновидящий не только в медицинской сфере. Его экстрасенсорные способности срабатывали и в других областях. То он, заключив пари, пересказывал по минутам, что делал в определенное утро маклер из Нью-Йорка: куда пошел, какую мелодию напевал, какого содержания письмо читал и т.д. А то определял, где именно искать залежи угля и нефти в Техасе.

Помог однажды раскрыть преступление одному частному детективу, другу своего отца. Дело было о похищении облигаций на огромную сумму. Кейси обрисовал вора, добавив, что ему помогала женщина, и указал, что сейчас они находятся в одном из отелей Пенсильвании. Описывая женщину, Кейси заметил, что у нее есть красная родинка на бедре, а два пальца на левой ноге сросшиеся. Когда Эдгар очнулся, частный детектив вел междугородный разговор по телефону с владельцем украденных ценных бумаг, взволнованно пересказывая ему полученную информацию. Кейси с кушетки был слышен свирепый бас потерпевшего: «Вора, укравшего бума-

ги, я не знаю, а женщина, которая с ним, может быть только моей женой. Она сказала, что поехала к сестре в Чикаго».

И мы не лыком шиты

Свой рассказ о необычных способностях экстрасенсов мне хотелось бы продолжить разговором с Владимиром Ивановичем Сафоновым — одним из наших наиболее знаменитых сенситивов. В лабораторных экспериментах, поставленных очень строго, Сафонов определял по фотографии жив человек или мертв, причины смерти, наличие патологических изменений в организме сфотографированного.

— Глядя на портрет, — поясняет Владимир Иванович, — я через некоторое время вижу перед собой полное, объемное изображение этого человека, своеобразный фантом, на котором ощущаю зоны отрицательной ситуации. Познания в анатомии и медицине позволяют мне достаточно локализовать больной орган, определить характер его поражения. Особым образом воспринимаются «зоны смерти», что позволяет установить, скажем, по фотоснимку погибшего причину его смерти.

Кстати, и муляжи, честно воспроизводящие облик некогда живших людей (например, изготовленные по методу известного русского антрополога М.М.Герасимова), тоже позволяют производить диагностику заболеваний. Причины смерти и характер болезней мне пришлось установить не только в отношении великих людей, но и вполне рядовых. И большинство диагнозов нашло свое подтверждение.

Я уже знаю, что с помощью рук В.И.Сафонов способен не только диагностировать, но и лечить людей. Обычная процедура диагностики: обследуемый находится примерно в 75 см от экстрасенса, который проводит сверху вниз ладонями вдоль его позвоночника или средней линии груди, держа ладони на расстоянии 5-6 см от тела. Там, где что-то не в порядке, ощущается своеобразный сигнал. Различия в этих специфических ощущениях позволяют определить место и степень заболевания. Однажды Сафонов в качестве проверки обследовал трех больных женщин и безошибочно выявил среди них больную раком матки, определил границы опухоли.

— Опухоль излучает так сильно, — вспоминает Владимир Иванович, — что на поднесенной к этому месту ладони как бы вычерчивается контур злокачественного новообразования. Был случай, когда мне пришлось обследовать 12 сотрудников института психологии, среди которых были как совершенно здоровые, так и страдающие разными заболеваниями. Мой диагноз для всех оказался верным.

— Я твердо уверен, что мир голографичен и вся материя, независимо от того, «живая» она или «мертвая» — информа-

тивна. Всемирное информационное поле, которое я иногда сравниваю с компьютером, безусловно, есть. Об этом свидетельствуют многие факты, — продолжает В.И.Сафонов. — Меня, как инженера по образованию и наклонностям, больше, правда, интересует техника, чем люди. Потому предпочитаю диагностировать технические средства и устройства, определять их надежность, выявлять слабые места, которые могут дать сбой. Как-то мне дали проспект аттракциона «Московская детская горка», который уже был смонтирован в Измайловском парке столицы, и попросили найти возможное слабое место, чреватое аварией. Прямо на фотоснимке аттракциона, помещенном в проспекте, я обвел несколько стоек, на которых укреплены направляющие «горки». Конструкцию обследовали на месте и обнаружили непроварку стыков. Под нагрузкой направляющие могли рухнуть вместе с тележками, что привело бы к аварии с человеческими жертвами. Дефект устранили. А ведь разработкой и сборкой «горки» занималась не какая-нибудь контора, а научно-производственный комплекс «Аттракцион»!

Вы знаете, что несколько месяцев назад в Югославии пропали два наших журналиста. По фотографиям в газетах меня попросили выяснить, что случилось с Куренным и его товарищем по несчастью. Я определил, что оба они мертвы, а убили их где-то в Хорватии. Родственникам об этом говорить не стал, чтобы оставить хоть какую-то надежду. Кстати, мой прогноз подтвердился, ибо их автомашина была обнаружена сожженной и закопанной, с пулевыми пробоинами.

Хочу заметить, что на точность диагноза очень большое влияние оказывает отношение к диагностируемому субъекту. Легче всего ставить диагноз людям совершенно посторонним и неизвестным, труднее — близким и родным. Очень не просто подавить соблазн сделать человеку приятное, выдать желаемое за действительное. При диагностике заболеваний должно работать подсознание, интуиция, а чувства, испытываемые к знакомым людям, конечно, мешают этому самоуглубленному настрою. Так что лучший вариант — чужие и неизвестные люди.

Вспоминается такой случай. Среди моих знакомых есть один американец русского происхождения. Зовут его Генри, он автор книги «Парапсихология за железным занавесом». То есть у нас, в бывшем СССР. Так вот, вдруг среди ночи раздается телефонный звонок. Телефонистка объявляет: «С вами будет разговаривать Нью-Йорк». Потом слышу в трубке знакомый голос. Хелло, мол, это я, Генри, скоро буду в Москве, а со мной профессор кардиологии и голландский журналист. Они просят разрешения встретиться с вами по важному делу. Ну, я ответил, что пусть приезжают, если очень нужно.

Через несколько дней эта встреча состоялась. Привезли они несколько фотографий и очень просили продиагностировать людей, на них запечатленных. Кто эти четыре человека, я узнал потом. Компания оказалась довольно любопытной. Таких персон мне раньше диагностировать не приходилось. Перед началом работы я посоветовал, что мои сведения трудно будет проверить. Пришедшие, однако, заверили, что знают об этих субъектах очень многое, потому легко определять соответствуют ли истине сообщаемые мной данные. На том и порешили.

Сел я за свой рабочий стол, они разложили передо мной фотографии и слушают. Я сосредоточился, протянул над фотографиями правую руку. Первым шло фото женщины, уже немолодой, но миловидной. Я назвал заболевания, которыми она страдала и страдает. Зарубежные гости подтвердили, что попал в самое яблочко. Сказал, какой болезнью она может заболеть. Они покивали головами, принимая мой прогноз к сведению, и сообщили, что это королева Беатрис.

Вторым номером была фотография мужчины с волевым лицом и заметными залысынами над высоким лбом. Я перечислил его болезни и недомогания, определил, что он в по-

следнее время пребывает в депрессии. Гости подтвердили. Оказалось, что это муж королевы принц Клаус. Когда я перешел к третьему фотоснимку, то меня настоятельно попросили определить, жив ли этот человек, или мертв, каков характер смерти. Я «почувствовал», что запечатленного на снимке мужчины нет в живых, но кончина его была ненасильственной, а последовала от сердечного приступа. Они возбужденно заговорили, обсуждая услышанное от Генри, выполнявшего роль переводчика, и, видимо, не соглашаясь с моим диагнозом. Генри переспросил, уверен ли я в том, что этот человек не расстрелян или, например, не замучен. Я ответил, что исключая такую вероятность. Тогда он пояснил, что изображенный на фотографии мужчина — шведский дипломат Рауль Валленберг, много сделавший для спасения из фашистских концлагерей узников-евреев и в конце войны пропавший при таинственных обстоятельствах. Это теперь, в начале 90-х годов, стало известно, что Рауль Валленберг и его шofer Вильмос Ламгфельдер были арестованы в Венгрии в январе 1945 года «СМЕРШем» и содержались во второй тюрьме г. Владимира. По официальной версии, которая совпадает с моим заключением, Валленберг скончался от инфаркта миокарда.

По четвертой фотографии я сказал, что запечатленный на ней человек — колченогий, он жив и не совсем нормален психически. Гости переглянулись, а Генри перевел мне, что на снимке — фашистский военный преступник Иозеф Менгеле, которого многие считали давно умершим. Это он, врач-патологоанатом, проводил свои бесчеловечные эксперименты над заключенными концентрационных лагерей. Видимо, зверства и подействовали на его психику.

Потом из Голландии пришла бандероль с журналом, в котором на целый разворот был помещен материал об этом случае. Владимир Иванович показывает мне лощеные журнальные страницы с цветными иллюстрациями. На самой крупной — он, «колдующий» над снимками, разложенными на столе. Отдельно — фотографии, по которым он ставил «диагнозы». Автор статьи Петер Хорверс, дело было лет десять назад.

— Когда открылись необычные способности? — задаю я новый вопрос.

— Где-то после войны и очень постепенно. Я откуда-то заранее узнавал, кто придет, позвонит и что скажет, но не придавал этому значения до случая с командировкой в Казань. Собираясь в дорогу, я вдруг отчетливо увидел мысленным взором купе, в котором буду ехать, и своих попутчиков, разглядел особенности их внешности. Когда через несколько часов вошел в вагон, то мое «видение» идеально совпало с реальностью. Это и послужило последним толчком. Но не обо мне речь.

Советы легковерным

Нынче весьма доходным делом стало лжецелительство — деятельность шарлатанов, пасующихся на тучной ниве людских несчасть, доверчивости и суеверий. Экстрасенсорным целительством может заниматься каждый, но он должен отвечать следующим основным требованиям. Быть бескорыстным и человеческим, обладать возможно большими познаниями в области медицины и физиологии человека, быть в возрасте 30-50 лет, иметь хорошие здоровье и наследственность, обладать способностью преодолевать внутренний барьер безверия в возможность выделить из себя «биоизлучение».

Меня нередко спрашивают, как же отличить настоящего врача-целителя от лже? Как не попасть впросак и не навредить своему здоровью? О кошельке уже и речи нет, хотя он в первую голову и привлекает лжецелителей. Мои личные наблюдения, а также достоверные рассказы людей, хлебнув-

ших горя на этой почве, позволяют сформулировать такие советы.

Бойтесь экстрасенсов, начинающих процедуру целительства с безапеляционного определения конфигурации вашего биополя, его цвета, размеров, яркости или затемнения! Опасайтесь целителя, который начинает разговор с психобработки врачуемого, перечисляя свои достижения в излечении неизлечимых больных и активно рекламируя свои экстраординарные способности! Если целитель или целительница начинают процедуру со знахарских или религиозных нашептываний, предварительно обговорив денежную сторону действия, то и это от лукавого, ибо вера и нажива несовместимы. Когда целитель прибегает к изготовлению амулетов, ладанок, манипулирует ножами, иглами и прочим атрибутом знахарей, от него лучше держаться подальше.

Если больному известно, что экстрасенс, к которому он собирается обратиться, принимает в день десятки, а то и сотни страждущих, затрачивая на каждого считанные минуты, то знайте — ничего общего с настоящим целителем у него нет! Когда ваш «благодетель» ставит диагноз типа «сглазили», «околдовали», «всадили вредоносное биополе», «наслали порчу», утверждает, что вы «жертва вредоносного биоампиризма» и т. д. и т. п. в том же «научном» духе, отбросьте всекие сомнения насчет его целительских способностей. Если врачи ничего не находят из того «букета» болезней, которые «выявил» у вас экстрасенс, и вы сами только от него о них узнали, то перед вами — шарлатан, нахватавшийся медицинской и парапсихологической терминологии. Сторонитесь врачевателя, который «зациклился» на безоговорочном отрицании достижений современной медицины и обещает полное исцеление при помощи только своего метода!

Из всего сказанного отнюдь не следует вывод, что все без исключения экстрасенсы — заведомо шарлатаны, но таких, увы, пока большинство. Я знаю несколько скромных, хороших людей, не делающих бизнеса из своих возможностей и действительно оказывающих больным помощь. Вы спросите, где их найти и как? Этот вопрос я бы переадресовал Минздраву России, пока, увы, всерьез не озабоченному проблемами народной медицины. Это он должен отделить «зерна от плевел», а «волков от козлиц», пока же сертификаты и свидетельства, в том числе и международного образца, выдаются кому попало и кем попало. Были бы деньги да побольше нахальной напористости — и путь в народные целители, биоэнерготерапевты, колдуны, белые маги открыт!..

Среди неопубликованных работ В.И.Сафонова есть любопытный киносценарий под названием «Завещание чудака». Суть его заключается в том, что воображаемый мультимиллионер перед уходом в мир иной учредил две крупные премии. Первую — за демонстрацию обычно неиспользуемых возможностей человека, таких как кожно- и ясновидение, телекинез, огнеходство, телепатия и др. Вторую — за доказательство неуничтожаемости личности и ее посмертного бытия, на чем настаивают все мировые религии. На этой основе, используя богатейшие возможности кинематографа и его документальную выразительность, можно было бы показать настоящие парапсихологические феномены, разоблачить псевдосенситивов, которых у нас сейчас переизбыток, дать возможность высказаться ученым по наиболее уникальным явлениям экстрасенсорики. Пока, увы, Владимир Иванович не нашел средств для воплощения своего оригинального замысла. Нужен богатый спонсор, а где его взять в отечестве, переживающем острейший кризис?

— Я считаю, — продолжает Владимир Иванович, — что если бы ученые и сотрудники МВД Российской Федерации попристальнее заинтересовались такими феноменами, как Лидия Корабельникова, Дина Назаренко и др., то можно было бы создать группу, практикующую нетрадиционные методы в криминалистике. Это оказало бы существенную помощь

органам правосудия, особенно по сложным, запутанным, нетривиальным уголовным делам. В принципе, с их помощью есть возможность по фотографиям определить причастность к расследуемому преступлению конкретного субъекта или субъекта из группы подозреваемых. Сам я подобными экспериментами уже 10 лет не занимаюсь, но считаю этот метод вполне надежным.

Конечно, речь не идет о том, чтобы выбранного экстрасенсом человека немедленно отдавать под суд! Но следователь должен сосредоточить основное внимание на проверке именно его причастности к расследуемому преступлению, а не распылять силы и время на тех, кто будет при экстрасенсорной диагностике исключен из числа возможных виновников. Можно было бы для повышения достоверности проводить диагностику частных лиц несколькими экстрасенсами, работающими порознь. И если разные сенситивы выберут одного и того же подозреваемого из меняющегося окружения, то вероятность ошибки, думается, будет сведена к минимуму.

Тот, кто заинтересовался удивительными возможностями экстрасенсорики и одного из ее патриархов — В.И.Сафонова, я отсылаю к его книгам «Несусветная реальность», «Нить Ариадны», «Нечто» и «Ясновидение». Последняя работа неизвестна даже знатокам парапсихологической литературы, ибо раньше не публиковалась и выходит нынче в общем сборнике его трудов, который выпускает издательство «Физкультура и спорт». В «Ясновидении» автор рассказывает о технике этого сложного процесса, о причинах, способствующих этой способности, считающейся уникальной и тем не менее присущей каждому человеку. Многие о ней даже не подозревают, но если хорошенько вспомнят и проанализируют события своей жизни, то наверняка отыщут несколько случаев, когда их «озаряла» внезапная догадка, они предчувствовали, чем кончится та или иная затея и т. д.

Сафонов выдвигает на этот предмет свою оригинальную гипотезу, объясняющую, по его мнению, как данный феномен срабатывает в человеческом сознании с позиций привычного ему, как и абсолютному большинству российских читателей, материалистического мировоззрения. Этому свидетельству и его работа «Нечто», о котором так высоко отозвался трагически и безвременно погибший Александр Мень.

— Верите ли Вы в Бога? — задаю я очередной вопрос.

— Да, я верю в Бога, но в какого? Если я вижу конструкцию, то как инженер понимаю, что должен быть и конструктор. Бог в моем представлении — это руководящая и направляющая сила, которую нельзя предвидеть и вообразить. Сила эта, безусловно, существует. Троичность, триединство Божества я понимаю так: Бог-отец, Бог-сын и Дух Святой — это информация, энергия, материя. Конструктор что-то задумал, приложил усилия и получил материальный, осязаемый результат. В любом состоянии материи заложено «стремление» к совершенствованию. Вы не согласны? Но ведь эта мысль взята из утверждений современных физиков. Так что к идее высшего космического разума, который нельзя проанализировать и понять нашим слабым сознанием, я отношусь положительно.

Президент парапсихологов подводит итоги

Я беседую с руководителем «школы экстрасенсов» В.Б.Поляковым, являющимся Президентом Ассоциации прикладной парапсихологии. На мой вопрос, как развить паранормальные способности, он рассказывает:

— Экстрасенсорные данные своего организма я впервые почувствовал в 12-летнем возрасте, во время игры в бильярд.

Интуитивно угадывал, куда и как следует ударить, чтобы загнать шар в лузу. На этой любимой игре стал отрабатывать, шлифовать интуицию, что позволило мне выигрывать одну-две партии у самых сильных партнеров.

Следующим этапом стало увлечение искусством. Научился разбираться в очень тонких нюансах живописи, в том числе абстрактной. Начал чувствовать музыку, исходящую от живописных полотен, улавливать разницу в ощущениях от картин различных авторов. Руководствуясь только ощущениями, научился узнавать художников 20-х годов даже с завязанными глазами. Затем увлекся восточными единоборствами и в течение многих лет был тренером секции каратэ.

В то же время закончил Ленинградский механический институт, специализировался по кафедре аэрогидродинамики. Прошел аспирантскую подготовку в Академии гражданской авиации, защитил диссертацию по физике пограничного слоя на крыле самолета. Десять лет работал на кафедре физики названной Академии.

Физика, живопись и каратэ привели меня к йоге. Занятия йогой позволили очень быстро усовершенствовать энергетические способности. Вы были в нашем Центре перспективной диагностики, видели, как мы готовим экстрасенсов-врачей и технических диагностов, — напоминает Вадим Борисович, — думаю, убедились, что любой человек может стать экстрасенсом. Ведь экстрасенс — это тот, кто обратил внимание на свои тактильные и кинетические ощущения. А они есть у каждого. Каждый человек — потенциальный экстрасенс.

— Вадим Борисович, а как вы ответите на вопрос: «Что может экстрасенс?» Не повторяя того, о чем уже был разговор. Расскажите о самом близком для вас человеке — о себе и своих способностях, о том, чему вы учитесь.

— Практически нет такой области знаний, где нельзя было бы использовать экстрасенсорные методы исследования. Я назову лишь основные направления применения разработанного нами комплекса, использующего экстрасенсорные возможности человека:

1. Активизация творческой деятельности в любой области науки и техники.
2. Диагностика и лечение больных при диспансеризации и профилактических осмотрах.
3. Медицинская диагностика и лечение на значительных расстояниях. Например, больной находится на высокогорном леднике, на борту космического корабля. Помощь ему может быть оказана из специальных центров в Москве и Санкт-Петербурге.
4. Правильный подбор и дозировка лекарственных трав, гомеопатических средств и медикаментов; выбор методов традиционного лечения.
5. Дистанционная диагностика технических средств для выявления трещин, раковин, зон повышенного давления и любых других аномальных зон, а также для поиска повреждений. Например, можно с Земли обследовать напряжение, появившееся в оболочке беспилотного космического корабля, и определить вероятное место неисправности.
6. Дистанционное исследование сколь угодно больших и удаленных космических объектов в астрономии и астрофизике: звезд, планет, астероидов. Для этого необходимо составить подробную информационно-энергетическую карту вселенной.
7. Измерение и исследование недоступных приборным методом сколь угодно малых физических объектов, например, свойств атомов, элементарных частиц.
8. Экологические исследования, предусматривающие составление карты информационно-экологической структуры Земли и ее различных регионов. Анализ

такой карты позволит выявить наиболее неблагоприятные в экологическом смысле районы. После этого, методом моделирования, каждый раз фиксируя изменения в информационно-энергетической структуре, можно будет выбрать оптимальный способ улучшения экологической обстановки.

9. Экологическая оценка любых предлагаемых проектов, например, строительства плотины с водохранилищем. Отталкиваясь от сформированного архитектором и проектировщиками образа, можно начертить информационно-энергетическую структуру, которая возникает после строительства, количественно оценить и указать расположение возможных аномальных зон. Анализируя эту структуру, сравнивая ее с исходной и с банком данных других аналогичных структур, можно предсказать возможные изменения в экологии, вызванные закупаемым строительством.
10. Для прогнозирования землетрясений необходимо построить информационно-энергетическую структуру Земли во времени, количественно выявляя места аномальных зон, которые возникнут в будущем. Их потом легче будет нейтрализовать.
11. Составив информационно-энергетическую объемную карту Земли на глубину в несколько километров, можно определить местонахождение и количество различных полезных ископаемых. Можно «заглянуть» и в ядро Земли.

— Читателей, естественно, наиболее остро заинтересуют лечебные, целительные возможности экстрасенсов. Проверяться ли они с помощью приборов, или все строится на субъективных ощущениях?

— Ну почему же только на ощущениях? В ЦНИИ рефлексотерапии проводились эксперименты, во время которых экстрасенс воздействовал на пациентов, страдающих расстройствами микроциркуляции крови. Приборы показали, что после 7-8 сеансов у больных улучшилось состояние сосудистой системы головы и конечностей, наладились кровоснабжение, нормализовался артериальный и венозный тонус. Таким же было и заключение специалистов.

Воздействие экстрасенса на кровяток было проверено опытами, проведенными в том же институте при дистанционном влиянии на глаза или зрительные нервы больных. Глаз снимали на видеопленку при увеличении в 60 раз, размер сосудов анализировали по специальной сетке на экране. Под воздействием экстрасенса усиливался или замедлялся кровоток, а русло сосудов расширялось или сужалось. Экстрасенс попадал в нужный ритм колебаний крови и управлял им, находясь при этом на расстоянии около пяти метров и не видя пациента. Проводились опыты и по воздействию на больных с черепно-мозговой патологией. Положительный эффект подтвержден лечащими врачами.

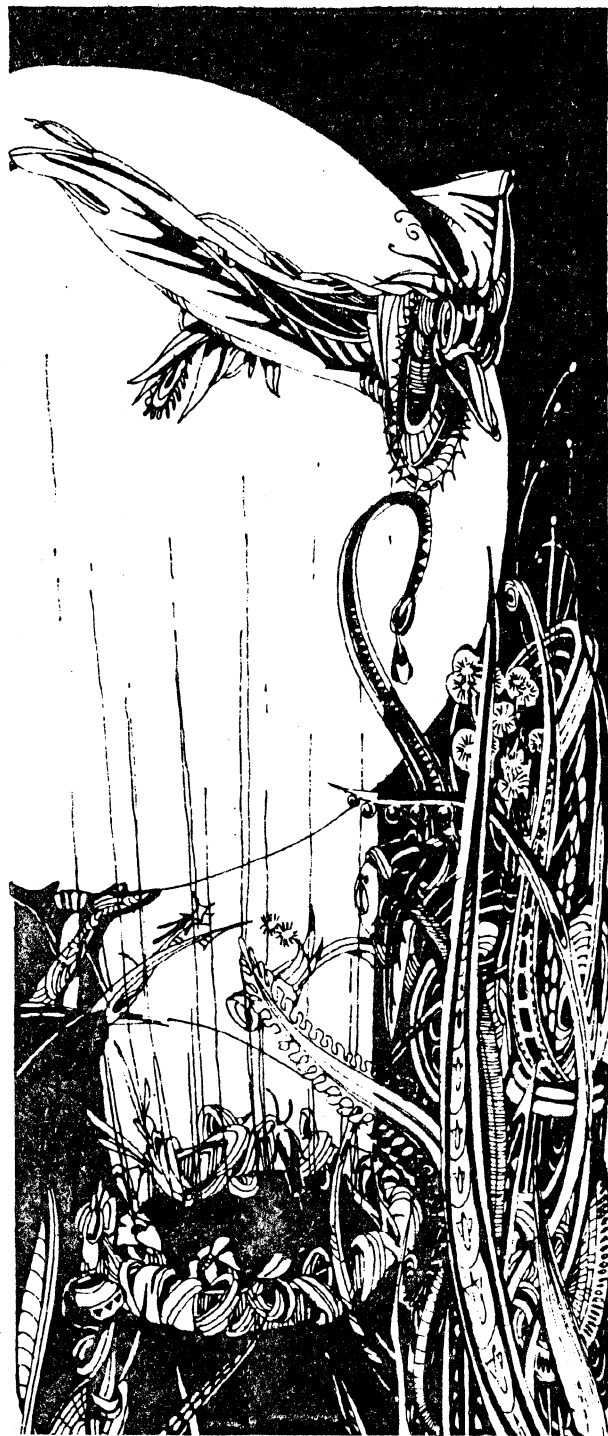
— Есть ли какие-то правила для экстрасенсов-целителей? Каждый ли экстрасенс может лечить страждущих?

— Нет, только имеющий специальную подготовку. А правила просты. Нужно не лечить, а учить и учиться вместе с пациентом. Ведь в процессе исцеления происходит обмен информацией. Энерго-информационный обмен для целителя — путь постоянного совершенствования, это образ жизни и гармонизации с Природой себя и всего окружающего. Этот процесс всегда должен быть радостным, полным чистоты, доброты, любви, мудрости и гармонии...

Вот если бы наша жизнь, жизнь простых людей с неразвитыми экстрасенсорными способностями, стала хоть чуточку радостнее, преисполнившись доброты, любви, чистоты, мудрости и гармонии! Рецепт прост: изучайте Добро! ■

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Иллюстрации Игоря МАТВЕЕВА

Они очнулись одновременно, все трое. И первые мгновения молча разглядывали друг друга, не понимая, где они и как здесь оказались. А потом посыпались вопросы. Но тут же стало ясно: они говорят на разных языках и не в силах понять ни единого слова. И, замолчав, все трое снова оторопело уставились друг на друга, пытаясь уразуметь, с кем же столкнула их судьба.

Один из трех был высок и светловолос, в облегающей одежде из серебристой ткани. Второй — смуглый, скуластый и черноусый, в похожем на скафандр плотном сером комбинезоне с капюшоном — должно быть, обитал в холодных краях. Третий выглядел всех старше — на губастом темнокожем лице прочертились русла первых морщин, а виски уже тронула седина. На нем была синяя куртка с каким-то иероглифом на груди и короткие, чуть ниже колен штаны, ноги в тонкой прозрачной обуви казались босыми.

Кто они, эти незнакомцы? Каждому было ясно лишь одно: они из разных миров, но — одного корня. Частицы некогда могучего утеса жизни, рассыпавшегося песком звездной диаспоры...

Но куда же они все-таки попали? Почти одновременно все трое поднялись с земли и огляделись. Стен не было — их окружала крошечная тьма. Освященным был лишь небольшой пятючок, где они находились. И свет исходил от какого-то предмета, лежавшего посредине. Нечто вроде овальной рамы из иссиня-черного металла размером в половину человеческого роста. Раму оплетали стебли диковинных светящихся цветов — розовых, белых, голубых. Они казались живыми, и, только подойдя вплотную, все трое убедились: цветы тоже из чего-то твердого.

— Что это? — проговорил светловолосый, наклонившись над странным предметом.

И вдруг увидел по лицам, что оба поняли его вопрос. И тут же торопливо заговорили, перебивая друг друга. И у каждого в мозгу непостижимым образом возникли слова перевода. Наконец-то они смогли что-то друг о друге узнать!

— Я с Церны, — сказал смуглый усач.

— Я с Дидара, — откликнулся светловолосый.

— А я из Срединного Облака, с пятой планеты звезды Флум, — представился темнокожий.

После первых расспросов каждый кратко рассказал о своем мире, но это не приблизило их к разгадке того, что же с ними произошло. Они не могли даже толком объяснить друг другу местоположение своих планет — слишком различны были точки отсчета, слишком несхожи системы координат. И к тому же никто из них не блистал ученостью — там, у себя, погруженные в повседневные заботы, они не очень-то интересовались устройством мироздания. Больше других знал темнокожий Мгом, оказавшийся учителем, но он учил детей языку — предмету, далекому от космоса. Одно не вызвало сомнений: их миры разделены чудовищными расстояниями и не только никогда не имели контактов, но и вообще не знают о существовании друг друга. И однако какая-то неведомая сила перенесла их через звездные бездны, столкнув лицом к лицу здесь, на крохотном пятнышке среди тьмы. Как, каким образом? И главное — зачем?

Сколько они друг друга ни расспрашивали — ничего не прояснилось. Каждому запомнилось одно и то же: как внезапно потерял сознание там, дома, — и открыл глаза уже здесь. А между этими двумя моментами — провал беспамьятства.

Оставив безнадежные попытки что-то понять, они заговорили о том единственном, что было у них общим — о прародине-Земле. Но выяснилось, что и тут они в сущности не могут сообщить друг другу почти ничего нового. Каждый с детства знал древние хроники, повествовавшие о Катастрофе и о Спасателях, умчавших их далеких предков, — тех немногих, кого удалось спасти, — в разные концы Галактики. В каких-то деталях эти отрывочные сведения отличались, но совпадали в главном, как похожи были и незавидные судьбы спасенных.

Во всех трех мирах потомки землян жили на положении существ второго сорта. Не то чтоб их угнетали, но всегда давали понять, что приютили их из милости и они должны быть вечно благодарны за это. Лишь на Церне соплеменники Авуда — так звали смугляка в комбинезоне — обрели некоторую автономию. Метрополия послала их осваивать эту стильную ледяную планету, но по крайней мере там в их жизнь никто не вмешивался.

Да, они были товарищами по несчастью, по горькому звездному сиротству, и, рассказывая о невеселом житье-бытье своих маленьких общин, все трое по-новому ощутили древнее родство. Эта тема была неисчерпаемой, и в других обстоятельствах они, наверно, говорили бы часами. Но сейчас было не до того. Все заглашал вопрос вопросов: что же дальше, что с ними будет?

Разговор иссяк. Походив вокруг непонятого предмета, они снова уселись на землю и погрузились в ожидание. Что-то произойдет, что-то должно произойти. Но — когда?

Внезапно свет чуть потускнел, и, оттуда, из сплетения цветов, вырвался тонкий изогнутый голубой луч. Обежал круг, словно прошупывая плот-

ность мрака, и замер, вытянувшись острой голубой указкой. Направление — куда идти?

Должно быть, именно эти слова и произнес вскочивший на ноги светловолосый Бен с Дидара. Это он спросил или что-то похожее, двое других могли только догадываться: перевода не последовало. Почувяв неладное, Бен проговорил что-то еще, но с тем же успехом. Несколько мгновений они в замешательстве глядели друг на друга, и тут смуглого Авуда осенило. Шагнув к источнику света, он поманил рукой:

— Давайте сюда!

И оба поняли слово в слово. Теперь стало ясно: переводчиком был этот странный предмет. Но только — если рядом. И значит, они должны взять его с собой. Да иначе и нельзя — куда они без света и без путеводного луча.

Оплетенная цветами рама оказалась совсем не тяжелой, но сподручней было нести ее втроем. Так они и взялись: Бен и Авуд спереди, Мгом — сзади. И двинулись в темноту, куда звал луч.

Они шли долго. Мрак расступался перед ними и снова черным кольцом смыкался позади. Но странное дело: всех троих не покидало ощущение, что они здесь не одни. В темноте чувствовалось словно бы какое-то движение, время от времени слышались шорохи, невнятные, приглушенные звуки, но — ни искорки света.

Свет обрушился, как обвал, хлынул со всех сторон так неожиданно и слепяще, что все трое невольно зажмурились глаза. А когда открыли, увидели уходящую к горизонту широкую аллею, по сторонам которой высились деревья-листья. Ни стволов, ни ветвей — только резная колышащаяся зеленая плоть от подножий до вонзающихся в розоватое небо вершин. А в просветах между зелеными гигантами виднелись какие-то обелиски, плиты, увенчанные сфероидными стелы. И по всей длине аллеи, насколько хватало глаз, двигались группки людей. Только людей ли? Лиц было не разглядеть, но по очертаниям фигур можно было догадаться, что это существа самых разных обликов. И все они что-то несли, что-то похожее на предмет, который держали эти трое...

Светло было считанные секунды, — и снова пала тьма.

— Неужели это оно?.. — пораженно пробормотал Мгом.

— Что — оно? — воззрились на него Бен и Авуд.

— Кладбище Милов... Вы что, никогда не слышали?

Оба замотали головами: не понимали, о чем речь. И тогда по знаку Мгом они опустили свою светящуюся ношу на землю, и он рассказал то, что слышал там, на своей планете, еще от деда. Слышал, но никогда не принимал всерьез, как, наверно, и все те, кто передавал эту легенду из поколения в поколение.

О том, что где-то в глубинах Вселенной есть Кладбище Милов. Кто и когда его создал, — неве-

домо. Но им, создателям этого вселенского некрополя, известно все происходящее в Галактике. И каждый погибший мир обретает на Кладбище свою символическую могилу.

Говорили, что планетоид, на котором «хоронят миры», — невидим, и космонавты могут пролететь рядом, ничего не заметив. Но когда наступает кем-то отмеренный срок, — может, раз в галактическое тысячелетие, а может, реже — на вселенском Кладбище бывает Родительский День. И рассеянные по звездным пространствам далекие потомки являются возложить венки к надгробиям своих утерянных прародин. Как они находят путь к таинственному планетоиду, понять было невозможно, и уже одно это заставляло усомниться в том, что дошедшая из недр веков легенда имеет хоть какую-то реальную первооснову. Именно так и относился к услышанному от деда он, Мгомо, — пока не очутился здесь, на этой аллее...

— Выходит, мы кем-то избраны... — Авуд откинул капюшон, пригладил растрепавшиеся потные черные волосы. — Но почему — мы?

— Спроси что-нибудь полегче.. — Мгомо внимательно, будто впервые, разглядывал оплетающие темный овал цветы. — Удивительно, как мы сразу не догадались, что это венки. Вот уж поистине — слепшарость ума!

— Но какой во всем этом смысл? — Бен озадаченно потер горбинку своего внушительного носа. — Во имя чего?

— Не нам об этом судить, — сказал Мгомо. — Зачем-то Им надо, чтобы мы совершили обряд.

— При чем же тут мы?! — Бен протестующе взмахнул рукой в серебристом рукаве. — В том-то и дело, что все совершают они сами! Выхватили из той жизни, перенесли сюда, сунули этот венок... Зачем?

— Имей терпение, — Мгомо успокаивающе коснулся ладонью плеча Бена. — Мы еще не пришли туда, куда нас зовут.

— Не зовут, а ведут. Каждый шаг — под диктовку невидимого диспетчера.

— Да, но как бы мы нашли без него дорогу? Ну, трогаемся, пара.

Мгомо взялся за венок, и Бен с Авудом последовали его примеру. Но едва они сделали несколько шагов, голубой луч изменил направление. Это означало поворот с центральной аллеи. И даже звуки шагов стали другими: им словно передалось нарастающее волнение. Быть может, уже близко... Однако они шли и шли, а пути не было конца.

— Я думал, где-то рядом с аллеей. А тут топтать и топтать... — Бен показал головой. — Это сколько ж здесь могил?! Будто все мирозданье — из одних сирот.

— Накопилось, — проговорил шагающий рядом Авуд. — За миллиарды-то лет... Но почему все совершается во тьме?

— Видно, не хотят, чтобы процессии соприкасались, — предположил Мгомо. — Ведут каждую

своей тропкой. Спасибо еще, хоть дали взглянуть друг на друга...

Они прошагали еще немного, и указующий перст луча уперся в какую-то преграду. Что-то круглое, большое, отливающее синевой. И чем ближе они подходили, тем меньше оставалось сомнений. Уже ясно было: это Оно.

Оробело притихшие, они остановились у самого надгробия. Огромный глобус, казалось, висел в воздухе, и даже не верилось, что его может удерживать такая хрупкая, неприметная с первого взгляда опора — три человеческие руки, три ладони, словно примерзшие к белой ледышке Антарктиды. Вросшие локтями в серую твердь могильной плиты, руки были одинаковы, как близнецы, различаясь только по цвету — белая, смуглая и черная. Точь-в-точь как те, что держали светящийся венок.

— Ну что? — вполголоса проговорил Бен и вопросительно глянул на Мгомо, как бы признавая его старшинство.

Темнокожий кивнул, и они приподняли свою ношу. Бережно, чувствуя скованность в движениях, попытались прислонить венок к памятнику. Но не получалось: он соскальзывал, валялся, — и они положили его на плиту. И снова молча стояли, не зная, что еще надо делать. Стояли, как на чуде, глядя на знакомые очертания океанов и материков.

Да, они были знакомы им с детства. И на Дидаре, и на холодной Церне, и на пятой планете звезды Флум потомки землян, как священные реликвии, хранили изображения своей утерянной родины. Маленькие, отлитые из редких сплавов глобусы передавались из поколения в поколение. В Дни Потери их ставили на стол, за которым собиралась семья, и старики возносили над ними безнадежные молитвы о возвращении...

Но то были маленькие мертвые шарики, а этот, огромный и полноцветный, казалось, дышал, как живой. Чуть колыхалась синева океанов, и, если пристально вглядеться, можно было даже различить что-то похожее на крошечные волны. Пенились сбегающие с гор извилистые ниточки рек, а снег на вершинах сверкал, как настоящий. И маняще зеленели равнины, переливаясь то бархатистостью полей, то изумрудностью джунглей, то хвойной колючестью тайги.

Для кого он так старался, тот неведомый скульптор? Неужели все это только для того, чтобы больней сжалось сердце у тех, кто придет сюда раз в тысячелетие? Но что толку беречь тоской о невозвратном...

И еще думалось: что там, под плитой? Не может быть, что могила — лишь символ. А вдруг там лежит человек. Один из тех, кто погиб вместе с Землей, не покинув тонущего корабля. Ну пусть не человек — хоть горсть праха, хоть крупца чего-то земного. И может, вот сейчас тайна раскроется, и они узнают, ради чего их сюда привели.

Но время шло — и ничего не происходило. О них словно забыли.

— Ну и что дальше? — нарушил молчание Авуд.
— Что мы еще должны сделать?

— Марионетки не задают вопросов, — сказал Бен. — Сам же видишь: манипулируют нами, как куклами. Остается ждать движений кукловода.

— Как ты можешь такое? — с упреком взглянул на него Мгомо. — Нам выпало прикосновение к Святой Святых Вселенной. Дыхание замирает от одной мысли, а ты... — Получилось несколько назидательно, но в конце концов его учительство и седеющие виски давали ему право на это.

— Я просто констатирую факт. Статисты, разыгрывающие чужой сценарий, вот кто мы здесь. Разве не так?

— И не только мы, — расстегивая жаркий комбинезон, вставил Авуд. — Наверно, и все те — тоже... — Он ткнул ладонью в темноту.

— Да уж, вряд ли с ними поступили иначе, — согласился Бен. — И получается, что все это шествие вселенского сиротства — что-то вроде парада марионеток. А смысл?

— Разве муравью постигнуть поступки человека? — вопросом на вопрос ответил Мгомо. — Так и нам — Высший Разум.

— А ты уверен, что мы имеем дело с Высшим Разумом? Может быть, создателей этого Кладбища Миров давно уже нет, и все вершит какая-нибудь старательная машина. Из тысячелетия в тысячелетие исправно прокручивает вложенную программу, не понимая ее сути.

Похоже, Мгомо хотелось возразить, но он не стал этого делать. Только пожал плечами. Авуд тем временем что-то рассматривал на глобусе, придвинувшись почти вплотную.

— Вот здесь... — Он очертил пальцем речную долину и холмистое пространство между горами и морем. — Тут они и жили.

— Кто? — не понял Мгомо.

— Мои предки. Здесь жили и здесь полегли. Спасли всего сотню. Это по одной хронике, а по другой — и того меньше. Поди проверь...

— Так это были твои предки? — Бен взглянул на Авуда так, словно впервые увидел. Секунду поколебался — стоит ли? — и сказал: — Выходит, наши пращуровы были соседями. Мои обитали тут, за горами. — Он показал на стиснутое снежными хребтами плоскогорье.

Теперь настал черед недобро удивиться Авуду.

— Так ты из этих?! Тех самых долгоносиков, будь они все...

— Ну, ну! — поспешил вмешаться Мгомо. — Оставим предков в покое. Все одинаково виноваты. Уже одним тем, что расплодились, как грызуны, и изгрызли природу...

— И твои черные больше всех, — стрельнул острым взглядом Авуд. — Недаром у них и началось. Но в наших древних книгах сказано: может, рас-

пад атмосферы еще удалось бы остановить, если бы не утечка той проклятой отравы...

— А там написано, почему моим предкам пришлось его обзавестись? — с трудом сдерживая себя, осведомился Бен.

— Еще как написано! Для того и обзавелись, чтоб наших пращуров при первом удобном случае — в расход. Незаметненько, под видом какой-нибудь болезни... Да не успели.

— Спятил?! — ощерился Бен. — У нас на Дидаре тоже хранят древние книги. Про то, как твои славные пращуровы и их единоверы обложили мой народ со всех сторон, как устраивали резню за резней. А наших было слишком мало... Да, им пришлось создать Туман Возмездия — последнюю защиту, если не останется выхода. И кто мог знать, что землетрясение взломает подземные хранилища...

— Главное, их же, хитроклювых, еще и прилетели спасать! — не слушая, перебил Авуд. — В награду отравителям... Не спасать надо было, а давить!

— Еще не поздно. — Бен прищурил глаза, кулаки его сжались. — Я к твоим услугам.

Пару мгновений они глядели друг на друга. Потом Авуд отвернулся. И вдруг смачно плюнул — прямо туда, на стиснутое хребтами плоскогорье.

— Погань! — Бен рванул его за плечо.

И оба вздрогнули от испуганного крика Мгомо: — Падает!

Три пары глаз впились в памятник. Нет, шар не упал, — только пошатнулся и замер в едва заметном наклоне. Что-то произошло там, внизу; руки, державшие глобус, стали словно бы тоньше... Или им показалось?

— Что это? — выдохнул Бен.

— Мы ничего не знаем. — Мгомо шагнул и встал между ним и Авудом, решительно раздвинув их плечами. — Может, случайность, а может... Что, если весь этот Родительский День — испытание? Достойны ли хотя бы памяти. Очистились ли. И от оскала древней вражды рушатся надгробия...

— Птица! — первым увидел Авуд.

Огненно-красная, она стремительным росчерком пересекла освещенный пятачок — пролетела из тьмы во тьму. И тут же вернулась, чертя круги над стоящими у могилы. И чем быстрее она кружилась, тем ниже опускались разметнувшиеся красными парусами крылья. Вот они коснулись земли — и разом сомкнулись, слились в один бешеный алый смерч. И когда он умчался, растаяв в черноте неба, у надгробья было пусто. Светились меркнувшим, слабеющим светом цветы лежащего на плите венка. И погружались в ночь материка и океаны чуть накренившегося над могилой Шара.

До следующего Родительского Дня.

МУМИЯ

О том, что одеваться надо нарядно, Руська вспомнил в последний момент.

— Мама! — позвал он. — Слушай, нам Галя Карповна вчера сказала, что вместо уроков мы пойдем в театр и надо надеть что-нибудь такое...

— Галина Карповна, — автоматически поправила мама, не отрываясь от плитки. На сковородке шкворчали картофельные оладьи. — Подожди, в какой такой театр?

— Не знаю, в театр да и в театр. Какая разница?

— Всегда предупреждали... — нахмурилась мама. — Что же ты вчера-то молчал??

— Забыл, — вздохнул Руська.

— Забыл... ах, ты ж...

— Да ну, чего особенного? Подумаешь, в театр. Бывали уже в театрах, и ничего...

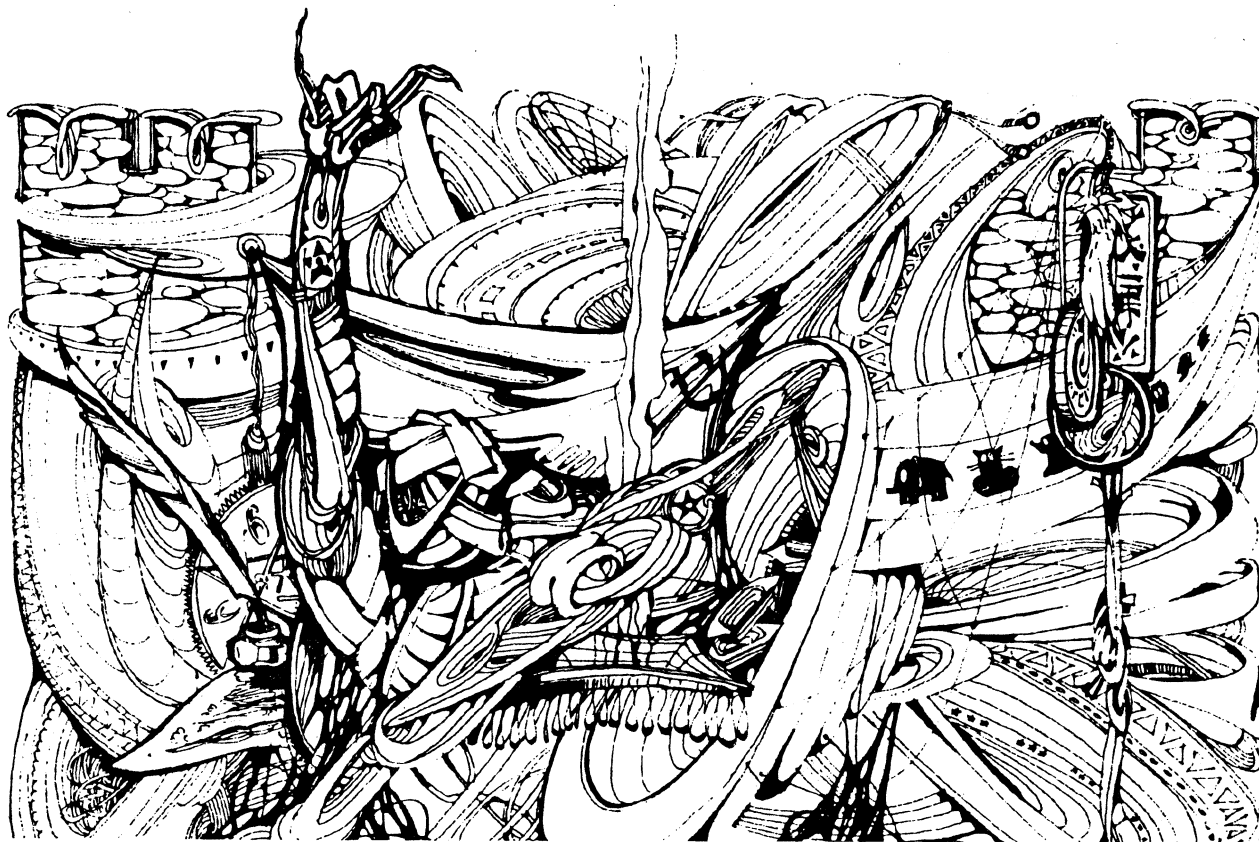
— Может, и ничего, — мама смотрела куда-то в угол, — а может, и чего... и отец ушел...

— Да ладно тебе, — Руська не понимал, из-за чего, собственно, расстройство. — Ты мне лучше дай какую-нибудь денюгу, я там в буфете чего-нибудь посмотрю...

— Господи, — сказала мама. — Добытчик ты наш...

Оладьи, понятно, подгорели. Руська именно такие и любил, но мама почему-то всегда старалась делать бледные, мягкие. Оладьи он запил большой кружкой приторного морковного чая.

— Вот это наденешь, — сказала мама.

— Он колючий, — запротестовал Руська. — И жаркий.

— Потерпишь, — отрезала мама.

— Но ведь в театр же...

— О, господи, — сказала мама предпоследним голосом. — Не будешь забывать вечерами... Сказал бы вчера, попросила бы Ряду Валерьевну, чтобы выписала тебе освобождение...

Это было уже настолько ни к селу ни к городу, что Руська перестал сопротивляться, даже мысленно, и натянул «секретный» свитер. Секретным свитер был потому, что в него мама ввязала сплетенный косицей волос, так что от некоторых чар и от дурного глаза свитер оберегал неплохо.

— А вот это — на шею, — сказала мама и завязала на семь узлов шелковую веревочку. — Будут отбирать — отдай. И говори, что нашел.

— Что я, совсем маленький, что ли? — обиделся Руська. — Учишь, как все равно...

— Большой ты, большой, — сказала мама. — Потому и говорю. С мального какой спрос...

Ха! Возле школы уже стоял автобус, и Галя Карповна махала рукой из двери. Класс плющил носы о стекла.

— Вечно ты, Повилихин, приходишь в последнюю минуту, — с пол-оборота завелась Галя Карповна. — Ты да Хромой, двое вас таких гавриков...

— Не опаздываю же, — резонно возразил Руська.

— Я сколько раз говорила: приходишь за пятнадцать минут до начала уроков! Звонок не для вас, звонок для учителя! — и что-то еще в том же духе.

Руська молча обошел ее с наветренной стороны и двинулся по проходу, ища место. Ничего нового он услышать не надеялся.

— Ксива есть? Ксивы нет. До свидания, — пробормотал он негромко, но так, чтобы его слышали. Машка Позднякова, соседка по двору и по алфавиту, фыркнула.

— С тобой не занято? — спросил Руська.

— Садись, — сказала Машка. — Она все равно не придет.

— Откуда ты знаешь?

— Я все знаю. Вот ты знаешь, например, куда мы едем?

— Ну?

— В Кремль!

— Как — в Кремль? Вчера же говорили, что в театр...

— Ты и поверил, глупышка?

— В лоб дам, — пообещал Руська.

— Ну и как хочешь, — обиделась Машка, хотя уж не ей обижаться. — Вон — мест много...

— Подожди. А зачем в Кремль? Что там делать?

— А то ты не знаешь?

— Чего?

— Чего-то. Не слышал ни разу, что ли?

— Слышал, — неохотно сказал Руська. — Только все это как-то... как-то не так... Мама рассказы-

вала: их возили торжественно, отобрали самых-самых... они цветы дарили, рапорт читали...

— Говорят, что всех возят, только не велят об этом рассказывать, — прошептала Машка и резко отвернулась.

— О чем вы тут шепчетесь? — возникла рядом Галя Карповна. — Я миллион раз говорила, что шептаться нельзя, хочешь что-нибудь сказать — скажи громко, при всех.

— Вон Хромой идет, — громко и при всех сказал Руська.

Толик Хромой — это его настоящая фамилия, прозвище у него было Костыль — запыхавшись, вскочил в автобус...

— Тебя одного и ждем, — сказала Галя Карповна. — Сорок человек тебя ждут!

— Я опять опоздал? — удивился Толик. — Ну никак не могу к этим трамваям приспособиться.

— Объяснять будешь директору, — сказала Галя Карповна. — Так: нет Полубояринова, он болен, и нет Стеллы Мендельсон... — Галя Карповна поджала губы. — Водитель, поехали!

Толик плюхнулся на пустое сиденье — как раз через проход от Руськи. Расстегнул портфель, вынул кляссер и подмигнул Руське. Руська встал — Галя Карповна как раз отвернулась и говорила что-то водителю — и шмыгнул через проход.

— Во, как и обещал... — начал Толик, но Руська его перебил:

— Знаешь, куда едем?

— Ку... куда? — вздрогнул Толик.

— В Кремль... — от Толикова испуга Руська немного растерялся.

— Как же так... мне же нельзя, я ведь уже был... — зашептал Толик. — Почему вчера не сказали?... Я ведь был весной, мне нельзя...

— Так скажи Гале, — предложил Руська.

— Не отпустит... а то еще мамке на работу сообщит — и всех... ох, как же это я... осел, ведь так не хотел идти, думаю: ногу бы сломать...

— Так ты там был? — прошептал Руська.

— Ну да, я же говорю — весной, еще когда в той школе...

— Слушай, а что там?

Толик замолчал, уставился куда-то вбок.

— Так что? Почему все так боятся?

— Сам увидишь... да никто и не боится... а так... я не знаю. Я правда не знаю. Водят, все показывают... Глав-пушку, Глав-колокол... картины разные, сабли, пистолеты старинные... ну и, это...

— К самому?..

— Ну... Слушай, Руська, хочешь, я тебе все свои марки отдам и расскажу, что мне один большой парень рассказывал, а за это буду там все время за тебя прятаться? Потому что ты не ходил еще, тебе можно, а я уже ходил...

— Хорошо. А что он тебе рассказывал?

— Значит, так. Когда-то давно сам умер — или как будто бы умер... и те, которые с ним были, со-

ратники — они решили: сохранить его тело, сделать мумию и выставить ее в музее, чтобы все видели и знали, какой он был. Ну и вот... сделали мумию, а потом к ним приходит один маг и говорит: а хотите, я его... ну, мумию то есть... оживлю? А те без него не знают, что делать, говорят: хотим. Маг и оживил. Потом много всего было...

— Опять шепчетесь? — налетела Галя Карповна. — Я сколько раз говорила: шептаться нельзя! Хочешь что-нибудь сказать — встань и скажи громко! Повилихин, а кто это тебе разрешил пересаживаться? Сядь немедленно обратно!

— Так мы договорились? — одними губами спросил Толик.

Руська кивнул.

Их долго не пропускали в Красный Круг — проверяли какие-то бумаги у водителя, что-то еще. Потом в автобус вошла толстая тетка в черной кожаной куртке с железной пентаграммой на рукаве и с наганом на поясе.

— Какие красавцы! — сказала она, разглядывая класс. — Наше будущее! Поезжайте, водитель...

Когда автобус пересекал Красный Круг, Руська вдруг озяб. Он покосился на Машку: у Машки дрожали губы. Ни фиги себе... Автобус свернул направо, и Руська увидел Кремль — во всей его красе: красные с золотом стены, бронзовые шестиконечные щиты на зубцах, башни с железными пентаграммами на шпилях — и сверкающая в лучах солнца тонкая, как кружево, золотая сеть-оберег, натянутая между башнями...

— Ух ты! — восхитился Руська.

— А вот эту сеть моя бабушка вязала, — сказала Машка. — Не одна, конечно...

Ворота перед автобусом открылись, пропустили его, закрылись.

— Выходите и стройтесь! — скомандовала тетка с наганом.

Снаружи остро пахло ладаном: трое в таких же, как у тетки, кожаных куртках обходили автобус кругом, махая кадилами и шепча заклинания. Класс топтался, озираясь.

— Построились, построились! — торопила тетка. — Чему вас только в школе учат?

Наконец класс выстроился в одну линейку. Галя Карповна бегала за спинами, топая, как шумное привидение.

— У кого есть магические предметы, амулеты, обереги — сдайте! — потребовала тетка.

— Потом то, что дозволено к ношению, будет вам возвращено.

— У меня — вот... — сказала Машка, протягивая кусочек янтаря.

— И у меня, — Гарик Абовян отдал камешек с дыркой.

— И у меня... и у меня... — класс сдавал оружие: маленькие пентаграммки, старинные монеты, кроличьи лапки, крошечных костяных кошек и слоников...

— Не стыдно быть такими суеверными? — уко-

рила тетка. — А еще в школе учитесь... Теперь мы проверим вашу честность. Федор, где ты?

Откуда-то появился одетый в военную форму горбун с чучелом обезьянки на плече. У Руськи упало сердце: теперь все... Прикинься шлангом, велел он себе, бить ведь не будут...

Горбун медленно шел вдоль выстроившегося класса, что-то шепча и прихихикивая. Он дошел до Руськи и вдруг остановился, будто приплюсываясь. Со слабым хрустом, слышным так, как если бы ломался лед на реке, обезьянка приподняла веки и стала выпрямлять скрюченную, прижатую к груди ручку. Тонкий черный палец устался Руське пониже подбородка. Страх был такой, что Руська перестал чувствовать себя, — тело стало чужое и как из ваты. Не описать бы... Он, может быть, упал бы — но сзади подхватили, обшарили и нашли, конечно, веревочку.

— Эт-то что? — грозно нависла над ним тетка. — Это что, я тебя спрашиваю?

— В-веревочка...

— Веревочка? А какая веревочка?

— Кра... красивая...

— Я тебе покажу — красивая! Шелковая веревочка с семью сионскими узелками! Ты хоть знаешь, что это такое?

— Не... не знаю...

— Учительница! — возвала тетка, потрясая рукой с веревочкой — она держала ее двумя пальцами, брезгливо, будто это был глист. — Учительница! Почему ваши дети не знают самого элементарного?

И тут Галя Карповна удивила Руську.

— Простите, — сказала она. — В школу поступает список предметов, запрещенных к ношению. Насколько я знаю, этого предмета там нет. Поэтому претензии могут быть предъявлены к наблюдающим инстанциям, но никак не к школе и не к ученикам.

Тетка еще поворчала для порядка и куда-то ушла, унося запрещенный предмет, и никто не догадался, что веревочка эта отвела взгляд обезьянки от Руськиного свитера...

— Где ты взял эту гадость? — ненавидяще глядя куда-то мимо Руськи, прошипела Галя Карповна.

— Нашел... — Руська отходил понемногу от пережитого страха.

— Что ты врешь — нашел...

— Правду говорю... клянусь... Лениным клянусь... — прошептал Руська.

Он при этом сложил крестом пальцы левой руки. Это действовало, и гром не поразил Руську.

Их долго водили по Кремлю, показывая все, что там было. Возле Глав-колокола Толик потерялся, но его нашли и вернули. Потом экскурсовод рассказал много интересного про Глав-пушку. Глав-пушку отлил великий русский мастер Андрей Чохов за много лет до рождения Ильича, но специально для того, чтобы охранять вожда от злоумыслов. Обычными снарядами Глав-пушка не стреля-

ет, да она и не предназначена для этого. Но вот если кто задумает что-то злое против Ильича, то Глав-пушка тут же испепелит негодяя магическим огнем... Руська подумал было, а как же тогда эта история с Каплан?.. — но спросить не решился.

— А теперь пойдете — Ильич ждет вас, — сказал экскурсовод с широкой неподвижной улыбкой.

Класс построили попарно и повели к дверям в большом доме. У дверей стояли часовые в высоких шлемах. Они взяли «на караул» и не шевельнули ни одним мускулом, пока класс проходил мимо них. По ту сторону тяжелых дверей ждали люди в кожаных куртках.

— Пойдете, дети, — сказала другая тетка, чем-то похожая на предыдущую, хотя и совершенно не такая: худая, с длинным носом. — Не шумите, не галдите, не задавайте вопросов сами. Ильич будет спрашивать — отвечайте по одному, я буду показывать, кому отвечать. Ильич будет угощать вас конфетами — больше двух брать нельзя. Не забивайте конфетами рот — это некрасиво. После встречи вас покормят в столовой. Если кто-то хочет в туалет — сходите сейчас, вон туда, — она показала рукой.

Полкласса воспользовались предложением.

— А можно, я спрошу? — раздался чей-то голос. Руська скосил глаза: это был Венька Степанов, на вид — тихий очкарик...

— Спроси, мальчик, — благодушно сказала тетка. Не знала она, кто такой Венька.

— Степанов! — предостерегающе каркнула Галя Карповна, но было поздно...

— А это правда, что Крупская отравилась?

Тетку будто стукнули палкой по затылку. Она замерла, мгновенно сгорбившись, потом медленно распрямилась, откинула голову назад, как кобра, и всем телом повернулась к Веньке.

— Ну что ты, мальчик, — сказала она медовым голосом. — Надежда Константиновна скончалась от пневмонии, и все очень горевали о ней, и Ильич — больше всех... А почему ты спросил? Тебе кто-то говорил об этом, да? Кто же?

— В трамвае слышал, — сказал Венька. — Два старика поругались, один другому это и сказал.

— Ах, чего только не наговорят люди в ссоре! — вздохнула тетка. — Никогда не ругайтесь, дети. А вам, учительница, я советую уделить особое внимание этому мальчику. Может быть, имеет смысл показать его хорошему врачу...

Класс поднялся на второй этаж. У двусторчатой двери, обитой синей кожей с вытесненными на ней золотыми пяти-, шести- и семиконечными звездами, знаками единорога и чем-то еще, чего Руська никогда раньше не видел, стояли совсем уж странные часовые: рыцари в латах и с обнаженными мечами в руках.

— Строимся, строимся, — суетились Галя Карповна, носатая тетка и еще какие-то люди. Класс строился, но как-то не так. Наконец тетка, кото-

рая, похоже, всем тут управляла, дала сигнал: — Заходим!

Рыцари с лязгом наклонились вперед и взяли за ручки дверей. Невидимый оркестр заиграл марш. Двери распахнулись, и класс стал медленно вдавливаясь в комнату.

Там было полутемно, стоял большой письменный стол, книжные шкафы, диван, несколько кресел. За столом сидел человек и что-то писал, макая перо в чернильницу. На входящих он не смотрел. Наконец все вошли, замерли, и повисла такая тишина, что слышно стало слабое шарканье пера о бумагу.

— Владимир Ильич! — медово заговорила тетка. — Гости к вам, школьники, отличники!

Человек отложил перо и медленно выпрямился. Он очень походил на свои портреты и скульптуры, стоящие и висающие везде, и в то же время чем-то неуловимо отличался от них, и Руське подумалось, что прав был дядя Костя когда говорил отцу — а Руська нечаянно подслушал, — что фотографировать, рисуют и лепят других людей, специальных артистов, чтобы избежать дурного глаза... Кожу человека за столом странно лоснились, и смотрел он на класс тоже странно: будто никак не мог понять, что это за люди и что они здесь делают. Тетка с длинным носом встала рядом с ним, повернулась к классу, и Ильич тут же хитро улыбнулся, подмигнул или прищурился — Руська не понял — и быстро встал.

— Культурная задача не может быть решена так быстро, как задачи политические и военные, — сильно картавя, сказал он. На слушателей он смотрел так, будто сам стоял на трибуне, а они — у его ног. — Мы не можем уничтожить различия между классами до полного введения коммунизма. Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую выставку, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания. Тут мы беспощадны, и тут мы не можем вступить ни на какой путь примирения или соглашательства. Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре. Старая школа была школой учебы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников. Теперь они видят: Европа так развалилась, империализм дошел до такого положения, что никакая буржуазная демократия не спасет, что только Советская власть может спасти. Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Главное именно в этом. Мы говорим: наше дело в области школьной есть та же борьба за свержение буржуазии; мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики это ложь и лицемерие. То по-

коление, которому сейчас пятнадцать лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество!

Первой захлопала Галя Карповна, за ней — весь класс. Руська бил в ладоши «коробочкой» — то есть пальцами правой руки в расслабленную ладонь левой: звук от этого получается громкий и резкий, как выстрел. За его спиной Толик хлопал «веничком» — это еще громче, но глуше. На Руську навалилось какое-то не совсем понятное разочарование — все, что происходило сейчас с ним и с остальными, было таким простым, деловитым... и непонятно, почему об этом так не хотят говорить, почему разволновалась мама и чего боится Толик...

Ильич сел, каким-то птичьим движением достал из ящика стола огромную коробку конфет, опять хитро прищурился.

— Желание поговорить с народом у меня всегда есть, — сообщил он. — Да вы угощайтесь, не стесняйтесь. Интересно стало в школе учиться?

— Вот ты, девочка, — показала пальцем на Машку носатая тетка.

— Интересно, Владимир Ильич! — закричала Машка. — Мы учимся русскому языку и литературе, математике и географии, физике и химии, рисованию, пению и физкультуре! По всем предметам у нашего класса полная успеваемость!..

— И пению учиться? — прищурился Ильич. — А какие песни поете?

— Революционные, Владимир Ильич! — У Машки от натуги сорвался голос. — И про нашу любимую партию!

— А неужели детских песен никаких не поете? Я вот помню, мы пели... нет, забыл... берите конфеты, берите! Забыл песню...

Все стали подходить и брать конфеты. Руська тоже подошел и взял. Конфеты были необыкновенно вкусные, он проглотил обе в один миг и вдруг услышал, как за спиной вздохнул — нет, протяжно всхлипнул Толик.

— Сходи, возьми, — сказал Руська. — Вкусные — жуть.

— Не, — сказал Толик.

— Ну, хочешь, я схожу? — предложил Руська.

— Нет, — голос у Толика стал совсем слабый.

— И ты... ты не ходи...

Тетка с длинным носом взглянула на часы.

— Все, дети, — сказала она. — Время Владимира Ильича очень дорого для страны и для всех нас, прощаемся с ним, до свидания, Владимир Ильич!

— До свидания, до свидания, — заговорили все и повернулись к выходу.

— Держи меня... — прошептал Толик и повис на Руське. Руська вцепился Толику в ремень, оглянулся — кто поможет? Галя Карповна была далеко. Подоспел Ромка Жариков, вдвоем с Руськой они подхватили Толика под руки и повели к выходу. Ильич — Руська успел заметить — уже сидел,

как вначале, и водил пером по бумаге. И вдруг Руське страшно захотелось, чтобы хоть что-то случилось... чтобы Ильич показал классу «козу»... он опять оглянулся и обомлел: Ильич, не отрываясь от письма, поднял левую руку, выставил указательный палец и мизинец — и боднул воздух...

В коридоре стало плохо еще и Машке. Дядька в военной форме под белым халатом поднял ее на руки и отнес на кушетку. Толика посадили рядом, он был весь синий и дышал ртом. Не надо так волноваться, кудахтала Галя Карповна. Посмотрела бы на себя, подумал Руська.

— Передохнули? — спросила тетка с длинным носом. — Прошу в столовую. Вам будет дан обед из трех блюд, кто захочет добавки, может попросить официантку.

— Дойдешь? — тихонько спросил Руська Толика. Толик промычал что-то в том смысле, что да, дойду.

Ха, подумал Руська, когда их повели по коридору, тут самому бы не пасть! Ноги были тяжелые, как гири, и совсем не отрывались от пола. И все так: шаркали о паркет и плелись, пошатываясь. Машку сзади всех вел, придерживая, тот военный в белом халате. Навстречу классу попала странная парочка: горбун, который проверял на честность, и с ним гибкий тонкий человек в сером костюме, круглолицый и круглоглазый. Проходя мимо, этот человек сказал горбуну: «Покушал любимый. Ты погляди, Федор, от сарделек одни шкурки остались...» — на что горбун зашипел и заозирался.

— Ты видел? — прошептал Толик.

— Кого? — не понял Руська.

— Ты что, не знаешь, кто это?

— Который?

— Ну не горбатый же.

— Нет, а кто он?

— Это же кошачий бог!

Руська оглянулся, но никого в коридоре уже не было.

В столовой их рассадили за столы по восемь человек, и официантки в белых передниках и наколках стали разливать суп. Суп был страшно вкусный, только слишком горячий. На второе было что-то тоже вкусное, но как оно называется, Руська не знал. Потом принесли компот и мороженое. Мороженое Руська уже еле ковырял, засыпая. Кошачий бог, думал он, надо же...

В автобусе Руська уснул. Разбудила его Галина Карповна. Оказывается, всех развозили по домам, и больше того — завтра на уроки можно не ходить, и еще больше — мама или папа могут завтра не ходить на работу, вот талон на отдых, передай им... Руська не помнил, как добрался до кровати. Он спал, ему снился почему-то кошачий бог, как он долго и тщательно вяжет оберег, надевает на шею, оглядывается через плечо, хитро подмигивает и делает Руське «козу». Как он сказал? Сад... сер... седельки?

Что такое седельки? Надо будет спросить... Потом приснилась мама, она сидела у стола и, плача, втыкала булавку в какую-то бумажку. Мама очень боялась, но все равно втыкала и втыкала. Потом сожгла бумажку на огне. Мама, позвал Руська, но вместо мамы подошел кошачий бог и сказал: гордись, теперь ты настоящий пионер. Почему галстук красный, знаешь? Это цвет крови, пролитой... — сказал Руська и испугался чего-то. Правильно, сказал кошачий бог, вот смотри: он сжал галстук в кулаке, и закапала кровь. Мама! — опять позвал Руська, открой, открой глаза, сказала мама, скорей открой! Руська открыл. Завешенная газетой, горела лампа, и за столом сидели отец и тетя Люба, Машкина мама.

— Ты пить хочешь? — спросила мама.

— Пить, — сказал Руська. — Да, хочу.

— Сейчас... — Мама налила из чайника воды в стакан, поднесла Руське ко рту. Руська жадно выпил.

— Русланчик, — спросила тетя Люба, — как ты себя чувствуешь?

— Ничего... — сказал Руська. — Голова только болит... и тошнит везде...

— А Машеньку в больницу забрали, — сказала тетя Люба. — Так ей плохо было, так плохо...

— Он у нас герой, — сказал отец. — Он у нас выносливый...

— Все обойдется, Люба, — сказала мама. — Бывает...

— Да, обойдется, конечно... я, что ли, сомневалась...

Вдруг что-то звонко хрустнуло, мама вскрикнула. Отец, сердито ворча, встал, стряхивая с ладони осколки стекла — и вдруг быстро-быстро закапала кровь.

— Это не я, — испуганно сказала тетя Люба.

— Ясно, что не ты, — отец, держа ладонь перед собой, как полную до краев чашку, пошел к раковине. — Какая из тебя колдунья...

Мама помогла ему промыть руку, перевязала чистой тряпкой.

— Может, в больницу сходишь? — сказала она. — Укол сделают.

— Да ну, — отмахнулся отец. — Заживет, как на собаке.

— Пойду я, — сказала тетя Люба. — Хорошо с вами...

— Куда ты торопишься, — сказала мама. — Чего тебе там одной делать?

— Спать лягу. Завтра с утра в больницу — кровь для Машеньки сдавать.

— Слушай, Люба, — сказал отец. — Если надо будет — я ребят организую. Ты говори, не стесняйся.

— Спасибо, Петя. Сказали, пока хватит.

Она ушла. Отец налил себе чаю в новый стакан. Сквозь повязку проступило яркое пятно.

— Давай поворожу, — сказала мама. — Кровь остановится, да и заживет скорее.

— Хочешь на работу меня завтра выгнать? Шу-чу, шу-чу. Руська, что ты?..

— Ничего, — сказал Руська. — Просто смотрю.

Следующий день был длинным и скучным. Руська пытался читать, играть с отцом в шашки... Хотелось не то чтобы спать — а просто лечь и от-вернуться от всего. К вечеру рука у отца разболелась, он дождался, когда вернется с работы мама, и пошел в больницу. Мама села чистить картошку. Руська лежал и смотрел на нее. Ему почему-то вспомнился кошачий бог, как он вяжет оберег, надевает его, оглядывается через плечо...

— Мама, — сказал Руська. — А знаешь, я там подумал, чтобы он показал «козу» — и он пока-зал...

Мама поняла все сразу.

— Ты никому не говорил? — прошептала она. Губы у нее побелели.

— Нет... — испугался Руська.

— Никому не говори никогда! — Мама оказа-лась вдруг возле Руськи, схватила его за плечи. — Никому и никогда! Даже папе! Забудь! Забудь на-всегда, чтобы никто-никто... потому что иначе всем конец: тебе конец, нам с отцом, дяде Косте с тетей Валей, их Женечке и Оксане... Ты меня по-нял? Ты понял, да?

— По-понял... — прошептал Руська и вдруг за-плакал. — Мама, мама...

— Я твоя мама! Ах, боже ж ты мой, вот несча-стье, вот несчастье...

Пришел отец, сказал, что рану почистили, по-ложили мазь и дали освобождение до конца неде-ли.

— Вы что, поссорились? — спросил он, пригля-дываясь к зареванным лицам Руськи и мамы.

— Нет, все в порядке, — сказал Руська. — В шашки еще сыграем?

Они сели играть, и отец проиграл четыре партии подряд.

— Рука сильно болит? — понимающе сказал Руська.

— Разве это боль, — сказал отец странным го-лосом. — Это не боль...

— Мужчины, ужинать! — позвала мама.

— Иди, — сказал отец, — это тебя...

Руська вернулся в школу через три дня. Машка пролежала неделю в больнице, потом еще неделю дома и наконец появилась — бледная и худая. А Толик все не приходил и не приходил, и потом Галя Карповна сказала, что он перевелся обратно в ста-рую свою школу. Адреса его никто не знал, а съез-дить в ту школу — отвезти марки, ну и все такое — Руська так и не собрался. А Венька стал часто болеть, и его забрали из школы.

Этим все и кончилось.

ЛАБИРИНТ

«Ни хулы тому, ни замены тому,
Что несут нам
Яркая земля и морские волны...»

Пиндар

Что было делать пред бледным лицом голодной смерти, таким очевидным и торжественным, несмотря на привычную прохладу земли под ногами и веселый звездопад над головой? Разве что прижаться щекой к черному мрамору неприступной стены Лабиринта и ни о чем не думать или думать совсем ни о чем?

Икар подтянул колени к подбородку и сомкнул потемневшие веки. Нет, невозможно уснуть, когда синева — в головном поднебесье! Она надвигается и становится глубже, как только закроешь глаза, и взрывается желтая известь, и разлетаются брызги.

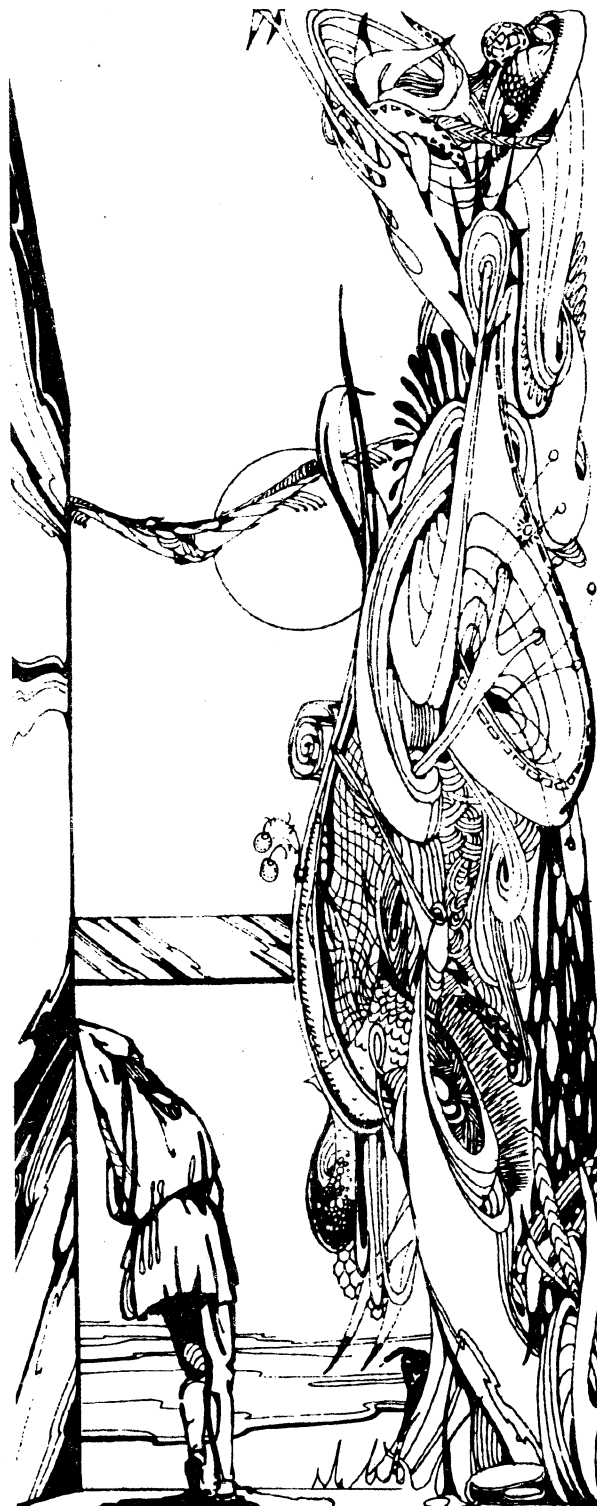
Снова ушел отец, опираясь о гладкую стену. Побрел, сосредоточенный в поиске... В поиске чего? Единственный выход надежно закрыт, а в голове то и дело сужается полоса воздуха и света, прищемленная каменной глыбой, язвительный смех Миноса доносится издалека, бессильную ярость первых мгновений сменяет ужас, затем наступает смирение: «Другого выхода нет».

Что же он думает найти в этих мраморных дебрях, упрямый человек? К чему теперь все его ухищрения?

«Ничего он там не найдет! — беззвучно выкрикнул Икар. — Ничего, кроме смердящей туши Минотавра! Ну-ну! Пускай насладится добрым следствием своего упорного таланта!» Он злобно уставился на льняную бечевку, привязанную к ноге и безмолвно скользящую в темноту:

«Ну! А это еще зачем? Чтобы не потеряться? Чтобы вместе дожидаться конца? Вместе — оно что? Веселей? Или интересно, кто первый!.. А ну тебя! Уж лучше дожидаться одному!» Икар ухватил бечевку и рванул, силясь порвать. Но тщетно — только ожег ладони и крепче стянул мертвый узел.

«Ах, ты вон еще как!» Он поднял руками ступню, склонил лицо, зарычал и заплакал, вцепившись в узел зубами. Не сдавался, мотал головой, готовый сломать себе зубы, лишь бы избавиться от

этой химеры, от этой ненужной ему, назидательной связи с жизнью!

— Не все же здесь вытоптано... — шепнул Дедал самому себе, опустил, скользнул спиной по стене, сел, скрестив ноги, и не спеша отмотал еще с десяток метров бечевки. Небо светлело над ним,

растворя неподвижные звезды. Он вгляделся в противоположную стену, торопливо кинулся вперед, на четвереньки, соскреб с черной поверхности какую-то ползучую слизь и сдвинул в кулак. Затем развернул ладонь, втянул губами добычу, облизал пальцы и измощенно улыбнулся.

— Жить можно, — сказал он громко и повторил: — Жить можно! — громко, еще громче, и еще раз, чтобы почувствовать утро. Но не ушла жгучая темень заботы.

«Бедный Икар, я так виноват перед ним. Втянул его в скверную историю... Но что же делать теперь?» Дедал вздохнул и, скрипнув суставом, поднялся. Он твердо решил идти, пока хватает бечевки. «Искать, искать, я должен искать, как всегда. Но теперь мой поиск — не дитя любопытства, не проверка способностей разума. Я должен спасти моего мальчика!»

Он запрокинул голову, массируя шейные мышцы, и открыл глаза. В безмолвной рассветной выси, расправив крылья, плавал ястреб, невозмутимый, далекий...

Проклятая нить, извиваясь, упала — Икар перегрыз ее, справился и теперь мимо вялых изгибов смотрел неподвижно в землю.

«Теперь уходить, — подумал он, — теперь пора уходить. Туда, за неведомый поворот, навсегда расставаясь с надеждой. Если двигаться, даже не закрывая глаз, даже в мареве сентябрьского полдня, очень скоро почувствуешь, как с пространством уходит назад и время. Течет, как песчаная круча, назад и вниз, из-под ног. И разрывная гуща мгновений кончается и кончается без остановки; уже не скрываясь, рисуется перед смертью каждое из них. Дразнит Время — «Недолго тебе!» Льет из глаз: «Можешь вернуться — мгновения не вернешь». Глядь — а уже ничего не осталось.

Он сделал несколько шагов и остановился на повороте. «Что это? Чем украшено каждое утро?» Ясно запахло раздавленным виноградом, и встала на солнце живая икарова мать, пожалала плечами и неуверенно улыбнулась навсегда молодым лицом.

— Я погиб, я погиб, родная моя Навкрата!

Но она все улыбалась и улыбалась, и в светлом изгибе губ рождалось тихое слово:

— Наверно, я не права. И правда, что толку в советах глупой рабыни? Но может, все-таки лучше вернуться? — и она протянула темные руки. — Выпей, сынок. Здесь немного коровьего молока.

Икар упал на колени, принял узорную чашу и ощутил языком теплую сладкую влагу, тягучую, сильную, непреклонную, как вечное слово «терпенье»...

Он долго лежал к небу глазами, когда очнулся, и не сразу нащупал бечевку, намотанную на затекший кулак. И память не давала ему умереть.

— Ах ты, гордая курица! — крикнул Дедал и плюнул в ястреба, но тут же поймал плевок лицом

и поправился: «Ах я, глупая курица! Ты летишь, а я все бреду вдоль стены.

— Я бреду вдоль стены, я бреду вдоль стены, — лихорадочно зашептал он, перебирая руками. Бечевка оборвалась — он только что зарыл конец ее в землю и побрел вдоль стены.

Стена резко свернула влево, и Дедал свернул влево, потом вправо — и Дедал вправо. А потом стены сдвинулись, и он очутился в тупике. Здесь, в темной низине, скопилась дождевая вода и клубком копошились зеленые змеи.

«Я знаю, что сделаю, — попытался успокоить себя Дедал, — я поверну назад, я побегу назад!»

От бега потемнело в глазах, повсюду громоздились, мерещились черные стены, давило в лицо отсутствие ветра, и блики горячего света тут и там старательно обрезали путь.

Что-то шипящее путало ноги, мешало бежать... «Змеи! Змеи!» — стучало в голове. Но то была трава — он почувствовал это, как только упал в нее лицом и вцепился руками, словно лежал на краю пропасти, и никак не мог отдышаться, потому что понял — «Нашел!» Он нашел то, что искал!

Раздвинувшись в разные стороны, коридор Лабиринта открыл взгляду небольшую поляну и озеро с ивняком по берегу. Казалось, что это свобода, но горизонт был черным и зловеще блестящим на солнце — там, за озером, снова сходились стены, замыкая этот «живой уголок» неодолимо высоким кольцом.

«А вот этот тупик мне нравится!» — подумал Дедал, набирая полную душу птичьего гомона, шума листвы и гудения пчел...

Икар обернулся на шорох и радостно улыбнулся, несмотря ни на что. Потому что увидел отца, голого, грязного, счастливого — он шел к нему и тащил за собой огромный ивовый «плот», прочно связанный и наполненный всякой всячиной. Были там взятые целиком птичьи гнезда с голубыми в крапинку яйцами, темные соты диких пчел, огромная куча перьев, зеленые прутья, лыко, загадочного происхождения пузырь, как оказалось, наполненный водой, и многое другое.

— Мы спасены, сынок! — крикнул Дедал, уселся на ветки и локтевым сгибом размазал по лицу пот.

«Он — простак, но какой занятный!» — думала Астиоха, прогуливаясь под руку с Гераклом по берегу моря. Знаменитый герой смущенно пожимал ее тонкие пальцы и, как бы нехотя, с затаенной гордостью рассказывал о памятной встрече с лернейской гидрой.

— Ну потом... что было-то? Потом я закричал Иолаю: «Огонь! Огонь! Давай огнем ее, гадину!» Причем закричал во все горло. Мне ж было невтерпез, потому как змеюга эта обвилась вокруг ноги и придавила мне... как бы это? — Геракл совсем

смутился и густо покраснел. — Ну, короче, вот это место, — и он неуклюже махнул рукой между ног.

— Какой ужас! — воскликнула Астиоха, а про себя заключила: «Об этом он мог бы не говорить, невежа, даром, что Зевсов сын!» И тут же додумала: «Но какой мужчина! О, Афродита! Если попросит, — я погибла!»

Она была и не очень-то хороша собой, но сразу приглянулась герою своими очертаниями. На них Геракл косился то и дело и шумно вздыхал. «Вот это груди! — думалось ему. — Пожалуй, и не ухватишь — в руках не поместятся!»

— Да что это вы все вздыхаете? — с хрипотцой пролепетала девица. — Рассказывайте мне, рассказывайте!

И она вцепилась в волосатую лапу так, что побелели пальцы.

— Так вот, значит, когда Иолай прижег обрубок, у ней девятая голова как затрясется...

Становилось прохладно. Дуло с моря, и выросли волны. Но Геракл, бравый парень, не чувствовал холода и только смущался все больше, чувствуя, как Астиоха дрожит крупной дрожью и прижимается к нему.

Где-то там, за стеной, опять начинался закат, а здесь, в Лабиринте, густели недвижные тени.

— Держи крепче! — приказывал сыну Дедал, затягивая в узел веревку, свитую из одежды. Икар навалился коленом на ивовый остов крыла.

— Так, молодец!

Теперь уже ясно было — они успеют до темноты. В закопченной каповой плоске тихо постреливал воск, растопленный жаром углей. Икар склонился над готовым раскрыльем, подсыхающим в стороне, и тихонько погладил стройный ряд коричневых перьев. Потом приподнял правое крыло и взвесил его на руке.

«Чертовски легкая штука, — подумал он. — Действительно — чтобы взлететь, сил понадобится меньше, чем при ходьбе на руках. Наверняка прав отец. Он всегда прав. А если иной раз и бывает неправ, все равно не хочется ему возражать. Он так прекрасен в своей мальчишеской самоуверенности! Любуешься им и веришь ему. Совсем не хочется возражать».

— Тебе что же, плевать на истину? — не раз с горечью вопрошал Икар.

— Дело надо делать! — смеялся Дедал. — Истина иногда мешает. Такая, к примеру, истина, что все мы умрем, и станет уже все равно, как мы жили.

— Но ведь надо же все обдумать. Не то — ошибешься, и дело твое крепко стукнет тебя, повернувшись неожиданным концом!

— Дело надо делать! — с какой-то веселой жестокостью повторял отец. — Ошибешься — пустяки! Исправишь по ходу. А не сможешь исправить — пусть бьют! Значит, так тебе и надо, значит, в этом твоя судьба!

«Я не могу не соглашаться с ним, — подумал

Икар, — но не могу не заметить — как редко он ошибается! Буквально всегда прав!»

«Неужели он ничего не взял от меня? — часто думал Дедал. — От матери унаследовал искусство пения. Поет он здорово, это правда — о жизни, смерти, любви... Но разве может бездействие противостоять злу, хотя бы и доброе, хотя бы и распевающее во всю глотку умные песни?»

Должно быть, только теперь, когда ночь обняла проклятый остров и снова качала в звездной сети ужасный Лабиринт, непостижимый, громадный острог, откуда выйдешь, выйдешь, но прежде надо взлететь! Должно быть, только теперь, когда оба, отец и сын, черпали силу в глубоком целительном сне, накормив надежду и жизнь плодами и медом, и сладким пахучим корнем, — только теперь, увидев во сне дедаловы руки, открытые, темные, в безумно запутанных складках под бугорками прекрасных мозолей, Икар понимал их и принимал как единственную опору всей своей жизни, надежную опору воздуха, хлеба, земли...

Эти руки закрывали путь к отступлению, толкали Икара вверх, преодолеть притяжение путанных черных извилин, вырваться на волю! Прочь из этого Лабиринта!

И вдруг, уже после того, как оттолкнулся ногами и взмыл навстречу сердцу, что ухнуло вниз, вдруг он вернулся в детство, во внутренний двор родительского дома, уселся с размаху на расколотый жернов и закрылся руками, хотя так слезы сильней разъедали глаза, — лишь бы не видеть веснушчатого лица маленькой Астиохы, дразнившей его, без умолку повторяя:

— Знаем, знаем, зачем ваш папаша поехал на Крит. Знаем, знаем — чтобы прислуживать злему Миносу, чтобы построить черный лабиринт и посадить туда злое чудище, и кормить его маленькими девочками и мальчиками! Знаем, знаем, зачем ваш папаша...

— Замолчи! — стонал Икар. — Замолчи, это неправда! Нет! Нет!

— Нет! Нет! — закричал он в голос и проснулся. Кто-то развел ему руки и ласково провел по лицу шершавой ладонью.

— Что с тобой, сынок? Что-то страшное?

— Я остаюсь! Лети один!

— Что ты сказал?

— Я остаюсь в Лабиринте! Слышишь? Я остаюсь! — Икар оттолкнул отца, сел, широко раскрытыми глазами глядя на него, и повторял, как помешанный:

— Я остаюсь, я остаюсь...

— Опомнись, Икар! Что случилось? Опомнись, успокойся! Ты, верно, еще не проснулся! Ну же, сынок!

— Скажи мне правду, — Икар схватил отца за руки и перешел на шепот, — умоляю, скажи, это — ты? Неужели это ты?

— Что — я? Ну да, это я, — улыбнулся Дедал.
— Проснулся, наконец?

— Да нет, не то... Это ты... ты... построил Лабиринт?

— Ах, вот ты о чем... — Он посмотрел Икару в глаза исподлобья. — Что ж, если хочешь — пожалуйста — да. Это я. Я его построил. Но в конце концов...

— Почему же ты раньше молчал? Почему ты обманывал меня?

— Не знаю. Должно быть, все-таки трудно признавать свои ошибки... И вообще, справишься ли ты с этой правдой? — Он пожал плечами и произнес гораздо тверже: — Но в конце концов это — не главное! Главное — то, что убить Минотавра Тесею помог тоже я! Без моей путеводной ниточки он бы до сих пор гонял тени по Лабиринту! Я помог Тесею, хотя отлично знал, что Минос мне этого не простит! Вот мы и мыкаем горе все в том же Лабиринте...

Некоторое время оба молчали. Потом Икар поднялся и тихо сказал:

— Проводи меня к тому озеру. Я остаюсь. Мне и здесь будет хорошо.

— Но почему? Почему? Когда я придумал такое!! — взбесился Дедал. — И потом, неужели тебе не хочется полететь? Подумай, мы будем первыми. Люди-птицы! Почему ты хочешь оставить меня?

— Не знаю. Наверно, я боюсь.

— Чего? Ну чего ты боишься? Ведь я отвечаю за все!

— Так же ты говорил, когда оказал услугу Миносу своим Лабиринтом? — воскликнул Икар, отступая к стене. — Чего я боюсь? Уж конечно, не высоты! Я боюсь тебя! Я боюсь твоих изобретений!

— Так же я говорил, когда протягивал нитку Тесею! А ведь меня заранее предупредили, чтобы не делал этого! — не сдавался Дедал.

— Нет, нет, улетай! Ты страшен мне, мастер!

— Ну и пропадай совсем, глупый мальчишка! Оставайся — и ты скоро поймешь, что другого выхода нет. — Дедал отошел в сторону и, не переставая ворчать, начал пристраивать к рукам одно из огромных раскрялий. — Я оставляю твои крылья тебе. Не испорти их сгоряча! Думай, думай сколько угодно, раз уж ты такой любитель заранее все просчитать!

Он затянул концы самой толстой веревки на груди, сунул руки в тугие петли, развернул крылья, и впрямь подобный огромной птице, обернулся и, победив досаду улыбкой, сказал:

— Кстати, напрасно ты не боишься высоты. Если надумашь, лети между морем и солнцем. Опустись слишком низко — крылья набухнут от близости влаги, поднимешься слишком высоко — солнце растопит воск, растеряешь тогда свои перышки и свалишься непременно.

Он поднял крылья и опустил, несколько раз подпрыгнул и побежал по коридору. Быстрее, быстрее, все сильнее толкаясь ногами, все выше под-

прыгивая. Потом вскинул голову, резко взмахнул руками и... полетел.

— Так просто... — растерянно прошептал Икар, неотрывно следя за полетом, сел на холодную землю и вдруг закричал:

— Летит! Он летит!

Вскочил, сразу позабыв свои страхи, побежал и споткнулся... — Как же это? А эту веревку куда? — шептал он, второпях надевая крылья.

— Мне холодно. Согрей меня, — сказала Астиоха, остановилась, резко повернулась лицом к Гераклу и положила ладонь на могучую грудь. У нее и впрямь зуб на зуб не попадал. Да и непродуваемого героя теперь изрядно трясло, но не от холода, нет. Нипочем ему были ледяные соленые брызги и ветер, дикобросавшийся с моря. Не от холода, нет, его трясло от того, что желанная Астиоха шепнула «хочу тебя» и горячими бедрами обхватила подкопившееся колено героя.

— Пойдем! Скорее пойдем! — взревел Геракл, облапив пышное тело, и помутневшим взглядом обшарил песчаный берег, словно в поисках хоть какого-нибудь убежища для своей закипающей страсти.

— Кого это нелегкая принесла в такую собачью погоду? — подумал сквозь дрему Тиресий, помотал тяжелой головой и нехотя поднялся, чтобы открыть дверь.

Огонек светильника дрогнул, и в объятья к изумленному хозяину без сил свалился неожиданный гость, мокрый, дрожащий и совершенно голый...

— Да это Дедал, клянусь Зевсом! Дедал, дорогой ты мой, откуда? — испуганно и радостно восклицал Тиресий, укладывая друга поближе к огню и растирая холодное тело виноградным спиртом.

Дедал очнулся, пожегся, а когда заботливый друг укрыл его своим шерстяным плащом, повернулся на бок, блеснув глазами, и схватил Тиресия за руку:

— Как хорошо, Тиресий! Как хорошо! А я уж думал, погибну под этим проклятым ливнем. Пока летел над облаками, и не подозревал о нем! Там солнце, Тиресий! Представляешь? Там сейчас светит солнце! — Он засмеялся, потом умолк — слабость взяла свое.

Тиресий снял с огня медный котелок, перелил из него вино в небольшую чашу, попробовал, вытянув губы, не слишком ли горячо, и протянул чашу притихшему Дедалу. Тот выпил, закашлялся и чуть слышно сказал:

— Я не думал, что лететь придется так долго. Просто не мог предположить.

— Что с тобой? — спросил Тиресий тоном доброго наставника. — Ты бредишь? И где же твой сын? Где Икар?

— Я бросил его, Тиресий! — не повышая голоса, произнес Дедал. — Я бросил его там, в Лабиринте,

и нет мне прощенья, если что-нибудь с ним случится.

Он отвернулся к стене и дрогнул.

— Не надо, Дедал. Тебе необходимо успокоиться и отдохнуть. — Тиресий, наклонившись, обнял друга за плечи. — Я ужасно рад... видеть тебя на свободе! А с сыном — кто знает? — может быть, все обойдется!

Он жил бобылем у самого моря и редко выбирался из своего маленького, но яркого мира. В его домике всегда царил красивый беспорядок. И он поддерживал его всеми силами. По вечерам и в непогоду сидел за работой или писал что-нибудь на маленьких глиняных табличках, наваленных как попало по всем четырем углам. А в теплые дни с рассвета копался в лохматом саду, окутавшем домик. Он любил перебирать жирную землю, лелеял лозу и белые розы и называл себя провозвестником. Но с этим никто не соглашался. Когда кто-либо приходил к нему за предсказаниями, дело всегда обрачивалось пьянкой. И добрые слова, услышанные обрадованным гостем с порога, со свистом вылетали из головы, когда захмелевший «провозвестник» начинал предсказывать сплошную мерзость, да при этом еще страшно плевался, стараясь угодить несчастному гостю в лицо. Так что люди имели все основания полагать, что он их не любит, и бить ему морду, независимо от того, сбывались или нет мерзкие предсказания.

Таков был Тиресий. И любил его только Дедал. При первой же встрече Тиресий с доброй улыбкой заявил о себе, что он — гений и провозвестник.

— А я не интересуюсь будущим, — ответил на это Дедал.

Икар поднимался в воздух почти без усилий, плавно вздымая крылья. Теперь ему было ясно, что главное — это не напряжение мышц, главное — знать, что ты можешь лететь, верить в это, несмотря на притяжение Земли и сопротивление рассудка. Когда он наблюдал за взлетом Дедала, эта вера и это знание грянули в нем и заполнили душу, оттеснив привычные доводы. Как во сне!

Он поднимался все выше в трепете перьев на ветру, зажмурил глаза, и чувствовал движение мягких волос, будто пловец под водой. Он поднимался большими кругами, врезая свой путь в холодную гудящую высь огромной спиралью.

Потом, наклонив голову, Икар открыл глаза. Внизу, в белых волнистых линиях, отсюда казавшееся спокойным, лежало серое море. Он пошел на поворот, не закрывая глаз, и слева вылез игрушечный чистенький берег. «Это же Крит!» — про себя воскликнул Икар, когда увидел Лабиринт, словно нарисованный черным по белому. Как на плане, были видны все коридоры, проходы, тупики, все секреты ужасного сооружения, и он засмеялся: в общем-то все оказалось достаточно примитивным.

Еще один поворот и — за взмахом — подъем. Лабиринт поплыл и скрылся из глаз.

Всякое наслаждение притупляется со временем. Но наслаждение полетом, хотя и тянулось долго, все было таким же острым, как в самом начале, все так же крепко захватывало Икара. Он боролся с земным притяжением. А оно не оставляло его, держало невидимой нитью, не давая полностью оторваться от привычного мира, от жизни, незаметно копошившейся внизу, от судеб людских, в гущу которых Икар уже не хотел, уже не мыслил вернуться! Эта борьба увлекала его вверх, сквозь толщу белоснежного пара. И когда он увидел уже под собой эти неизмеримые мерой земной громады белых клубов, сливавшихся вдали в неровную невозмутимую ширь, когда не стало земли и моря, и только солнце во все стороны разливало размеренный и, вопреки предупреждению Дедала, холодный свет, тогда Икар почувствовал себя богом, и хотя еще не освободился от тяжести, вцепившейся в гибкие ребра, ему казалось: вот-вот, еще минута, еще один круг — и придет бессмертие...

Но вместо этого пришла боль, резкая боль в гортани и легких. Он задыхался, как рыба в проволочном садке, и понял, что Земля не пускает, Земля не отпустит его. И смерть не отпустит.

— Прости, Тиресий! — промолвил Дедал наутро и ступил на порог. — Не знаю, куда мне идти, что делать, но и на месте сидеть не могу. Прости, друг, прости, что не плачу за твою заботу сразу. Верну этот долг в лучшие времена, а сейчас — прости.

Он крепко пожал Тиресию руку, прошел через сад, прикрыл за собою калитку и вышел на дорогу. Но не успел он дойти до холма, где у высокого вяза путь сворачивал вправо, как удивленно обернулся на голос:

— Дедал! Погоди!

Его догонял Тиресий, догнал и выпалил, задыхаясь:

— Дедал, я с тобой! Не прогонишь?

Облака уходили вверх, Икар опустился и вскоре снова увидел землю. Ветер сдувал горячие слезы, он опять зажмурил глаза, и тогда пришло к нему ЭТО. Хуже страдания, хуже страха. С неодолимым могуществом факта, беспощадно яркое, ЭТО вонзалось в сердце.

Невозмутимый звенящий голос навязывал, диктовал:

— ВСЕ ПЛОСКО. НИЧТОЖНО И ПЛОСКО. И эта Земля. И эти люди на ней, со своими страстями, свершеньями, верой. И ты сам, и память твоя. ВСЕ ПЛОСКО И ПРОСТО. И смысла во всем на медный обол. Именно так — не вовсе без смысла, а на обол. ВСЕ ПЛОСКО. И жизнь и смерть, и свет и тьма, и пространство и время. И все вопросы, что мучили тебя до сих пор, и любые ответы на них. Ты видишь сам — ничего нет выше. Нет Бога. Спа-

сения нет. ВСЕ ПЛОСКО. ВСЕ ПЛОСКО. ВСЕ ПЛОСКО.

Икар раскрыл опухшие веки и увидел внизу плоские острова в плоском море, и не увидел людей. И стало невмочь слышать звенящий голос. И не было рядом Навкраты. И он сложил крылья.

— Что это? Что это там, Астиоха?

— Где? (И что ж это может отвлечь от нее, расширяемой страстью?)

— Да погляди же! Вон там, прибило волною к берегу.

— Ах, полно! Чего только не выбросит прибором под вечер! Это, верно, мертвый дельфин, опутанный тинной.

— Нет, нет! Я вижу теперь — там человек в паутине из ивовых веток!

Геракл широким шагом прошел по берегу, присел на корточках, спокойно разглядывая утопленника.

— Странно, зачем-то к рукам привязаны ветки...

Астиоха стояла и удивлялась: как это может помешать ее любви чья-то смерть. Нелепая смерть, не ко времени смерть.

— Лицо все опухло, — герой повернул холодную голову мертвеца, запустив пальцы в колтун тяжелых волос. С опаской приблизилась поостывшая дева.

— Ах! Я знаю этого человека! — И кинулась на колени. — Нет, может ли быть? — Протянула и в страхе отдернула руку. — Как страшно его лицо! Не мудрено ошибиться...

— Кто он? Вернее, кем был? Говори поскорей, Астиоха!

— Нет, нет, здесь нельзя ошибиться. Разве что совпадение, каких не бывает... Этот лоб и мягкие дуги бровей, и маленький шрам на женственном подбородке... Он в детстве был мне товарищ!

Подумаешь, в детстве! Подумаешь, умер! Геракл! Гляди на нее! Не слишком ли горячи эти слезы?

— Ты что же, любила его? — не к месту ревнуя, буркнул герой.

— Нет, всего лишь была им любима.

— Ну что же, он умер. А жил свободным человеком. Должно похоронить его по обряду. И если тебе это будет приятно, я возьму все хлопоты на себя.

— Конечно, конечно... — И Астиоха вдруг зарыдала, ломая руки. Может, худо болтают о ней, и все же она совсем позабыла о плоти, когда Геракл поднял как пушинку и понес прочь от ревущего моря не ее, Астиоху, а мертвое тело Икара...

Через месяц, год или век Дедал и Тиресий отыскали могилу. Вдохновленный горем Дедал высек из мрамора изломанный танец раскрылья. Пришла Астиоха с охапкою белых цветов и все рассказала. А много ли было известно?

Благодарный Дедал решил отплатить Гераклу добром за добро. Он задумал скульптурный портрет героя. Закрылся в своей мастерской на долгие годы, страшно оброс, почти ничего не ел, и рабо-

тал, работал, работал, с огромным терпением подбирая мрамор теплых тонов; звенел покоренным зубилом, рассыпая светлые искры, гремел разгневанным молотом, все ломая; после снова звенел, добивался великого сходства.

И Тиресий ужасно был счастлив и горд, когда постаревший Дедал, давно позабывший идею полета, завершил этот труд.

И они открыли двери мастерской, и туда, скрипя по каменной крошке, вошел смущенный Геракл.

— Кто это? Чего... ну чего ты уставился?

Из светлой ниши, набычась и подбоченившись, на него пялил глаза Геракл номер два.

«Ну и зверь — этот тип, — мгновенно подумалось ему. — Опасный соперник! И чего он глядит, не мигая? Ой, ударит! Сейчас он ударит! Так нет же! Первым ударю я!»

И кошмарная дубина Геракла звезданула несчастную чудо-статую по макушке, и крушила, крушила ее, обращая в грязь, в пух и прах египетский труд Дедала.

На пути к маленькому имению Тиресия они остановились в хмельном кабачке у развилки. Дедал выпил, закусил с аппетитом и громко сказал:

— Жить можно!

Но Тиресий с выпивкой не спешил.

— Ты реалист, ты — все-таки великий реалист, — причитал он, почти с опаской поглядывая на друга.

— Да, я в Бога не верю.

— А в кого? В кого же ты веришь теперь?

Дедал отвел глаза и пробурчал, как упрямый ребенок:

— В человека я верю.

— Как? — удивился Тиресий. — Ты все еще веришь в себя?

Дедал не ответил, достал из-за пазухи многократно и круто завитую коричнево-белую раковину и выдернул из хитона нитку.

— На! Попробуй, продень нитку в раковину. Видишь? Отверстия с двух сторон.

Тиресий напряженно взял нитку двумя пальцами. Вскоре она целиком скрылась в раковине, но так и не вылезла наружу.

— Это невозможно! Ты подшучиваешь надо мной?

— Гляди! — засмеялся Дедал. Заранее сделав петельку, он поймал на столе красного муравья, привязал к нему нить, запустил беднягу в раковину и закрыл отверстие ладонью так, чтобы нить свободно скользила между пальцами.

Через некоторое время муравей показался с противоположной стороны. Лихорадочно работая лапками, он тащил за собой нить.

Дедал широко улыбнулся:

— Это так просто.

Тиресий нахмурился, залпом осушил чашу и, кинув лицо в кулаки, горько заплакал.

1983 г.

КАССЕТА

Валерия КАМЕНЕЦКАЯ

Безлесым, печальным и безлюдным мысом вдается Сахалин в залив Охотского моря. Да, бесконечно грустным, хотя и не таким уж безлюдным, по правде говоря. Все-таки — радиомаяк, а на нем — семья Исмагиловых: Тагир и его жена. Их дочь и сын учатся в школе, а собака лайка несет службу. Небольшой, но вполне обитаемый поселок Москальво — рядом. Еще час автобусом — и центр районной цивилизации город Оха. Еще два самолета — и столица: Южно-Сахалинск. Но в столицу Тагир Исмагилов выбирается совсем редко.

Таежник. Отшельник. Бессеребренник. Изобретатель. Конечно, изобретатель.

Ему сорок два. В 12 лет придумал принципиально новый способ работы двигателя. А спустя много лет, уже на Сахалине, узнал, что в том же 1963 году преподаватель Донецкого политехнического института подал заявку и получил авторское свидетельство на такое же, в принципе, изобретение. В точности же то, о чем догадался двенадцатилетний Тагир, воплотил совсем другой изобретатель уже в 88-м... Однажды Тагир прошелся по журналам и насчитал 18 своих идей, осуществленных другими. Он, однако, не в обиде и считает, что на его век хватит.

— ...Верите? Прошло не больше 15 секунд — и я получаю готовое решение! Сразу! Это трудно объяснить словами, понимае-те? Чистый эксперимент был! Совершенно чистый!

Такого нечеловеческого напряжения, как тогда, когда мало-знакомый строитель подкинул ему свою задачку, Тагир не испытывал ни разу в жизни. Игра шла на спор и закончилась тем, что Тагир стал автором принципиально новой системы сейсмозащиты зданий и сооружений.

Это, кстати, единственное его изобретение, на которое получен патент. Другие заблудились в дебрях института патентной экспертизы: выдав автору приоритетные свидетельства, там наглухо замолчали.

И все равно скоро мир услышит это имя: Тагир Исмагилов. Не имея права прежде времени раскрывать секреты, поддерживающие это убеждение, расскажу только об одном, самом неожиданном, странном и случайном даже для самого автора, изобретении. О кассете. И еще немного о том, каким иной раз нетрадиционным путем являются ему нетрадиционные решения.

Какая на Сахалине рыбалка, про то знают только сахалинцы. Но какие она преподносит сюрпризы, не ведают даже они. С Тагиром на рыбалке произошло следующее.

— ...И вот, помню, залез в машину, только налил кофе, поднес ко рту — раз! Щелчок — и все! Бархатно-черный фон, а на нем белый эскиз. И тут я все понял, мне этого было достаточно. Но случай был уникальный, я так радовался! Вот как это понимать: мне его «подарили» или я добрался до этого сам?

Если это и был подарок, то, безусловно, от Бога — сам Тагир бился над очередной идеей оригинального двигателя долго, но безрезультатно...

Только особенно уж удивляться ему, пожалуй, не следовало. Все, что касается сверхспособностей человека, Тагиру известно лучше, чем кому-то другому. До многого, о чем мы сегодня с удивлением узнаем из книг и считаем загадками, он доходил сам. Откуда возьмутся эти книги в таежной глухомани или на пустынном морском берегу — местах его постоянного обитания?

— Тагир, вы верите в реинкарнацию?

— Я это знаю.

— Общение с высшим разумом, предвидение?..

— Меня не интересовало, почему и как это происходит; я знал, что так бывает — и все!

Между прочим, когда он приехал в Москальво и увидел место, где ему предстояло работать, то сразу узнал его: тот же пустынный мыс и странную башню он видел в детском сне за десять ты-

сяч километров отсюда и знал, что будет там жить. Откуда? Знал — и все!

Возможно, от этого знания исходит и его вера в вечную молодость и здоровье — то, что он хотел бы подарить человечеству.

— Ведь это очень просто. Каждый может хотя бы вспомнить, как он себя чувствовал, когда ему было 15 лет. И достаточно! Для того, чтобы быть здоровым, чтобы быть всегда молодым — достаточно.

— Тагир, это похоже на сказку.

— Это не сказка, это реальность. Человек просто ленив, а я хочу ему помочь.

Итак, все дело, оказывается, в нашей лени, а фокус в том, что по системе Тагира, ни «преодолеть» ее, ни «бороться» с ней не обязательно. Передавайте ей на здоровье — и получайте желаемый результат! Но я забежала вперед.

Решение, как всегда, пришло неожиданно, хотя на этот раз и вполне земным (а впрочем, кто его знает?) путем. Однажды он играл с дочкой в шахматы, и она никак не могла найти нужное решение. Как вдруг ее осенило: «Э-э-э!»

В тот же миг осенило и Тагира: звук! Ну конечно, звук, выражающий наши эмоции, — вот где ключ! Звук, данный человеку самой природой и сопровождающий нас на каждом шагу. «Э-э-э», — и мы хлопаем себя по лбу: как же раньше-то не догадались! А когда нам чертовски хорошо и чувства переполняют, разве не вырываются из груди сумасшедшее «А-а-а!»? Не слово, а именно звук, который делает то, что, возможно, не сделают ни врачи, ни лекарство, ни даже слово, поскольку оно может встретить сопротивление разума, а звук действует на подсознание.

— Я полагаю, что любой продукт деятельности человека несет на себе всю информацию о его личности. А звук — это точно такая же продукт. Идеально было бы записывать свое собственное «А-а-а!», а потом слушать, когда это необходимо, потому что это — стимулятор.

Так он и сделал. Постаравшись войти в состояние такого счастливого и полного мироощущения, какое бывает только в сильной и здоровой молодости, записал на кассету это восторженное «А-а-а!» и стал слушать.

Опыты прервал неожиданный визит.

Ничего не подозревая об экспериментах товарища, пришел со своим горем смотритель соседнего маяка Чайво Виталий Богданов: у его новорожденной дочери Кати врачи обнаружили врожденный порок сердца.

— Вот я и заметался, — вспоминает Тагир, — как быть? Не дать кассету — ребенок может выжить, а может и не выжить, тогда не будет мне прощения. Дать — способ не апробован, последствия не известны. Положение спасло то, что его жена Инна по образованию медсестра, и гарантировался хоть какой-то контроль. Я рискнул.

Прошло немного времени, и с одного маяка на другой полетели письма.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО Виталия БОГДАНОВА

«Начну с самого важного. Катерина слушает запись минут 8–10, когда как. Врачам мы ее больше не возили. Каждый день слушаем сердце. Шумы заметно смягчились и стали тише. Может, нам это и кажется, но я не думаю — двоим одно и то же не покажется. Инна тоже слушает. У нее каждую весну обострение пиелонефрита, так вот она «видела» старика, он к ней ходил по камням, и ногами их дробил, а потом, когда камни в песок размял (недели через две), подошел к ней и забрал

от нее красный шар, повернулся и ушел. Почки у нее болеть перестали, и старик больше не появляется».

ВТОРОЕ ПИСЬМО

«Чем дальше слушаем кассету, тем интересней становится. Старик, которого видела Инна, появлялся снова, мы «видели» его оба. Это тот дед, который в трусах зимой по снегу ходил, его по телевизору показывали, забыл, как его зовут, с длинными седыми волосами и бородой. Инна сказала, что видит деда, который камни дробил, я подошел, сел с ней рядом и тоже его увидел. Мы проверяли — по очереди говорили друг другу, какие он движения совершает, — одна картина. Я сказал Инне, чтобы спросила, можно ли задать ему вопросы. Он кивнул и сделал жест рукой, мол, потом. Минут пять он двигал руками (в основном правой), потом у него над левым плечом появилось маленькое солнышко, он сложил руки на груди, по лицу стало ясно, что можно спрашивать. Я спросил его, что мне нужно делать, чтобы развить способности экстрасенса, он кивнул вверх, там высоко был как бы открытый квадратный люк — проем цвета неба в лунную ночь. Еще показал икону с женским лицом, повернулся и удалился, а мы одновременно увидели над собой большой глаз, он повисел и исчез. Инне стало жарко, я над ней руку поддержал, чувствую сильный поток тепла...»

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО

«Перемены за последнее время большие. Дед со мной контактировать почти прекратил, переключился на Инну. Она с ним спокойно разговаривает, голос ей кажется знакомым, но не может вспомнить, где его слышала. В контакт входит без всяких усилий, лишь только включим магнитофон. Мне же приходится прилагать усилия, прежде чем его увижу, да и то не всегда получается. 26 мая он сказал Инне, что со мной очень сложно контактировать. Со мной он общается жестами, я не всегда понимаю.

Про кассету он узнал, когда ее впервые слушала Инна. Говорит, что кассета просто послужила ключом для контакта, этим ключом может служить что-то еще, что — он не говорит. Когда его попросили побыть у вас, он согласился и сказал, что контакт будет идти через Инну. После того как он согласился вступить в контакт, мы вместе с Инной (сначала она, а через три-четыре секунды я) увидели ясно вас, сидящим за столом, в свитере, вы что-то писали...»

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО

«20 июля в 23.03. Инна видела вас в клетчатой рубашке и сером пуловере, сидящем на стуле в чужой кухне. Одна рука на столе, другая на спинке стула. Я ничегошеньки не видел, просто сидел и писал под ее диктовку. В этот раз первыми появились ангелочки, приветственно помахали Инне руками и устроились возле Каткиной кровати. Потом подошел дед, начал сеанс с Каткой. Я вопросов не задавал, он сам,

когда закончил, предложил задавать вопросы.

«Мы были с Каткой в больнице, дядя врач был очень удивлен подвижностью «тетки с пороком», а когда послушал, сказал, что это порок легкой формы, в то время как в роддоме мне сказали, что это очень серьезно. В общем, Катка почти здорова, тьфу, тьфу, тьфу».

ПЯТОЕ ПИСЬМО

«5 августа дед сказал такие вещи, я просто не ожидал. Я задал деду несколько вопросов про Бога. Как дед к нему относится?

— Бог есть, но я не с ним.

— Откуда все на Земле?

— Все земное создал Бог. Я земной, но ни от Бога, ни от Дьявола не зависим. Если бы жил в вашем мире, то мне было бы 125 лет.

— Как получил независимость?

— Секрет открыла моя бабушка. Я перешел в другой мир, помогаю тем, кого выбрал, потом забираю их к себе. Набор идет в нескольких направлениях. Формируются колонии Бога, Дьявола, моя и еще несколько.

— Какая цель колоний?

— Это новая цивилизация.

— Какая цель у новой цивилизации?

— Это всего лишь одна из переходных ступеней. (Куда — отвечать не стал).

Тагир Айдарович, мне кажется, он несет ахиною. Проверить его трудно, он на провокации не отвечает и обижается. Я его уже давно не видел, хотя пытаюсь по несколько раз в сутки...»

По правде говоря, ничего подобного, кроме выздоровления Катеньки Богдановой, Тагир Исмагилов от своего изобретения не ожидал. Подключившись к диалогу с дедом, он задал ему через Виталия несколько вопросов и, считав их, для верности, у Виталия с мозга, сделал вывод: дед, который появлялся на вызов, лечил Катю и отвечал на вопросы, личность непонятная. Часть ответов его — вранье, но это даже делает его как-то ближе. Ясновидение Инны подтвердил: все, что она говорила о нем, все точно.

Но главное, опыт Виталия Богданова укрепил Тагира в правильности его догадки. Способы воздействия на психику человека звуком, характеристики которого позволяют направленно изменять состояние здоровья, безусловно, существуют. Его кассета — один из них. А поскольку изменения, как это ни жаль, могут происходить в любую сторону, то — убежден Тагир, — записываться на кассету должен только очень добрый, здоровый и молодой человек.

Словом, если вам лень или просто некогда держать себя все время в мозгу в желаемом варианте («Я здоров. Я счастлив. Я умен»), то можете записать на кассету все, что вам необходимо — здоровье, состояние, повышенный тонус, улучшенную работу мозга — и слушайте на здоровье!

Мысль, считает Тагир, может записываться на чем угодно, в частности, на кристаллах, что доказывают хотя бы те кусочки сахара, с которыми являются пациенты к знаменитой Ванге. А магнитная пленка — не что иное, как пластик с нанесенным ферромагнитным слоем, феррум же, как известно, железо, имеющее кристаллическую структуру. Значит, мысль может записываться на магнитную пленку. Мысль, мыслеобраз да плюс воздействие природного естественного раздражителя — звука. Вот и все.

...Каждый вечер, стараясь не делать слишком больших перерывов, я включаю свой диктофон с кассетой Тагира Исмагилова. Правда, не с той, что наделала столько чудес в семье Богдановых, а с другой. Но «дед» ко мне не приходит... ■

Сергей КОРНИЕНКО

ДОМ ПОВЕЛИТЕЛЯ ВЕТРОВ

Нутепельмен — самое маленькое село, какое встретилось нам на пути, — три десятка домов и чуть больше сотни жителей. И мало чего осталось бы в памяти от этого вымирающего обиталища людей, если бы не происшествие, которое случилось здесь со мной и моим попутчиком доктором Бреденцом.

...По прибытии в Нутепельмен мы быстро организовали выгрузку. Капитан торопил как никогда — погода стояла надежная: южный ветер сходил на нет, и льды, отступив от берега, маячили на горизонте, как белая конница, готовая в любой момент пойти в атаку.

Это неприметное село на берегу Колючинской губы чукчи с давних времен называли «нутэпынмын», что означает «конец земли». Мрачноватое название, безысходностью веет от него. К тому же, Колючинская губа редко бывает спокойной, здесь свирепствуют ветры и ураганы, потому древние жители поселения считали это место ярангой Бонле — домом Повелителя ветров.

Все это нам рассказывал Виктор Пленкин, председатель здешнего сельсовета, тридцатилетний худощавый мужичок, похожий на подростка. Мы с доктором уютно расположились в его маленьком обветшалом домике на краю поселка, пили чай с болгарским конфитуром и копченым гольцом, фотографии смотрели, музыку слушали, печку топили... Славно отдохнули, но пора было возвращаться из домашнего тепла на пароход, в металлическое свое жилище, чтобы поспать немного перед ночной сменой.

В прекрасном настроении шли мы с доктором к берегу, рассуждая о том, что любое неказистое село во много раз станет краше, если тебя примут в нем со всей душой, как дорогого гостя.

— Не красна изба углами, а красна пирогами, — вспомнил народную мудрость доктор и вдруг умолк и как-то поблек.

Это было похоже на предательство, на подлое бегство или еще черт знает на что — баржи на наших глазах спешно удалялись от берега с грузчиками и тракторами на борту. И

пароход наш, снявшись с якоря, на всех парах чесал за мыс. Туда же тянулись и баржи.

Напрасно мы кричали изо всех сил и махали руками. Нас бросили! Не сразу сообразили, в чем причина такого внезапного бегства. Потом догадались: резко переменялся ветер и льды мощной стеной неслись к берегу. Это даже была не белая конница — орда татаро-монгольская. Никогда не предполагал, что лед может с такой скоростью двигаться. Теперь понятно, почему мамонты сгнули в одночасье.

Наши плавучие средства укрылись за мысом, а мы, оставшись в растерянности на пустынном берегу, враз почувствовали себя сиротами.

На наше счастье в совхозной конторе радиотелефон оказался на боевом взводе. По дежурному каналу связались с пароходом.

— Мы еще встретимся, — обнадежил капитан. — Сейчас поднимем баржи на борт и будем убежать от этого ледникового нашествия.

— А мы? — я еле узнал свой голос, такой он был жалкий в эту минуту.

— А вы ждите, — посоветовал капитан. — Устраивайтесь с комфортом суток на двое, а может, и больше. До связи!..

И пошли мы, солнцем палимы... Волны уже пригнали к берегу голубоватые туши. Они с злобным шипением ползли по песку, напоздали друг на друга, будто спаривались... Пахло свежавывавшим снегом. Нет ничего тоскливее снега в июле...

Пленкин встретил наше горе спокойно:

— Бывает и хуже, — сказал он и поставил чайник на плиту.

— Даже к лучшему, что вы застряли в поселке. Можете поближе узнать жизнь чукчей.

— Каким образом? — насторожился доктор.

— Завтра охотники идут в море, — сказал Пленкин. — И я с ними. Можно и вас взять. У нас народу совсем мало, помощи будете.

Охота на моржей! О таком я даже не мечтал.

— Едем непременно! — воскликнул я и в момент забыл

про неловкое наше положение. Однако доктор моей радости не разделил.

— Я не охотник, — хмуро заявил он. — Мне моржей жалко...

— Давайте спать, мужики, — предложил хозяин. — Завтра рано вставать...

— А я все-таки останусь с вашего разрешения, — сказал доктор, устраиваясь на раскладушке.

Он натянул одеяло на голову и тут же заснул самым уютным образом.

Полярный день светил в незавешенное окно. Мне непривычно было на надувном матрасе, я долго ворочался и, казалось, только задремал, Пленкин уже разбудил меня. В окошко все так же заглядывал бессмертный полярный день. Было около шести утра. Я с завистью посмотрел на спящего Бреденца и стал одеваться.

Пока чайник разгорался на керогазе, Пленкин снарядил котомку с харчами — набил вещмешок под завязку банками с тушенкой и сгущенкой, сунул пару копченых чиров, хлеба две булки, пачку сахара, чаю.

— Ты куда столько еды берешь? — удивился я.

— Собираешься на день — бери на неделю! — раздался из комнаты голос доктора.

Заскрипели пружины раскладушки, и Бреденец вышел к нам на кухню: заспанный, волосы дыбом, будто всю ночь ему кошмары снились.

— Я еду с вами! — решительно объявил доктор. — Не хочешь упускать такой шанс.

Мы с радостью приняли доктора в свою компанию и стали экипироваться. Пленкин критично нас оглядел: на каждом — по паре брюк, ватная куртка, на ногах сапоги с теплыми портянками.

— В общем годится, — сказал Пленкин и выдал нам по зимней шапке, нашел лишние теплые рукавицы и кожаные перчатки. — Лыдины почему-то не греют, даже летом... — мудро заметил Виктор.

Сам он надел ватные брюки, натянул два свитера и достал плащ, который привел меня в восторг: брезентовый, выцветший до седины, на клеенчатом подкладе. В пятидесятые годы в таких плащах ездили уполномоченные по селам, стучали в конторе кулаком по столу и кричали: «Вы что спите, сукины дети! Не видите, что сеять пора!»

Ветер за ночь поутих, но льда нанесло — до самого горизонта.

— Куда же мы пойдем? — удивился я. — Кругом одни льды!

— Как раз то, что надо, — сказал Пленкин. — Моржи, они ведь на льдинах любят лежать... Так что глядишь, к обеду и вернемся...

Мы прошли спящий поселок и вышли на другую сторону мыса, к лагуне. Здесь, на песчаном берегу, сосредоточилась вся местная «флотилия» — кожаная байдара и два новеньких вельбота, сияющие белой краской. На их бортах были выписаны огромные черные цифры: 01 и 02. Рядом не просматривалось ни одной живой души.

— Охотники чай пьют, — объяснил Пленкин.

— И долго они будут чай пить?

— Придут, — мудро сказал Пленкин. — Они свое дело знают, я тут не вмешиваюсь...

Неподалеку сиротливо торчал сарайчик, отгороженный невесь от кого колючей проволокой. Видимо, инструкцией было предусмотрено, чтобы это ветхое сооружение для хранения руль-моторов, бензина и прочих орудий труда морских охотников смотрелось строго и неприступно. Однако калитка в проволочном ограждении была распахнута настежь.

Мы зашли на заповедный пятачок и сели на лавку возле двери, на которой висел амбарный замок. Над нами пролетели две гаги и совсем по-человечьи рассмеялись: «Аха-ха-ха-ха...» Птицам, наверное, было непонятно, зачем люди сами себя в клетку загнали. Положение, в самом деле, было дурацкое.

— Может, охотники передумали сегодня в море выходить? — спросил я.

— Да все нормально, — Виктор поморщился, — просто сейчас временное безвластие. Бригадир, Ким Михалыч, заболел, санрейсом в район отправили...

— Как его зовут? — удивился доктор. — Ким? Это Коммунистический интернационал молодежи?

— Ну! — Пленкин засмеялся. — А сына у него зовут Дамир. Это значит: даешь мировую революцию! Не больше и не меньше.

— Сплошные патриоты здесь, — пробурчал доктор, — только что-то на работу не спешат...

Наконец, на краю поселка появилась невысокая фигура. Старик-чукча тащил на плечах огромный мешок.

Пленкин улыбнулся:

— Вуквувье идет, самый старый наш житель, пятнадцатого года рождения.

— Так надо же помочь! — воскликнул доктор и бросился навстречу.

Мы смеялись до слез, наблюдая, как доктор налетел на старика, выхватил у него мешок, который оказался невероятно легким, потому что доктор шутя поднес его под мышкой.

— Вуквувье давно уже не охотится, силы уже не те, — сказал Пленкин. — А дома не сидится. Вот и возят его на охоту, как пассажира. И еще дядя Миша Иленентын у нас такой...

Вуквувье по-русски не понимал.

— Етти! — приветствовал старика Пленкин, и Вуквувье, по-детски, доверчиво улыбнувшись, ответил что-то на своем языке.

Лицо у Вуквувье было морщинистое и чрезвычайно живое. Он внимательно изучил нас и о чем-то горячо заговорил, показывая на море. Единственное, что мы поняли, это интернациональное «ха-ха-ха». Веселый был старик. А одет совсем не по-чукотски: в брезентовом ватнике с жировыми пятнами, матерчатой кепке, надвинутой на самые уши, и в болотных сапогах, собранных в гармошку, потому что длинные голенища не могли полностью развернуться на коротких его ногах.

Стали подходить охотники. Каждый что-нибудь нес, то мешок, то баул, а то и чемодан, обтертый до предела. Можно было подумать, что идут не охотники, а погорельцы. Впрочем, погорельцы такие веселые не бывают, а эти люди, сбросив поклажу в общую кучу, пожимали нам руки и спрашивали лукаво, что же такого мы сделали, если от нас даже пароход убежал?

— Ладно, мы вас в свою бригаду возьмем, — сказал звеньевой Юра Вуквунентын, сын старика Вуквувье. На время отсутствия бригадира, Юра исполнял эту ответственную должность.

Неожиданному подкреплению охотники обрадовались. Еще бы, ведь их всего-то было десять человек. Из них двое немощных стариков и два совсем молодых парня, которые во второй раз выходили в море. Один из них оказался тот самый Дамир, коренастый паренек с навечно прилипшей к лицу озорной улыбкой. Этим летом он приехал из Эгвекинота, где закончил школу-интернат. Те годы, что прожил парень вдали от дома, не прошли бесследно. Это было заметно на глаз, потому что на охоту Дамир экипировался очень своеобразно. В дополнение к рабочей одежде, на плече его болтался портативный магнитофон, стереонаушники что-то сообщали ему по

секрету. И при всем при том он еще ухитрялся стрелять из рогатки по чайкам.

Другой молодой, Игорь Чайвун — высокий патлатый метис в очках, был на год постарше Дамира, уже успел поработать в тундре пастухом, но там не понравилось, и парень решил попытать счастья в море. Игорь тоже имел на вооружении рогатку, но он был серьезнее Дамира и на пустяки не разменивался, очевидно приберегая свое оружие на крупную добычу.

Дмитрий Мартынюк, единственный русский в бригаде, двадцать лет уже живет в поселке, женат на чукчанке и дочку даже вырастил до таких лет, что отправил учиться в Ленинград в институт народов Севера. Мартынюк — человек мощного сложения, с дикой курчуженой бородой, и судя по всему, рассудительный и основательный.

Он подошел к нам в надежде на понимание.

— Во молодежь пошла, да? Я в их годы семью уже кормил, а у них все еще детство в ж... играет! Восемнадцать лет мужикам, а они все с рогатками бегают.

— Что же ты хочешь, — сказал Пленкин, — их так воспитали. Начиная с яслей и пока интернат не закончат, они на полном государственном обеспечении. А потом у родителей на шею сидят. Вот у Дамира это, наверное, уже третий магнитофон...

Мы стояли вчетвером, чуть в сторонке, и вскользь обсуждали национальный вопрос.

— Давайте закончим эти дебаты, — предложил я, — а то услышат, обидятся еще.

— А что, думаешь, они не понимают?.. Работнички те еще! — Мартынюк, видно, сел на любимого конька. — Давно пора в море быть, неизвестно еще, что с погодой будет, а мы еще часа два вошкаться здесь будем!

К нам подошел звеньевой Иван Кауры, хитроватый мужичок с кустистыми смольными бровями. В отличие от своих товарищей, обезличенных невзрачной робой, одет он был по своему, в опрятной болоньевой куртке, яркой спортивной шапочке фирмы «Адидас».

— Что, Дима, ругаешься? — миролюбиво спросил Иван Кауры.

— Да ехать пора! — буркнул Мартынюк.

— Начальству видней, — не без ехидцы кивнул Кауры в сторону Юры Вуквунентнына, который, справив малую нужду, застегивал штаны за сараем. — Я в прошлом году на ВДНХ был, в Москве, — вдруг ни с того ни с сего сообщил нам Кауры. — Вот где порядок! А чего там только нет! Правда, жарковато...

Неизвестно, на сколько затянулся бы рассказ чукотского охотника о посещении далекой столицы, но Юра Вуквунентнын, приведя свой костюм в порядок, вернулся к обязанностям бригадира и стал распределять нас по экипажам. Пленкин пошел к Ивану Кауры на байдарку, мне достался бригадирский вельбот с номером 01, доктора посадили на «двойку».

Только к десяти утра все сборы остались позади. Перед тем как покинуть берег, бригадир еще раз предупредил всех, что возвращаться только вместе, на связь выходить каждые два часа.

Первым взвыл «Вихрь» на байдаре Кауры. Кроме Пленкина на утлом суденышке были Дамир в неизменных своих стереонаушниках и молчаливый парень лет двадцати пяти, которого звали Коля.

Легко и красиво, будто по воздуху, плыла байдара, огибая льдины, словно облака. Я невольно залюбовался древним чукотским судном, которое успешно прошло испытание веками. Жаль, что сейчас встретить на побережье кожаную байдару — большая редкость, перевелись, оказывается, умельцы, искусные по этому хитрому ремеслу.

Берег удалялся на глазах. Скоро на нем с трудом можно было различить три точки — это женщины пришли проводить мужчин на охоту. Во время сборов они незаметно сидели в отдалении на корточках, порознь друг от друга, и молча наблюдали за сборами. Одна из них была совсем старой, с частыми глубокими складками на лице и в вязаной шапке с помпоном. К женщинам никто из охотников не подходил, и они ни к кому не обращались, и потому я не знал, жены это чьи, или матери, а может, просто так пришли проводить, соблюдая древний обычай...

Наша флотилия успешно пробивалась сквозь льды.

Не прошло и пяти минут, как «двойка», шедшая позади всех, стала отдаляться. Наш бригадир стоял на руле, глядя вперед, пел что-то в такт мотору и не заметил, что отставший вельбот уже скрылся из виду. Семен убавил обороты и предложил бригадиру вернуться назад и помочь «нольвторому».

— Ага, эти нас не ждут!.. — Юра махнул вперед, где давным-давно растаяла среди торосов и льдин быстроходная байдара.

— Так на «двойке» мотор сдох, — настаивал моторист нашего вельбота Семен Чайвун. — Мартынюк ничего не сделал.

Голос разума взял верх, бригадир пригласил свой охотничий азарт во имя взаимовыручки.

Вскоре мы приткнулись к борту «нольвторого», и я шутиливо пожал руку доктору:

— Привет отстающим!

Доктор кисло улыбнулся и сказал доверительно, чтобы слышал только я:

— Плохое начало! Поверьте мне, все это не к добру, я чувствую...

— Вы что же, Юрий Казимирович, предполагаете самое худшее? — весело спросил я.

— Все может быть, — вздохнул доктор.

— Ничего, — утешил я его, — мы уже пожили свое.

Доктор шуточки моей не оценил, только поежился и достал сигарету.

Между тем, Мартынюк и Семен Чайвун отложили ключи, отвертки и взялись за топоры. Мы с доктором с ужасом ожидали, как расшвирипевшие от бессилия механики начнут крушить капризный двигатель. Однако дело кончилось тем, что они подрубили колодец, в котором стоял «Вихрь», и тем самым опустили его рабочую часть глубже в воду. Мотор благодарно завелся, но стучал как-то глухо и ненадежно.

— Ладно, — решил Семен, — я останусь здесь, а ты, Дима, перебирайся на «нольпервый».

Семен надеялся на ходу привести мотор в норму.

Мартынюк с радостью переселился к нам в вельбот.

— Черт знает что! — оправдывался он. — Сколько «Вихрей» через меня прошло, а этот...

Путь наш — на северо-восток, во льды, которым конца и края нет. Но и моржей тоже нет, хотя «деды» наши не выпускают биноклей из рук. Интересно, как далеко уходят вельботы в море?

— Километров за двести, — сказал Мартынюк, — на большее горючки не хватит.

Я с уважением представил весь этот путь во льдах. Это же несколько Ла-Маншей! Мне захотелось, чтобы немедленно попались нам моржи и мы бы их благополучно добыли и вернулись поскорее восвояси. Но, как писали в старинных романах, «судьбе было угодно распорядиться иначе...»

Через полчаса опять заглох мотор на «нольвтором». Чтобы не терять времени, мы взяли вельбот на буксир, и Семен без спешки прочищал, продувал и разбирал по винтику двигатель. Теперь я видел доктора на расстоянии капронового троса. Доктор заметно погрустнел. Поднял меховой ворот-

ник своей куртки, натянул поглубже ушанку и сидел без движения, как замороженный. Да и мне не жарко. Уже времени около полудня, не грех бы и перекусить. Но наши харчи вместе с Пленкиным. А байдара, как рванула вперед на старте, так мы ее больше и не видели. В двенадцать надо выходить на связь.

Мы пристали к льдине. Семен Чайвун развернул малогабаритную УКВ-радиостанцию и ровно в двенадцать стал вызывать в микрофон управляющего отделением:

— Анкер пять, анкер пять, я анкер один, прием!..

В динамике что-то тонко забулькало, зашипело, а потом и вовсе настала тишина. Не раз и не два вызывал «анкера пять» Семен, но ответа из поселка не было.

— На хрена ему на связь выходить! — осудил управляющего Мартынюк. — Он хоть когда нас в море провожал? Давай, Семен, вызывай байдару...

Чайвун поменял позывной:

— Анкер три, анкер три, я анкер первый, прием!..

Будто со дна морского к нам донесся глухой голос:

— Я анкер три, убили двух моржей в десяти километрах от Колючина.

— Что им сказать? — спросил Чайвун у бригадира.

— Не знаю, — сказал Вуквунентын. — Скажи, что мы ничего не убили и пусть на связь выходят в четыре часа.

Настроение у нашего бригадира падало на глазах, как подбитая утка. Еще бы, этот выскочка Кауры, который, наверное, до гроба будет вспоминать, как ездил он по путевке в Москву на ВДНХ, убил двух моржей, а тут вместо добычи вельбот тянешь на шнуре.

Честно говоря, у нас с доктором была надежда, что на этой уютной льдине мы и почеевничаем. Да и не только у нас возникла такая крамольная мысль — Валера Кайвуквулкот, звеньевой невезучей «двойки», достал бензиновый примус «Шмель»... Но бригадир велел быстро сворачивать рацию и гнать дальше, в поисках удачи.

— Они двух моржей убили! — веско сказал «бугор».

Неистребим дух соперничества ни на земле, ни в море!..

Мы шли как и прежде, имея на привязи вельбот с издохшим мотором, лавируя между льдинами и высматривая добычу. Вдруг дядя Миша ткнул меня в бок и прошептал, указывая куда-то вперед:

— Лахтак!

Я сначала не понял, что за лахтак такой, потом вспомнил, что так называется морской заяц, вернее, большой полярный тюлень с заячьей губой. Сейчас я видел его на льдине отчетливо, как на картинке.

До зверя было метров сто пятьдесят чистой воды. Он лежал на краю льдины хвостом к нам и время от времени оглядывался. «Лысая» головенка тюленя была слишком мала, чтобы понять — две огромные лодки, неуклюже связанные веревкой, именно ради него изменили курс.

— Тихо, не шевелись! — шептал мне дядя Миша. — Лахтак хитрый, как заяц, спугнешь!..

Но я и без того затаил дыхание, чтобы как можно дольше поглядеть на этот живой уголок дикой природы Арктики. Я был уверен, что, в конце концов, лахтак опомнится и одним прыжком уйдет в воду, и гадай тогда, был он, или не был.

Юра Вуквунентын сделал знак Мартынюку, и тот совсем заглушил мотор. Мы двигались теперь по инерции, совершенно бесшумно. Бригадир отцепил веревку, на которой мы волочили вельбот. «Двойка» была менее загруженной и стала нас обходить. Кайвуквулкот приготовился для стрельбы, лежал в носу лодки и медленно наводил винтовку на цель.

Уже метров сорок осталось до зверя. Не зря все же мать-природа снабдила детей своих инстинктом самосохранения. В последний момент лахтак получил, видимо, какой-то био-

ток во спасение своей шкуры. Он вскинулся на ластах, чтобы развернуться к воде, но поздно! Прогремел выстрел, и маленькая острая мордашка припала ко льду. Хороший стрелок Валерий Кайвуквулкот.

Теперь можно было не таиться. Оба вельбота пристали к льдине. Мне и доктору велено было закрепить суденышки веревками с якорем на конце, и мы выполнили эту ответственную операцию на совесть — так вогнали каблуками железные крючья в лед, что никакой шторм не смог бы оторвать вельботы от льдины, размером с танцплощадку.

Вуквуеве прохаживался возле кромки, разминался после долгого сидения. Как старейшина, он ничего не делал.

Мы с доктором на правах гостей тоже ничего не делали, наблюдали, как разделяют в четыре ножа лахтака. Мужчины в мгновение ока расчленили тушу, вырезали наиболее ценные куски, взяли внутренности... И вот тут для нас с доктором выпало неожиданное испытание. Семен Чайвун разматывал длинную толстую кишку по льду, и из нее выдавилась какая-то белая масса, которая шевелилась.

— Гельминты! — ахнул доктор и отвернулся, сглатывая слюну.

Я с любопытством рассматривал белых плоских червячков, которыми буквально начинена была длинная кишка. С точки зрения естествоиспытателя, такое зрелище стерпеть еще можно. Но когда подошел дядя Миша и своим печальным голосом стал объяснять, что этих червей кушают в отваренном виде и на вкус они сладкие, у меня стало солоно во рту, а доктор убежал за торос, содрогаясь всем телом.

Все ценное и съедобное вновь уложили на шкуру, через прорези в краях протянули ремни «галстука» и стянули. Получился тот же лахтак, только шаровидной формы и без костей. Его забросили в вельбот. Вся операция разделки заняла не больше десяти минут.

Чайник свистел на примусе, охотники копошились в своих мешках, доставая припасы, когда Вуквуеве вдруг что-то крикнул. Все мы подняли головы. Прямехонько на наши вельботы надвигалась огромная ледяная глыба. Природа будто решила расквитаться за нанесенный ей урон. И что удивительно, другие льдины едва покачивались на волне, а эта, будто оснащенная мотором, неотвратимо приближалась, нацелившись точно на вельботы. Считанные метры были до нее.

Игорь Чайвун быстренько эвакуировал ящик с примусом и чайником, даже огонь не стал гасить впопыхах. Я вытасил бледного доктора из-за тороса, и мы побежали к лодкам. Охотники уже взялись за шесты.

— Веревки! — крикнул Семен.

Мы забыли про концы, которые закорили на совесть. Теперь пришлось себя проклинать за чрезмерное усердие. Кое-как вырвали железные тройники и, смотав на ходу капроновые шнуры, влетели в свои лодки.

Каждый орудовал чем мог — пешней, багром, шестом, чтобы протолкнуть лодку хоть немного вперед. Успели. Едва отошли от злополучной льдины, и ледяной таран припечатал ее с гулом и брызгами. Ощущение было таким, будто в последний момент ты уполз с железнодорожного полотна, и тут же прогрохотал поезд.

Охотники облегченно смеялись и переговаривались на своем языке.

— Чай готов? — как ни в чем не бывало спросил Мартынюк.

На время обеда мы соединили наши вельботы бортами. Доктор, под воздействием происшествия, зарозовев лицом и, наверное, напрочь забыл о недавней своей желудочной слабости. Между тем, его ждало новое испытание — копаль-

хеном. Я уже чувствовал запах этого кушанья из котелка, который достал Юра Вуквунентын.

Копальхен — это заквашенное в земляной яме мясо моржа. Смысл такого приготовления в том, что мясо очень легко усваивается, так как уже находится как бы в полупереваренном виде. Трудно даже подумать о том, чтобы проглотить кусочек, уж больно специфический запах. Но теперь, испытывая волчий аппетит...

— Вам нельзя, — сказал Вуквунентын про копальхен, — тут привычка нужна.

Пришлось нам с доктором нажимать на хлеб с сахаром — единственную «цивильную» пищу, какая была у чукчей. А они с аппетитом ели «копальку» — куски черного мяса с полужелтого жира. Правда, Мартынюк питался обособленно. Он достал свой «тормозок» и со вкусом принялся за вареную утку.

— Эх, Пленкин, Пленкин, где ты, Пленкин... — пропел я, вспоминая котомку с тушенкой и копчеными чирами.

— Зачем Пленкин? — спросил дядя Миша.

— Да у него наша еда осталась, — признался доктор.

Мартынюк прислушался, перестал жевать и разломил свою утку на три части.

Покончив с едой, мы опять принялись шнырять между льдами в поисках моржей. Капризный «Вихрь» на «двойке», будто отдохнув, завелся с полуоборота, и все мы облегченно вздохнули. Время клонилось к вечеру, и я переговорил с бригадиром о его планах. Юра пробурчал что-то, но дал понять, что без добычи он возвращаться домой не намерен.

Чем дальше уходили мы в море, тем разреженнее становились льды. Два белых наших вельбота шли параллельно курсом метрах в ста друг от друга. Охотники высматривали добычу, а я украдкой наблюдал за Вуквувье. Старик дремал минуты две, нагнув козырек кепки на глаза. Потом резко пробудился, оглядел в бинокль пространство вокруг, ничего не заметил. Взял кружку и стал отчерпывать воду. Делал он это больше для порядка, чем по необходимости, вельбот был новенький и воду не пропускал. Сделав полезное общественное дело, старик решил отдохнуть; достал нож и занялся «маникюром», подрезая свои зароговевшие ногти. Дядя Миша откровенно кемарил возле моего плеча. Вдруг Мартынюк что-то узрел и показал бригадиру темное пятнышко на льду. Вуквунентын согласно кивнул и переложил руль влево. Второй вельбот повернул вслед за нами. Вуквувье спрятал нож и, вытянув шею, вглядывался вперед. Дядя Миша проснулся, будто его кто толкнул, и взялся за бинокль. Потом передал его мне.

— Моржи! — сказал своим печальным голосом и улыбнулся.

Я без труда разглядел на небольшой льдинке громадные туши моржей. Их было восемь, и лежали они тесно, один к одному. Шестеро зверей спали, задрал клыки в небо, двое бодрствовали. И вот тут во мне проснулся первобытный охотничий инстинкт, я почувствовал необъяснимое волнение, даже азарт, хотя не жадный до крови и равнодушный к ружью.

Наш «Судзуки» еле слышно лепетал на малых оборотах, второй вельбот приотстал метров на сто, видимо, по тактическим соображениям, чтобы не пугать зверей. Вскоре мы совсем заглушили мотор. В абсолютной тишине были слышны только вкрадчивые всплески весел и храп спящих на льду моржей.

Юра Вуквунентын уже перебрался с кормы на нос и достал из матерчатого чехла карабин. Что же он не стреляет, ведь до зверей уже метров двадцать!

Мы осторожно положили весла на борта и не шевелились.

Сейчас двигалась только белая наша лодка, похожая на остроносую льдину.

Я отчетливо видел моржей, их пожелтевшие клыки, сбоку похожие на раскрытый птичий клюв. Шестеро зверей по-прежнему спали, прижав ласты к телу. Беззаботнее и беззащитнее животных я еще не видел. Даже те два зверя, которые бодрствовали, равнодушно поглядывали на нас и никакого беспокойства не проявляли. Лахтак в сравнении с моржами осторожнейший зверь, действительно, заяц...

Мы приблизились уже метров на восемь, и только тогда те двое бдящих зверей с шумом плюхнулись в воду. Туго ударил карабин бригадира. Один морж так и не услышал выстрела, остался лежать в прежней позе, как будто спал крепче других, в то время как заспавшиеся его собратья резко пробудились и спешно покидали льдину.

— Ты почему только раз стрелял? — бросился я к бригадиру.

— Зачем портить... Они в воде сразу тонут... — коротко объяснил Вуквунентын. В отличие от меня, он был спокоен, потому что не охотился, а делал привычную работу.

Льдина, где только что были моржи, оказалась совсем маленькой, метров пять на пять. Подплавленный теплыми тушами лед был желтый и невероятно скользкий. Ноги в резиновых сапогах разъезжались, и приходилось карабкаться на четвереньках, чтобы не скатиться в воду.

Вскоре началась грубая мясницкая работа, которая неизбежна после удачного выстрела. Охотники рубили топором, пластали ножами, срезали мясо вместе с толстой, сантиметра в два, кожей, покрытой редким колючим рыжеватым волосом. Я оттаскивал огромные куски и кидал их в вельботы, притороченные к льдине. В одном добычу принимали Вуквувье и дядя Миша, в другом орудовал доктор, раскидывая по днищу кровотокащие глыбы мышц и жира.

Добрых полтонны переворочал я таким образом, пока на льдине не остался хорошо обработанный скелет размером с бычью тушу. Не без труда мы столкнули его в море. Казалось бы, теперь самое время отдохнуть, но нет, опять гонка! Наскоро обтерев ножи о штаны, сполоснув руки в лужицах с розовой водичей, охотники прыгали в вельботы, потому что в полукилометре обнаружилось огромное стадо моржей. Их было, наверное, около сотни на краю большого ледового поля.

Честно говоря, после тяжелой мясницкой работы я уже был сыт диковинной этой охотой. Все хорошо в меру, а теперь начинался явный повтор. Вот опять сейчас подойдем с подветренной стороны совсем близко к доверчивым непуганым животным. Опять бабахнут выстрелы, опять кровь и горы мяса...

И я кстати вспомнил, что в четыре часа надо выходить на связь. Сказал о том бригадиру, но Юра только рукой махнул.

Вельбот, которым командовал Кайвуквулот, отделился от нас, чтобы с правого фланга подойти к стаду. Наш рулевой правил туда, где на льду было много темных пятен.

Меня толкнул в бок дядя Миша:

— Смотри, корова с теленком!

Мы проходили в десяти метрах от совсем крохотной льдины, она микрайсбергом высилась над водой, и на плоской вершине его я увидел моржиху и рядом — чудного детеныша размером с собаку и с умильной мордашкой, в самом деле похожей на телячью.

Мамаша, тревожно поводя носом, бдительно следила за нами. Юра, стоявший на руле, подмигнул семейству и взял чуть в сторону, чтобы моржиха не сильно переживала за свое чадо.

Я оглядывался по сторонам и все больше убеждался, что мы попали в моржовое Эльдorado — такое обилие зверя бы-

ло здесь. Моржи лежали небольшими группками на крохотных льдинках, плавали в воде, фыркая, как атлеты на помосте. Вуквувье смеялся, глядя на зверей, и что-то сказал дяде Мише, показывая на меня. Дядя Миша перевел:

— Он говорит, что вы с доктором удачу нам принесли. Очень много моржей...

Я горделиво расправил плечи и показал Вуквувье большой палец, что надо было понять так: ты тоже молодец, старик. Любезность за любезность. А Юра Вуквунентын правил к основной части стада. На кромке ледового поля я насчитал пятьдесят восемь моржей. Примерно столько же купалось «под берегом». Странное это было купание, будто секция по плаванию тренировалась — так слаженно вели себя животные.

Они дружно фыркали, высовываясь из воды то по грудь, то приглубляясь по шею — точно так поплавок на удочке ведет себя, когда рыба клюет. И вот эта дружная компания с фырканьем и шумными вздохами приближается к вельботу, с любопытством разглядывая людей. Звери совсем бестолковые и не понимают, что стоит любому из них только цапнуть клыками борт нашей посудины, и шансы на долголетие у них заметно возрастут. Вот уже метрах в пяти высовываются из воды любопытно-озадаченные усатые морды. И тут Вуквувье шикает на купальщиков, как хозяйка на цыплят, и моржи дружно, будто за ниточку кто их снизу потянул, кувыркнулись через голову и ушли на глубину. Минутой позже они так же дружно вынырнули метрах в пятидесяти на изначальной позиции, и снова, качаясь, как по плавки, пошли на нас.

Была это игра или звери так кормятся, высывая на дне ракушки, я не знал. Но второй раз отпугивать зверей не пришлось — мы пристали к небольшой торосистой льдине, откуда хорошо просматривался главный моржовый пляж. Вуквунентын и Мартынюк притаились за снежными брустверами и стали выцеливать новые жертвы.

Дурные звери не чуяли беды. Кто-то на басовых нотах выяснял отношения с соседом, кто-то безмятежно храпел, завалявшись на спину. А один морж с обломанным наполовину лыском ревел в небеса — может, пел, может, жаловался на судьбу.

Чем дальше наблюдал я за этими беззащитным лежбищем, тем больше напоминало мне оно черноморский пляж в разгар сезона, и тучу людей, занятых каждый собой. За общим гвалтом не заметны трагедии и комедии, драмы и водевили.

Мартынюк и Юра стреляли по очереди. Сначала уткнулся мордой в снег тучный самец пепельного цвета. На его смерть никто из собратьев не обратил внимания, хотя звери довольно тесно лежали на льду. Вторым выстрелом ранило моржа, который был ближе всего к воде. Морж без крика метнулся к родной стихии и, подняв фонтан брызг, камнем ушел на дно, чтобы навечно принадлежать морю. И только после этого в моржовом племени началось беспокойство, животные неуклюже покатали свои жиры к воде, но тут снова хлопнули два выстрела. И еще один зверь остался лежать на льду. А другой, смертельно раненный, неуклюже опираясь на ласт, из последних сил толкаясь лопастью хвоста, дотягивал последние метры до уреза воды. Он не кричал, не жаловался и не молил о пощаде, молча нес в себе пулю и с достоинством шел к своему концу. Этот зверь тоже почему-то хотел остаться навсегда в море, а не на льду.

— Уйдет! — крикнул дядя Миша.

А я очень хотел, чтобы этот морж остался в родной стихии, ведь он так стремился к ней!

Зверь уже свесил голову за край льдины, ему осталось сделать один, последний толчок, чтобы навсегда уйти от нас. Но тут охотники вцепили в моржа еще по пуле. Он так и за-

стыл, вытянувшись перед броском. Но тут мать-природа вступилась за него и решила не отдавать зверя людям — ледовый припой не выдержал тяжести моржа и обломился. Добыча гранитной глыбой ушла на дно.

Теперь все пространство вокруг нас было мертвым. Моржи ушли далеко. Я разглядел в отдалении второй вельбот. Охотники сгрудились на льдине. «Значит, тоже убили», — подумал я, и в это время произошло что-то странное: ни с того ни с сего, будто дымом, белым и безвкусным, все заволокло. «Туман!», — запоздало сообразил я.

Мартынюк громко выругался и бросился заводить мотор. Но остальные мои спутники ничуть не удивились капризу погоды. Дядя Миша утешил меня своим печальным голоском:

— Ничего, это тут часто бывает...

Туман сгущался. Видимость была не больше десяти метров, дальше висела сплошная марлевая кисея.

Высадились на льдину, где лежала добыча — два моржа. Бригадир молча сунул мне нож, и мы все занялись кровавым делом. Вуквувье сторожил вельбот.

Я не помню, сколько минут, часов и дней нарезали мы пласты горячего жира и мяса, какая-то тупая усталость ододела меня, и я существовал и функционировал в автоматическом режиме: бесконечно разрезал ножом мякоть, отбрасывал куски в сторону, натачивал бруском нож, опять пилил мякоть, опять отбрасывал... Дыхание сбилось, и что-то звериное вырывалось из глотки, руки по локоть в крови... Тупой тупой, ни мыслей, ни эмоций, одно только желание — лечь куда-нибудь и закрыть глаза, хоть навсегда. Наконец, мясо все обрезали, мы спихнули скелеты в море, покидали моржатины в вельбот и только тогда перевели дух.

— Ну как? — спросил Мартынюк, протягивая папиросу.

Я взял ее дрожащими руками и промолчал. Юра Вуквунентын посмотрел на меня, засмеялся и сказал что-то по-чукотски. Старики тоже засмеялись. И переводить не надо, и так ясно: укатали Сивку золотые горы...

Я улыбнулся через силу и подумал, что это, наверное, последняя улыбка в моей жизни. Честно говоря, я был недалеко от истины...

Мы долго катались в тумане, разыскивая второй вельбот. Глупее ничего нельзя было придумать: вышли на охоту три суденышка и растерялись. И все это в сотне километров от берега, среди льдов, где нет никаких ориентиров, только туман кругом. Даже если мы свяжемся по радио, то как встретиться всем в одной точке? Ведь секстанов и хронометров для определения координат у чукотских охотников нет. А уж о том, как можно найти второй вельбот в этом сплошном море, я даже не думал, на то у нас начальник есть, пусть у него голова болит.

Наш бригадир рассудил по-своему. Он велел заглушить мотор, и мы стали вслушиваться в тишину, надеясь услышать стук мотора или выстрел. И услышали! Но совсем другой звук — стук топора. Видно, где-то неподалеку, на льдине, наши товарищи разрубили моржовую тушу.

Теперь, выверив направление по звуку, мы быстро обнаружили «двойку». У них тоже было два моржа — полная лодка мяса. Бригадир и звеньевой Кайвуквулкот о чем-то поговорили по-чукотски, потом Юра объявил всем:

— Будем ночевать здесь. А завтра надо байдару искать.

В нашем положении это было самое разумное. Времени — около восьми вечера, все чертовски устали.

Охотники быстро отыскали льдину, подходящую для ночлега. Она была достаточно прочной и круглой, размером с цирковую арену.

Мы с доктором гуляли по льдине и проявляли высшую мудрость — смеялись над собой. А что мы могли делать,

имея впереди ночевку на льдине и не имея в запасе теплых вещей. Даже худого одеяла не было у нас.

— Знаете, это будет очень оригинально — что-нибудь отморозить в середине июля, — сказал доктор.

Я не успел ничего ответить, потому что вдруг над нашей головой раздался идиотский смехок: «Аха-ха-ха-ха»...

— Ну вот, и архангелы пожаловали, — хмуро пошутил я.

Доктор посмотрел вслед пролетающим гагам.

— Вот самые мудрые создания!..

— С чего вы взяли, что эти утки умнее нас? — возразил я.

— Они не охотятся на моржей, — серьезно сказал доктор.

К ночи стало холодать. Вернее, ночи не было в привычном нашем понимании, где-то в вышине, над туманом, светило полярное солнце, и до нас доходил его рассеянный свет. Температура воздуха была по прогнозу — плюс четыре. Но даже при такой положительной температуре попробуйте провести на льдине без костра или согревающей работы несколько часов кряду! Тут никакие ватники не помогут, а про резиновые сапоги и говорит нечего. Спасибо, хоть рукавицы догадались взять, и шапки зимние оказались как никогда кстати.

Мерзли мы с доктором и от того, что топлива в своей организм за ужином заложили мало. Утка у Мартынюка кончилась давно, и он сам без особого удовольствия глотал моржатины, правда, на этот раз из другого котелка и не такую воющую, но мы с доктором и до того не досрели. Погрызли галеты, сахарок, запили чаем, вот и весь ужин.

Поначалу мы с Юрием Казимировичем решили подремать в вельботе, все-таки дерево — не лед. Но без движения было еще холоднее, чем на льдине. Мы решили двигаться, чтобы не пропасть. Сильнее всего мерзли ноги. Спасти их от неминуемого обморожения можно было только одним путем, и мы то и дело скакали с доктором, как воробьи, обутые в тяжелые чехолы.

К нам подошел Мартынюк.

— И что это вы все прыгаете? Подмерзли, что ли?

Сам он был в таких же болотниках, как у нас, но особо от того не переживал.

— А у вас что, ноги не мерзнут? — спросил доктор охотника.

— Да нет, — Мартынюк притопнул сапожищем сорок-последнего размера, — у меня там меховые чижы.

— Вот то-то и оно, — сказал я, — сытый голодного не разумеет.

И тут доктор осторожно подрулил к охотнику:

— Дмитрий Моисеевич, извините за назойливость, а нет ли у вас запасных этих... чижей?

— Нет, хлопцы, — грустно покачал головой Мартынюк. — Я и сам не думал ночевать, так бы хоть кукуль взял...

— А как же они без теплых вещей? — кивнул доктор в сторону чукчей, которые притихли на ночь в лодках.

— Так они привычные...

И правда, удивительно неприхотливы аборигены Арктики — ни спальных мешков у них, ни одеял. Даже свою традиционную одежду — кухлянки, торбаса, брюки из пыжика не берут они в море, хранят дома, берегут для зимней охоты на песца. А в море им все ничем. Вот и сейчас, когда мы, трое русских, топчем льдину, потому что заснуть в холоде нет никакой возможности, коренные жители побережья привычно коротают ночь сидя и полулежа в вельботах.

Мы с завистью смотрели на отдыхающих охотников. Доктор устал поднимать ноги в тяжелых сапогах, присел передохнуть на ящик с примусом. Часы показывали начало третьего, но ждать надо не рассвета, а когда уйдет туман. Поэтому время в нашем положении — понятие, лишенное смысла.

— Ничего, спать совсем не хочется, — бодро сказал я, представляя, как залез бы сейчас в теплый олений кукуль, и никакая сила не смогла бы меня разбудить. Тем не менее, приходилось шевелить пальцами в мокрых портянках, чтобы потом, по возвращении, не покупать обувь на три-четыре размера меньше.

— А знаете что! — воскликнул вдруг Мартынюк. — Надо что-нибудь интересное рассказывать, тогда спать совсем не захочется. Давайте про баб!

— Давайте, давайте! — радостно подхватил доктор. — Можно, я с себя начну? Спасибо. Ну, так вот... Я родился двадцать пятого мая тысяча девятьсот сорок седьмого года. В тот день стояла жаркая погода. Люди ходили в легком летнем платье. Цвели сады, пели соловьи, и было очень, очень тепло...

Эта сумасшедшая ночь все-таки закончилась. В пять утра, когда все мы отчетливо услышали в тумане стук лодочного мотора. Никак не верилось, что потерянная давно и безнадежно наша байдара так сказочно объявилась совсем рядом. Мы ошалело замерли, вместо того чтобы кричать, стрелять и тем самым объявить о себе. Первым опомнился Семен Чайвун:

— Ракеты давай! — крикнул он бригадиру.

Но Юра Вуквунентын, видимо, не любил, когда ему дают советы. Он послушал еще шум мотора, убедился, что байдара в самом деле удаляется. И только тогда кинулся к своему непромокаемому-несгораемому чемодану за ракетницей.

Два огненных цветка улетели в туман. Это все равно, что бросать горящие спички в мыльную пену. Даже звук выстрелов не услышали на байдаре. Было уже поздно, ушла байдара блуждать среди льдов, как по лабиринту.

Мы спешно побросали в лодки все имущество, что было на льду, и помчались в ту сторону, где растаял в тумане такой необходимый нам вулк.

Увлечшись погоней за призраком, мы потеряли из виду вельбот Кайвуквулкота. Пришлось израсходовать четыре ракеты, пока из тумана не нарисовалось суденышко с черной двойкой на борту. Бригадир решил взять его на буксир, чтобы больше не теряться и сэкономить горючее, потому что в связке можно идти на одном моторе.

Мне очень хотелось знать, куда мы держим путь в этой белесой мгле и стоит ли жечь бензин понапрасну в этом бессмысленном движении в никуда?

Бригадир оставил без ответа мой вопрос. Тогда я предложил остановиться, дожидаться десяти утра, выйти на связь с байдарой и договориться двигаться к дому, надо же, в конце концов, выбраться из этого чертова тумана. Мне казалось, разумнее такого предложения трудно что-либо придумать, но я плохо знал Юру Вуквунентына.

— А зачем ждать десяти часов? — спросил он. — Сейчас домой пойдем.

Я готов был обнять мудрого бригадира. Жаль, что еще вчера не осенила его эта гениальная мысль. Но как же мы узнаем, где дом? Или чукчи умеют как-то по-своему ориентироваться в таких безнадежных условиях? Я спросил дядю Мишу, в каком направлении надо двигаться к дому.

— Не знаю, — старик улыбнулся и прикрыл глаза, полностью доверяясь рулевому.

А рулевой наш, тем временем, не дремал, достал из какого-то узла компас с отвалившейся крышкой, привычно приподнял отставшее стекло, нацепил на иглу упавшую стрелку и пристроил прибор на доннышко перевернутого котелка. Строго поглядывая на компас, кормчий наш выбрал нужное направление. С равным успехом можно было держать курс по лошадиной подкове или консервной банке, потому что

стрелка от тряски металась туда-сюда. Я начал терять надежду, что мы когда-нибудь увидим сушу.

— Дима, куда мы плывем? — осторожно спросил я нашего моториста.

— Отсюда только в одну сторону можно плыть, — усмехнулся Мартынюк.

— На тот свет, что ли?

— Нет, на юг! — невозмутимо ответил Мартынюк и стал переливать бензин из канистры в бак. — Горючка кончается, — как бы между прочим сообщил он.

Час от часу не легче!

...Сколько я спал — не знаю, но проснулся от выстрела. Сначала трудно было понять, что к чему. Кто стреляет? Зачем? Отчего мы стоим? Почему в отдалении маячит вельбот и Кайвувкулот что-то кричит нам, держа в руках карабин?..

В конце концов разобрались. Оказывается, весь доблестный экипаж нашего вельбота уснул, и мы напоролась на мель. Второй вельбот вовремя заметил опасность и остановился. Охотники недоумевали: почему мы так отважно тараним мелководье? Потом уже поняли, что к чему, стали будить нас выстрелами.

Это же нарочно не придумаешь — посреди моря, откуда и берегов не видно, сесть на мель! И не на океанском теплоходе, а на вельботе! Да так крепко сели!

Мартынюк кое-как выдернул «ногу» мотора из песка. К счастью, винт не сломался, только шпонка полетела. Мы взяли за шесты, толкались изо всех сил, но едва сдвинулись. Юра Вуквунентын поднял отвороты болотников и прыгнул за борт. Вода доходила ему чуть выше колен.

— Раз, два — взяли!

Бесполезно, словно вросли в песок.

Мартынюк шагнул за борт на помощь бригадиру. За ним и я выскочил из вельбота.

Деды упирались шестами, мы толкали плечами, и наше судно потихоньку сдвинулось. Иного выхода у нас не было — только вперед, чтобы дойти до глубины, которую обозначал для нас второй вельбот. До него было не близко.

— Раз, два — взяли! — ревел Мартынюк. — Еще-о взяли!..

Метров двести пахали мы килем вельбота дно Чукотского моря, вылезшее так близко к поверхности воды. В конце концов, выбрались на глубину. Большого труда стоило перебраться через борт — сапоги, залитые водой «по горлышко», были неподъемными.

Через десять минут хода у нас заглох мотор — кончился бензин. К счастью, на «двойке» — почти полная столитровая бочка. И как она за борт не кувыркнулась при нашем невезении! Разлили бензин по канистрам. Теперь на каждом судне по сорок литров горючего. Если этот запас кончится до того, как мы достигнем берега, в ход пойдут весла, а то и самодельный парус. Романтика!

Пока мы заправлялись, приткнувшись борт в борт, я пытался заговорить с доктором, но тот махнул рукой на мои пустые слова, и доверительно нагнулся, чтобы сообщить по секрету нечто важное. Однако то, что услышал я от доктора, поразило меня до глубины души. Милейший Юрий Казимирович, интеллигентный, мягкий человек, выразил свое отношение к этой нашей охоте на моржей такими словами, что у меня от неожиданности даже ногти на ногах вспотели. Я в недоумении посмотрел на доктора — он ли это? Но Юрий Казимирович отвечал за свои слова:

— Да, вот так! — подтвердил он и отвернулся.

Я заметил, что когда малое неудобство вытесняется большим неудобством, замечаешь только это, последнее. Вот и сейчас я напрочь забыл про свои безнадежно застывшие ноги и мокрые штаны, потому что мы шли уже битый час, а земли так и не было видно. Мало того, невесть откуда налетел

ветер. Мне вспомнились слова Пленкина о том, что Колочинская губа — это дом Повелителя ветров. Проснулся Повелитель и послал гулять по морю барашков. Лыдин не было, и эти «барашки» без помех резвились на зеленой ниве, то и дело озорно бодая рогом наш дощатый борт.

Мы держали направление строго на юг, и нам нельзя было развернуться против волны, чтобы лодку не заплескало. Приходилось то и дело вычерпывать банками воду, густо подкрашенную моржовой кровью. Вскоре ветер не на шутку разыгрался, и в ход пошли уже котелки. Нас все больше стало кидать с боку на бок. Много раз мне казалось, что еще чуть-чуть, и мы перевернемся, раз и навсегда. Однако спутники мои, видно, к таким переделкам привычные, беспокойства не проявляли, сидели, нахохлившись, и, наверное, молились про себя своему чукотскому богу.

Я цеплялся за что мог, когда нас подкидывало волной к небу, и сам готов был призывать всех святых на помощь. Но вот донесся слабый крик, и мы увидели, что «двойка» потеряла ход. Ветер развернул ее так, чтобы удобней было завалить суденышко набок. Опять мотор у них забарахлил! Положение было угрожающим, еще чуть-чуть, и шквальный ветер перевернет вельбот килем вверх. Мы круто развернулись по ветру, и «приотили» у себя под ногами пару волн — около тонны балласта. Как не перевернулись, до сих пор удивляюсь. Пока мы авралили, вычерпывая воду кто чем мог, Юра кое-как подрулил к беспомощной «двойке».

— Мотор волной захлестнуло! — крикнул Семен Чайвун.

Бригадир бросил пострадавшим конец капронового троса, и мы опять в связке пошли штурмовать бледно-зеленые гребни.

Самое страшное было не в том, что один вельбот потерял ход в штормовую погоду. И даже не волны, которые норовили перевернуть наши утлые суденышки. Самое страшное было в том, что нигде не просматривалась земля. Даже старики обеспокоенно оглядывали горизонт, но ничего не было видно, только бело-голубая рябь беспокойного моря кругом.

Какая-то шальная волна накрыла нас с головой всех троих — Вуквувье, дядю Мину и меня. Старики ругались по-чукотски, вытирая шапками мокрые лица, и в этот момент Юра Вуквунентын крикнул что-то с кормы. Старики перестали ругаться и посмотрели вперед. Над горизонтом дыбилась синий бугорок. Земля! И враз исчезла тревога, ниже и добрее стали волны, и ветер не так уже яростно задувал, и лодка вроде бы не опасно кренилась... Стало стыдно за минутную слабость. Нет, мы еще поживем, несмотря на то, что вроде все уже было в жизни. Да разве может быть исчерпан до конца весь этот беспредельный мир! И я был несказанно рад сейчас, а может быть и счастлив от этого главного трофея нашей охоты — я научился ценить землю, которая такая привычная, обыденная и, порой, неудобная, когда просто ходить по ней, и которая такая желанная и удивительная, когда увидишь ее невзначай там, где кончается бешеная океанская вода.

Глубокой ночью мы достигли родного берега на последних каплях бензина. Видимо, под конец судьба смилоствилась к нам, и мы благополучно вошли в «гавань» села Нутепельмен. Здесь уже дремала на песке беспутная байдара, которую мы так и не встретили в море.

Ступив, наконец, на землю и оказавшись в привычной среде обитания, мы с доктором легли на мокрый песок с таким наслаждением, будто только что вернулись с Марса. Или с того света. Или заново родились... С этой минуты мы не говорили о прошедшей охоте, о пережитом, и никому не рассказывали о том, что довелось испытать и понять.

Иван ДАНИЛОВИЧ

ДЕТСТВО с названием «105-й квартал»

Детство Ярослава Городецкого было жестоким. Однажды ночью строгие дяди привезли семью на станцию Подгайцы, погрузили в вагон. Был февраль 1940 года. Куда шел состав — не говорили. Только чем дальше уносил паровоз от родных мест, тем холоднее становилось. Значит, в Сибирь. Уже потом, став взрослым, Ярослав будет писать расписку энквэвдистам, что никто их семью в Сибирь не ссылал, что он ничего не знает про отца, который был до выссылки из Польши лесничим и навеки остался лежать в глухой уральской тайге. У селения даже адреса настоящего не было — просто: «105-й квартал».

Из большого поселка Костоусово вела туда узкоколейная дорога. Запомнилась она семилетнему мальчику тем, что рельсы были деревянные, как и все вокруг — бараки, столовая, клуб, детский сад.

Детский садик предназначался не для маленького польского пленника. Туда водили детей те, кто работали в здании с вывеской «Комендатура».

Цельми днями Ярослав собирал живицу. Тяжелое ведро ему было не под силу. От сосны к сосне его перетаскивала плотного телосложения женщина, а он тупым ножом выковыривал из глиняных остроносых горшочков пахучую вязкую сосновую смолу, называемую живицей. Вечерами до крови дрался с поварахиной дочкой Любкой, девкой задиристой и сильной. А ночами конопатая Любка являлась во сне стеснительной, улыбочивой невестой, о какой, видимо, мечтал наяву.

Взрослые говорили о войне, которая стремительной машиной катилась где-то по земле. Ушел в Польскую армию старший брат Владислав, стал офицером. От непосильной работы умерла сестра. Владислав прислал из московского госпиталя письмо, но отца оно уже не застало. Они с матерью оплакивали утрату над холмом каменистой земли, в которую был вкопан неуклюжий березовый крест.

«Что же будет дальше? Как жить будем без отца, Ярославчик? Ты у меня одна надежда и опора».

А Ярославчик сам захворал, каждая жилка сквозь бледную кожу просвечивала. Но мир не без добрых людей. Принесла одна сибирячка круг мороженого молока да несколько ложек меда. Кто знает, может, они и спасли парнишку. Поднялся на ноги. Да и времена менялись. Подходил конец войне. Суровые дяди в военной форме уже казались не такими хмурыми и злыми. Собрали польских поселенцев и увезли. На Украину, в Николаевскую

область, на откорм, как сейчас шутит пан Городецкий, чтобы не стыдно было отправить обратно в родную Польшу.

С тех пор он не кладет зелень в пищу — слишком много травы в детстве съел.

Коллеги-журналисты из Екатеринбурга сообщили, что в Реж едет поляк, который в военные годы с семьей отбывал ссылку на Урале. Просили помочь ему разыскать те места, где прошло детство.

Ждали Ярослава Яновича с утра. В подвижном, с седой бородой человеке без труда угадали гостя. За чашкой польского кофе наметили дальнейший план действий.

Пан Городецкий приехал на Урал за своей второй мечтой. Первая сбылась давно. С детства любил рисовать и хотел стать художником. Теперь он — сотрудник Варшавской национальной художественной галереи, участник многих выставок и фестивалей, в том числе и в Москве.

Вторая его мечта — побывать на могиле отца. Ее он часто видит во сне. Видит березовый крест, который иногда почему-то горит судным светом. Он тянется к нему рукой, а достать не может. Крест все уходит и уходит...

Долгой была его дорога к мечте. И вот осталась самая малость: пять сантиметров до могилы его отца, сестры...

Эти «пять сантиметров» от Костоусова до «105-го квартала» на редакционном вездеходе мы преодолевали полдня. Нас сопровождали лесничий Ренат Гарипов и лесник Владимир Лунегов. Свернулись по лесхозовской карте. Ренат пояснил:

— До 105-го была когда-то узкоколейка. Туда километров 15-17. А дальше — урочище Польское Репище. До него сейчас не добраться. Можно только вертолетом. Летом там покосы.

Польский гость без карты видел местность лучше нас. Под горой течет речушка, а ниже багна (болото). На пригорке стояли бараки, рядом — столовая, баня, старый клуб, комендатура, школа. Потом построили новый клуб...

— Ничего этого там уже нет, Ярослав Янович. Последний барак перевезли году в 60-м. Вон, против лесничества стоит. После вас там пленные немцы жили. А сейчас пусто...

Да, для кого-то это уже пустое место. А для Ярослава — мир детства, богатый красками и событиями. Где сейчас поварахиная дочь Любка? Что стало с сибирячкой, что мед принесла?

Мы медленно приближались к цели. Но путь преградили заповедные талой водой ямы и ухабы. Продолжать путешествие с опасной перспективой застрять в глухой тайге или возвращаться?

Ярослав забросил на плечи фотокамеры, диктофон и решительно заявил:

— Я поеду!

Вид у него был отрешенный. Снял ботинки, надел резиновые сапоги, специально привезенные из Варшавы. Конечно, мы решили его сопровождать. Но и водитель тоже не выдержал:

— А, была не была! Поехали!

Над нами сияло по-весеннему яркое солнце, в небе стрекозой кружил вертолет, осматривая газовую магистраль. Для нас это место было обыкновенной лесной поляной...

Долго плутал гость из Варшавы по уральской тайге. Но кладбище, еще скрытое под плотным слоем снега, нашел. Могилу отца и сестры обнаружить не удалось. Кресты, видимо, не выдержали тяжести времени, а может, пожар порушил. Взял пан Городецкий горсточку щепок от когда-то стоявшего здесь барака, бережно завернул в бумажку и положил в левый нагрудный карман — будто спрятал частичку своего «детинства».

— Я летом вернусь сюда, найду отцовский крест. У меня в Польше, кроме друзей, никого не осталось. Может быть, я приеду умирать на могилу отца. Еще не знаю.

Эта встреча со счастливым человеком с исковерканной судьбой проходила на очень обычном фоне нашей жизни. В городе не было хлеба, люди бились в очередях за растительным маслом... И он все понял. И потому мы выспрашивали польского гостя в основном «за жизнь». «Когда вам легче жилось: в социалистической Польше или сегодняшней капиталистической?»

— Я художник и при социализме был материально богаче среднего человека. Хорошо жил. Но как только ни пытались меня унижить за мое прошлое: мой начальник просил не указывать причины ссылки на Урал, и вообще не указывать... Все мои попытки попасть сюда, на могилу отца, были бесполезны.

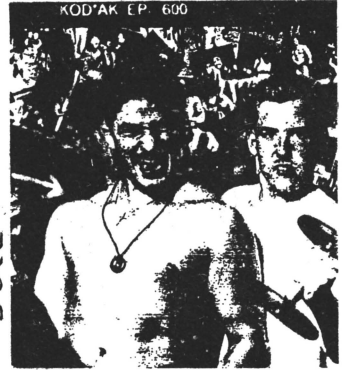
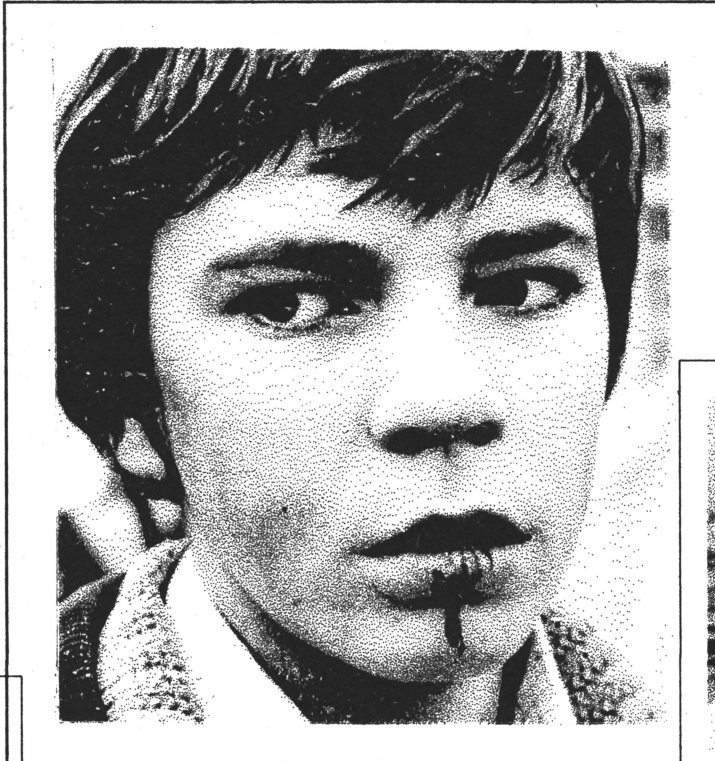
Сегодня я беднее, я художник, а при капитализме мы мало кому нужны. Мой друг, журналист, пишущий про искусство, сегодня безработный. Но я счастлив, что приехал сюда.

Я художник, конечно, мне дороже свобода...

На снимке: Ярослав Городецкий (слева) и зам. директора газеты «Режевская весть» И.Н. Данилович г. Реж Свердловской обл.

ПОГОНЯЛО ТВОЕ

Очерк
подросткового
быта

Босс

Мокрая

КОМГ

Вершило
КЛОВЕНТУС

Васемей
Курогани

1 В третьем часу после полуночи он поднялся с кровати. Оделся.

Толстая, корявая сосулька на переплете рамы досылала в комнату жесткий свет невидимого уличного фонаря и засыпала ее грязно-серыми бликами. Собственная комната показалась холодной, чужой.

«Вселенское одиночество...» — подумал он, вяло опускаясь в кресло. Упрямо повторил про себя: «Именно — вселенское!».

От громких эпитетов его пару раз уже отучали. Да вот, совсем недавно... Месяц назад! Литераторша принесла на урок проверенные сочинения и по некоторым начала «проезжаться». Досталось и его исповеди на заданную — «Мой друг» — тему.

— Андрей, — язвила всюю недавняя выпускница пединститута, — а в твоём сочинении самое яркое пятно — это... прилагательные. Послушайте, друзья, вчувствуйтесь... Выбираю наугад: отличный, самый лучший, выдающийся, проверный... кстати, пишет через «е»... сильнейший, клевый... И кого б, вы думали, характеризует этими эпитетами наш Андрей? Хаммурапи? Эйнштейна? Ельцина? Нет. Просто-напросто Ивана Стерляжникова. Обыкновенного мальчика из параллельного класса. Русский язык вольностей с собой не прощает, он суров к нарушителям языковой экономии. Ты, Андрей, хотел выдержать торжественный стиль, а получи-

Изабра

Евешка

лась пародия. Я читала твоё сочинение, и меня подмывало посмотреть фамилию автора на обложке: кто и про кого рассказывает... Уж не Фридрих ли Энгельс про своего друга Карла Маркса?..

В тот раз Андрей осадил зарвавшуюся литераторшу. Взгромоздил ноги на стул, обхватил колени руками и в нарочитой печали произнес:

— Особенно «клевый» к Карлу Марксу подходит... Чему ж вас учили, Маргарита Борисовна, в институте-то?

Маргоша не сдалась. Побледнела, как подсохшая и выжившая меловые разводы классная доска. Отеканила:

— Учили не смешивать литературные стили. Выдающийся Маркс — это одно. А клевый Маркс — это другое. Клевый Маркс — это ты...

Помолчав, Маргоша хитренько взлеснула зубками:

— Нет, не ты, конечно... Прости! «Клевый Маркс» — это твой стиль.

Но последняя оговорка была лишь педагогической ширмой. Андрей хорошо знал повадки литераторши и понял, что Маргоша лепит ему кличку, *логоняло*. Пытается осадить строптивого с помощью его же одноклассников.

По классу действительно покатались смешки. Кто-то выкрикнул:

— Клевый Маркс, не лезь в бутылку! Цвайку схлопочешь!

Не на того напала, ревнительница стилей! Мы тоже умеем клички придумывать!

Андрей, сдерживая раздражение, поинтересовался:

— Что за *базары*? Ну, подмывало вас обложку разглядывать — молча бы и разглядывали. И вообще, не часто ли вас подмывать начало? Прямо подмывалка какая-то!.. — сказал, и был квиты.

Лицо литераторши исказилось ломанными морщинами — уж не штрихи ли меловые?

— Встань! — закричала она. — Уматывайся! — Не впопад применила низкий «штиль».

Андрей неторопливо удалился из оживленного класса.

Смешки, глухое, вполголоса, дублирование его хамского вопроса, шепоток «Подмывалка!» — все показывало Андрею, что кличка родилась, воспряла и накрепко прилипла к Маргоше.

Правда, и *логоняло* «Клевый Маркс» некоторое время преследовало Андрея. Но, боже мой, как это было безобидно и... игрушечно! По сравнению с нынешним временем, по сопоставке с новой кличкой Андрея!..

2 Прожить пору отрочества и не наклепать на себя ни одного прозвища — то же самое, что продрапать сквозь заросли репейника, ни репья не нацепив на одежду.

Редкий подросток обходится без клички.

Редкая кличка не таит в себе сведений о самом подростке. Надо только уметь прочесть.

Пока судьба моего героя вершится по своим необратимым законам, я хочу познакомить вас с некоторыми современными прозвищами ребят.

Рассказ моряка выразительней при шуме океанских волн. Пастушья песня печальней при шорохе трав и позвякивании козьего колокольчика.

Пусть и наш рассказ будет подбит негромким звуковым фоном. Пусть одновременно представятся, назвав свои прозвища, или представят друг друга сотни и тысячи ребят.

Вы готовы к этой разноголосице?

Предлагая вам подростковый «Онамастикон», мы надеемся, что даже обычный алфавитный перебор ребячьих прозвищ позволит увидеть лик нынешнего поколения, позволит представить субкультуру, то есть окружение ценностей, знаний, верований, которую подростки создали и которой преклоняются.

Итак, клички на переключке...

АДИДАС. Это незамысловатое прозвище позволит нам определиться, о каких ребятах, из какой среды будет преимущественно речь.

Кличка записана в конце 1990 года в Челябинске. К тому времени мода на спортивные «адидасовские» костюмы докатилась и сюда. Но для подростков такие вещи оставались недостижимым предметом вожделения. Не для всех, конечно, а для тех, кого однозначно можно назвать люмпен-подростками.

Люмпен-отрок — тот, кому судьба уготовила полуголородное детство, родительскую нелюбовь. Потом — не престижное, не мечтой и расчетом, а случайностью выбранное ПТУ. Потом — яхшание с преступными компаниями, закалка и обретение в этих компаниях своих призрачных надежд.

Прозвище «Адидаас» родилось, скорее всего, в люмпен-среде. В иных кругах, где иностранное тряпье — не диво, такая кличка ничего бы не значила, никого бы не выделяла. Белая ворона броска лишь потому, что кругом — черное воронье.

Не случайно первая же кличка оказалась люмпенской. Прозвища — несомненная часть любой субкультуры. А главенствующая субкультура подростков ныне та, которую создала шатия-братия «люмпенов». Они здесь — законодатели. Они разделили ребячий мир на своих и чужих. Как ярые миссионеры, они насаждают собственную субкультуру на других территориях. Они, люмпен-подростки, в конце концов и придают лицу поколения специфическое выражение.

АКУЛА. Носителю клички 13 лет. Происхождение прозвища банально. Это так называемое отфамильное образование. Заметная доля кличек и строится по этому принципу: Галка — от фамилии Галкин, Заяц — от Зайцев. Акула меня заинтересовал потому, что до 13 лет был Мухой. Как из Мухи сделали Акулу? Очень просто. Развалилась семья. Мама во второй раз вышла замуж. Мухины стали Акуловыми.

Важный штрих для понимания люмпен-подросткового менталитета!

АНАША. Учащаяся техникума. Прозвище ассоциативно связано с фамилией Коноплева. Связь между фамилией и названием распространенного наркотика слишком жестко запрограммирована, чтобы не увидеть в ней специфического опыта создателей прозвища. Впрочем, поэкспериментируйте сами: предложите паретройке паданов, желателно из техникума, продолжить ассоциативный ряд: конопля — ?..

Птичку-коноплянку никто не назвал, а?

БОСС. Ребята называют такие клички «высокими». Я уточнил у собеседницы, почему? Хотя наверняка догадывался об ответе: мол, Босс занимает высокое положение в какой-нибудь подростковой группировке. Но моя собеседница опустила эту очевидность. Она сказала: «Босс» — высокая кличка, потому что его все боятся!»

Таким образом, не только подтвердила лидерство неведомого мне Босса, но и подсказала, на чем это лидерство держится: на страхе.

«Высокие» клички даже в своем звучании агрессивны. Чтобы поддержать уважение к себе, страх, лидер, словно первобытный шаман, должен называться уж-жасасящим («погонялом» — Питон, Зверь, Дракула, — наводящим трепет на девственно неприкаянное сознание подчиненных).

На страхе сейчас замешано большинство подростковых группировок. Так проще и быстрее наладить дисциплину, приближенную к боевой. А без высокого уровня дисциплины нельзя ожидать успеха в том деле — криминальном, — которым занято большинство самоорганизованных ребячьих компаний.

Кстати, подобные группы назывались «конторы», «шараги». Сейчас это почти в прошлом. В Екатеринбургские самоорганизованные группы с криминальным уклоном нынче величают себя семьями. По аналогам с итальянскими мафиозными кланами. Или братством, братвой (более изящное выражение тех же «семейных» отношений).

БУЛЬДОГЗЕРИСТ. «Внешнее сходство с бульдогом, а манеры — как у бульдозериста».

Игра слов неплохо обрисовывает внешний облик юноши. Но интереснее другое: мимоходом заявленное обобщенное представление о... «бульдозеристах».

В воровском жаргоне есть слово «шахтер». Исследователь современного лагерно-воровского языка С.Снегов так объясняет его значение: «У воров в законе страшное ругательство. Крепче любого мата. После выпадает «Ты, шахтер!» — надо браться в драку. Словами такое оскорбление не смыть. И тот, кто способен профессионально работать под землей, — ниже всех критериев».¹ Воровское «шахтер» перекочевало и в сленг подростков. Не изменив значения. Вызвано это тем, что главенствующая подростковая субкультура сориентирована на воровскую. Так же, как и воры в законе, честно работать подростки считают заподло. Деньги, считают они, нужно добывать другим способом. Тот, кто обладает рабочей профессией и трудится не покладая рук, — за гранью уважения. Честный труд — лишь дурная «манера»

БЭША. «Девочка, которая редко появляется дома. Бродит по поселку, как блудная овца».

ВЕРШИЛО. Это о лидере.

Мне не кажутся ясными термины «формальный», «неформальный». Поэтому рискну предложить: одну часть ребячьих коллективов назовем заданносоциализаторскими. Такие группы создаются взрослыми (класс, трудовая бригада, спортивная секция) и в идеале служат передаче опыта, знаний, нравственных ценностей от старшего поколения младшему. Другие объединения ребят — самоорганизованные. Несколько выше мы уже произносили этот термин и смысл его очевиден. Речь идет о тех группах, которые не принимают социальных норм взрослых, а отношения между собой налаживают в рамках собственной субкультуры.

Так вот, Вершило — лидер заданносоциализаторского толка. Он командир пионерского отряда.

Респондент утверждает, что Вершило на кличку не обижается. Да и с чего обижаться? Такая кличка — знак не худшего иерархического положения.

Но обратим внимание на одну деталь. Новое слово

«вершило» создано по типу уже имеющихся: водило, мазило, кутило, чудило. Отправные слова несут в себе легкую иронию. Всяк, чувствующий язык, услышит эту иронию и в кличке «Вершило». Откуда она? Может, от каких-то личных качеств командира. Может, от атмосферы конкретного коллектива.

Но опыт подсказывает, что все глубже. Нынче любой участник самой слаженной заданносоциализаторской группы регулярно испытывает на себе влияние групп самоорганизованных. И находясь в коллективе, призванном утверждать гуманистические идеалы, в лучшем случае с некоторой растерянностью относится и к этим идеалам, и к самому коллективу.

ВЕСЕЛЫЙ КИЛОГРАММ. Раскрепощенное совмещение внешних и внутренних характеристик человека: «Парень всегда улыбается. А один его вид заставляет подумать о весе этого человека».

ВЖИК. Вжик маленький и шустрый. Он живет в Костроме и своим прозвищем подтверждает, что похождения Диснеевских Чипа и Дейла властно завладели умами ребят. Самые разные элементы американской маскультуры стали частью культурной состоятельности российских ребят.

ГОЛУБОЙ. Произошла такая история. На отработку в колхоз поехала пэтэушная группа. Пятнадцатилетний мальчик начал хвастать: «Ха, у вас куртки одинаковые, как у китайцев, серые. А у меня голубая». «Китайцы» решили наказать сверстника за бахвальство и присвоили ему кличку «Голубой». Погоняло — не из «высоких»!

На этом примере видно, что прозвище — не только продукт субкультуры, но и ее «мастерок». С помощью клички сообщество юных навязывает имяреку свое понимание моральных норм.

Не уловил подросток, что нежего хвастать шмотками на фоне обделенности приятелей — и схлопотал унижительное прозвище. Оно стало его социальным знаком, от которого так просто не избавиться. Забудется колхозная история — но останется кличка и заложенный в ней уничижительный смысл. Никто не станет разбираться, отчего окатила подростка волна презрения.

Одного проступка достаточно, чтобы оказаться на нижних ступенях подростковой иерархии. Причем проступок-то пустяковый, не затрагивающий святая святых подростковой этики. А представьте, нарушит тинейджер более весомые правила!..

ГОЛУБЬ. Про своего друга рассказывает респондент из Екатеринбурга: «Однажды напился. Зачем-то залез на метеовышку. И уснул. Проспался — не может понять, как залетел на такую верхотуру».

По понятиям базовой, присущей всему обществу морали проступок Голубя достоин осуждения. Подростки же терпимы к пьянству. Кличка словно поощряет употребление алкоголя, ведь в ней явственно различима снисходительная ласковость: голубь, голубок... Подобная кличка — не тот знак, который механически оттесняет своего носителя на нижние ступени иерархии. Скорее, наоборот, придает ему в глазах ровесников особую значимость.

ГОЛУБЯТНИК. Восемнадцатилетний екатеринбуржец: «Зема хотел голубя забить в подъезде, а я не дал, впрягся за птичку. Зема сразу две клички на меня навесил: «Голубятник» и «Юннат».

Эта встреча для меня — как долгожданный солнечный лучик в мрачном подземном лабиринте субкультуры.

Я давно ищу таких ребят — чем-то выбивающихся из люмпенизированной, мечущейся в добыче «бабок», исповедующей воровские идеалы среды. Ищу ребят, которые затянута этой средой, но все же состоят с ней в конфликте.

Если смотреть на люмпен-среду со стороны, она клас-

1 См. С.Снегов. Философия блатного языка. — Даугава, № 11, 1990.

сически девиантна, то есть обладает отклоняющимся поведением. Но знакомство с люмпен-подростками изнутри ставит все шиворот-навыворот. Да такие там девианты!.. Как нарушители общепринятых правил.. Какие бунтари!.. Чем больше знакомишься с ритмом жизни, с бытом этой части подростков, тем больше убеждаешься: перед тобой конформисты, социальные приспособленцы, перед тобой малодушные, нерешительные особи, испугавшиеся борьбы с принятыми дворовыми законами, с устоями разных на сицилийский манер кроенных «семей».

Мне интереснее девианты в среде девиантов. Парадоксальные девианты. Назовем их как-нибудь попроще, например: НЕПРИВЫЧНЫЕ НАРУШИТЕЛИ.

Непривычные Нарушители связаны самой пуповиной с теми условиями, которые толкают их на несправедливый путь. Но они умудряются избежать этого пути. Хотя бы в частностях. Не ржанием, например, встречают измывание над птицей, а вступаются за нее. И уже тем бросают серьезный вызов быту, субкультуре, которые мы здесь штрихово описываем и от которых не без основания продолжаем ожидать не самых приятных социальных потрясений.

Непривычным Нарушителем представляется мне Андрей. Тот, который в одночасье сделался «Клевым Марксом». Кстати, пора к нему вернуться...

3

Историю с «клевым» классиком Андрей не постеснялся рассказать Ивану Стерляжникову. И не без удовольствия, потому что другого повода не видел поговорить без сантиментов о своей дружбе, об их, об их...

— Она ждала, — говорил тогда Андрей про литераторшу, — что все ей бросится душу выворачивать. А мы сочинение в тебе обернули. Я, по крайней мере. «Иван Стерляжников — превеликий каратист. Одним махом семерых побиваю!» У нас с ним выдающиеся дружественные отношения. Дружественней, чем у стран содлагера в годы застоя.....» И так — до последней точки куражился. Не хватало правду о нас рассказывать... — Андрей развернул свою руку так, чтобы наколка между большим и указательным пальцем видна стала им обоим. Наколка состояла из двух букв «АТ».

Иван посерьезнел. Поднял свою руку и сцепил с Андрюхиной в рукопожатии. На тыльной стороне Ивановой кисти тоже синела наколка, но других букв: «БР». Совмещенные ладони друзей соединили точечные буквы в суровое «Брат». И напомнили о прошлом лете, о военных сборах после десятого класса. О том, как «гопота» из соседнего, пэтэушного, лагеря зажала Андрея на берегу реки и пыталась *снять* деньги. А рядом неожиданно оказался Иван.

До этого Андрей даже фамилии его не знал...

Самоуверенные «гопники» один за одним оказались в илстой речке, и мутная вода посмывала с них всю самоуверенность. Даже безопасная даль — это когда поспешно переправились на другой берег — не восстановила их былого нахальства, судя по прощальной фразе самого *крутого парняги*:

— Сказал бы, что друг каратист, — кто б тебя тронул?..

Андрей, отходя от пережитого и не зная, благодарят ли в подобных случаях спасителей, прерывисто выдохнул:

— От страха даже в друзья нас записали...

— Почему бы и нет? — ответил Иван, разминая ребро правой ладони.

Боже, как давно это было! Как непоправимо рухнул мир! Какие страшные перемены принесла весна.

В начале весенних каникул у Андрея появилась новая кликуха.

...В марте Иван уехал на областные соревнования по каратэ, пошутив: «Меньше, чем со вторым даном не

жди!» Всего-то на неделю исчез, но уже первый день без «брата» показался Андрею невыносимо длинным. Бесцветным, как вытаявшие из сугроба обертки «Бундеслиги», «Турбо» или «Пилли».

Оказалось, что некому рассказать про заметку об экстрасенсе из случайно попавшей на глаза газете. Про мужика, который на всю страну объявил, что его фантом может появиться в любом доме и излечить хозяев от всех болезней и тяжелых дум. Только свистни. Вот бы посмеяться... Не с фантомом, конечно, а с Ванькой.

Оказалось, что не перед кем щегольнуть только что вычитанным из энциклопедии словечком «резиньяция», что значит — слепая покорность судьбе. А *прикольно* могло получиться... Если к месту. Показать, к примеру, на изуродованные солнцем ледяные фигурки на задворках ДК металлургов, на скукоженного Деда Мороза — жалкие остатки новогоднего праздника, — и скорбно молвить: «Резиньяция на старого накатила!». А потом ржать, подпихивая друг друга в бок.

Оказалось, что даже помолчать не с кем. Просто безнатурно помолчать, слушая, как хрупко под ногами утренний снег. Помолчать ровно до той поры, чтобы успела созреть в голове не шибко оригинальная мысль, что вот так же хрупки отношения между людьми. А высказывать этих слов и не надо. Все и так понятно.

Второй день без «брата» обещался быть таким же бесцветным, как и предыдущий. Но неожиданно внимание Андрея привлекли рекламные щиты у Дворца культуры. Там несколько раз повторялось слово «каратэ», составленное из букв с лотосообразными, в китайской манере, наверхиями: так кооператоры расшифровывали содержание видеков. И Андрей отправился на «каратэ», в надежде, что похождения бесстрашного Брюса Ли помогут представить, чем сейчас занимается не менее бесстрашный Ванька Стерляжников. Фильм оказался мутным. С серией едва увязанных в сюжет мордобитий. Но каратистские *прихваты*, действительно, создали легкую иллюзию, что Ванька где-то рядом. И Андрей остался на второй сеанс.

Домой возвращался темными сумерками, смущающимся обозначить себя конкретным часом, — ведь скоро переход на летнее время. Шел мимо Деда Мороза, подмерзшего и сбросившего на ночь свою «резиньяцию».

С лавочки за снежной скульптурой его и окликнули. Подошел. Не очень уверенно, но и не трусливо.

На спинке скамьи, как грачи-возвращенцы на проводе, сидели пятеро подростков. Из мешка Деда Мороза, прямо из дыры, прожженной солнцем, торчала распочатая бутылка «Арапчая».

— Привет, — сказал один из незнакомцев. — В одинокую тусуемся? А каратиста куда подевал?

Андрей всмотрелся в говоруна и узнал того «гопника», которого Иван Стерляжников обучал форсировать речку под военным лагерем.

— На соревнованиях, — ответил Андрей и внутренне похлодел.

Но реакция «гопоты» на неосторожный ответ Андрея была вялой и определенных намерений не выдавала.

— Заглоти... — «гопник» (в профиль он поража л крупными, диковатыми чертами лица: дуги скул и переносицы в параллель повторяли друг друга и взлетали вверх) протянул стакан вина. Когда Андрей отказался, тот сказал:

— А я заглотну. Все — в *пресняк!* Скука...

Можно было уходить. Но Андрей стоял. Может, из-за вежливости из-за малой доли доверия. Может, из-за сходства его собственного настроения с состоянием «гопника». «ВСЕ — В ПРЕСНЯК».

Он стоял, и дугоносый, выпив, спросил:

— Не знаешь, у кого голуби есть?

— Знаю, — ляпнул Андрей и назвал фамилию старика-соседа. Запоздало понял, что новый вопрос «гопотка» выпорхнул в воздух не бесцельно, а предвеляя какой-то сюжет, еще смутный для самого «гопника». Андрей

вновь попримертвел. Но сюжет оказался нехитрым и для Андрея не опасным.

— Понимаешь, у нас случайно мешок пшеницы взялся. И нужно, чтобы он куда-нибудь делся...

Соседи дугоносого засмеялись, будто ни разу не слышали полузатрепанной хохмы: «Где деньги? — Делись...» А может, и впрямь не слышали, потому что заржали еще сильнее, когда «гопник» буквально повторил шутку:

— У нас деньги делись. А нужно, чтобы они взялись...

Выдержав эффектную паузу и дождавшись, когда просмелые обожатели, «денди из подворотни» предложили конкретнее:

— Дойди до этого хмыря с голубями. Скажи, есть мешок отборной пшеницы. Всего за *пятакатку*. Он тебя расцелует за такую новость. А мы со своей стороны полтинник бросим. На видяшки про каратэ... — «гопник» хмыкнул, и на мгновение Андрею показалось, что сочиняющийся на глазах сюжет имеет подтекст, злой и безжалостный. Но интуиция прорезалась, к сожалению, лишь на мгновение.

— Так пойдете, сами сторгуетесь...

— А где это?

Андрей сказал.

— Не-а, мы на вашу «четку» (т.е. четную сторону улицы, — Ю.Ш.) не ходки, — и «денди из подворотни» нарочито плаксиво протянул: — Там нас би-и-ить будут... Пусть твой голубятник завтра вечером сюда придет. С деньгами. Тебе по секрету скажу, мешок с пшеницей уже здесь. Внутри Деда Мороза. Только не проколись! Значит, заматано: ждем твоего старикашку здесь, завтра в шесть вечера. Да объясни птичнику, что *стрелки прокальвать* (т.е. срывать встречу, — Ю.Ш.) — *заподляк*.

Андрей кивнул головой. Молча развернулся и потопал по прерванному пути. Два чувства боролись в нем. Одно — сильное и ясное — чувство победы над своей... ну, не трусостью, а нерешительностью: не пострашится в одиночку остановиться перед «гопотой», не драпанул, сломя голову, а даже *завязался* с ними. Это чувство приятно уравнивало его с Иваном Стерляжниковым: даже в бессстрашии они теперь братья! Второе чувство было поневнятнее и побеспокойней; оно толкалось, свербило и ныло где-то там внутри, где обитает так редко выслушиваемая нами интуиция. Во втором чувстве Андрей не стал разбираться.

Он наскоро известил старика-соседа о дешевой пшенице, а решения от него, тяжелоумного, не стал дожидаться. Не сторож же он соседу своему...

Как всякий пацан, Андрей, конечно, знал: где деньги и «стрелки» — там необходима особая осторожность, там следует десять раз удостовериться в своей неуязвимости. Хотя бы «базар» в уме прокрутить — не сболтнул ли лишнего (лишнее то, за что с тебя могут *снять* деньги). Но в собственной неуязвимости Андрей был бесспорен. Во-первых, Иван Стерляжников: (какой дурак попреет против этой силы?). Во-вторых, отец — капитан милиции: («гопота» *менлов* не любит, но ведь потому не любит, что боится!). А главное, впервые за свои шестнадцать лет Андрей почувствовал, что и сам не тюфяк, что собственная, по-девичночь хрупкая его оболочка научилась в нужный момент наполняться уверенностью и твердостью.

А дни все бежали. И каждая ушедшая минута рождала на просторах страны тысячи новых мальчишеских кличек...

Продолжим переключку кличек...

4

ГРИФ ОТ ШТАНГИ. «Крепкий, мускулистый парень».

Грифом называют ось, стержень, на котором держатся диски штанги. Это смелое оперирование

достаточно специальным термином заставляет нас вспомнить тех уродливых божков, на которых молятся большинство современных ребят. Божков с накаченными мышцами и туповатым, самодовольным взглядом.

Куль-силы...

Люмпенские «семьи» держатся на страхе. Чтобы утверждать страх в семье и вокруг нее — нужна сила.

ДЕСЯРИК. «Говорят, что в любом случае у него в кармане находится «десятка», но парень он хороший», — это сообщение респондента из Находки — находка для нас. Попробуем разобраться в противопоставлении: у него водятся деньги, но парень хороший. Откуда взялось «но»? Почему человек с деньгами должен быть заведомо плохим, а если это не так, то случай достоин специальной оговорки?

Все очень просто. Конечно, люмпен-подростки устремлены на добычу денег (не на зарабатывание — а именно на добычу). Но деньги для современных Соловьев-разбойников — не самоцель. Они нужны, чтобы сходить в ресторан, выпить, поесть, чуть приодеться. Они нужны для бессцельного прожигания жизни. Поэтому, естественно, они не должны залеживаться: зачем откладывать ресторан на завтра, если он открыт сегодня? Под такими взглядами человек, постоянно имеющий наличные, выглядит подозрительно.

Выходит, мы вновь наткнулись на Непривычного Нарушителя? На бунтаря в среде бунтарей? Не совсем так.

По некоторым дополнительным деталям, которые сообщил находкинский респондент, можно догадаться, что средства, какими Десярик добывает деньги, не выделяет его из люмпен-среды. Эти средства — вымогательство, примитивные формы рэкета, банальный грабёж. Но вот цели... Цели существенно разнятся. В то время как сверстники прожигают жизнь, Десярик озбочен накопительством. Он украдкой свернул к иным ориентирам. Его личные цели вдруг стали совпадать с общеодобряемыми, провозглашенными после августа 1991 года: сколотить первоначальный капитал, пустить его в оборот, стать частным предпринимателем.

Конечно, схема достаточно умозрительная. Я имею право заявить о ней лишь потому, что встречаюсь с другими ребятами и информационные пустоты в образе Десярика могу заполнить сведениями о тех, кто на него похож.

Так вот, Десярик — нарушитель в обеих системах координат. И в люмпен-подростковой системе. И в общесоциальной. При чем для второй он более опасен. Соглашаясь с целями общества, он компрометирует, ставит под сомнение эти цели: ведь средства целедостижения остаются порочными. Черного кобеля не отмоешь добела.

Я не знаю, как сейчас кличут Десярика. Сумма его карманных денег была названа задолго до нынешней инфляции. Может, он уже какой-нибудь Лимонщик. Но я вижу, что в стране все сильнее разгорается ненависть к подобным Десярикам-Лимонщикам. А следовательно — к идеям, предложенным всем нам.

ДОСТАЕВСКИЙ. «Парень славится тем, что может до-стать что угодно»

ЕВГЕШКА. Она же БАБА-ЯГА. «Евгешка или Баба-Яга — младшая меня зовут дома».

Перед нами так называемое фатическое, то есть бытовое, имя. Такие имена не всегда благообразны, но, как правило, они хранят в себе тепло семейных отношений. Разве не любовь превратила нейтральное «Евгения» в симпатичное «Евгешка»?

ЖУРНАЛИСТ. Парень из Владивостока любит писать на стенах туалета. Новизной и оригинальностью его «творчество» не блещет. «Писать на стенах туалета, увы...» и т.д.

Люмпенская субкультура использует все доступные способы самовыражения. Не взирая на характерные за-пашки...

ЗАЩЕЛКА. Девочка 15-ти лет из Екатеринбурга. «Класс поехал в колхоз и поселился в общежитии. Две-

ри оказались без запоров. Чтобы ночью в комнату девочек не врываются местные мальчишки, кровать, на которой спала Защелка, классная руководительница придвинула к двери».

ИЗАУРА. Ну как без нее?

ИИСУС. «Парень, которого все боятся и в которого верят как в бога».

«Высокая» кличка. Снова перед нами тень лидера, «законодателя» люмпен-подростковой субкультуры. На этой кличке я немного обжегся.

Ни одна субкультура не может быть наглухо отрезанной от мира. Ее монолит потихоньку подтачивают и ручейки восстанавливаемых ценностей, и ветры новых идей. На примере Десярика мы уже видели некоторую растерянность люмпен-подростков перед новыми экономическими установками. Идея накопительства и предпринимательства не отпугивает юных «люмпенов». Тем более, что в предпринимательство ринулась и боготворимая люмпен-отроками воровская каста.

Я пытался рассмотреть такую же подтачивающую основы субкультуры идею духовного порядка. И видел ее лишь в христианстве.

Ребята много думают о смерти и о смысле жизни. Это природа возраста. Возрождаемая в стране религиозность, соединенная с этими особенностями подростков, не может не дать плодов, — так мне казалось. И я стремился рассмотреть эти «плоды» в прозвищах. Как? Очень просто. Вычленив очаги табуирования.

Попробуйте найти хоть одного подросткового лидера, который носил бы кличку «Вор в законе» или превратил в свое прозвище фамилию местного «авторитета». Не найдете! Воры в законе, «авторитеты» слишком грозная для подростка реальность, чтобы посметь так называться. Подобная наглость может быть наказана.

Конечно, наивно ожидать от люмпенской субкультуры, чтобы там имя Божие не упоминалось все вообще. При подобном уровне религиозности субкультура бы исчезла. Но я надеялся, что религиозные веяния снизят накал антирелигиозного зубоскальства.

Ничего подобного! Клички показывают, что люмпен-среда по-прежнему индифферентна к вопросам религии (как, впрочем, и к вопросам атеизма). По городам и весям гуляют тысячи «Иисусов», «Апостолов», «Ангелов», «Святых троиц». Отсутствие даже намека на табуирование этих понятий показывает: купола строящихся храмов пока не видны люмпен-подросткам...

КВАС. «Недовольный, кислый».

КЕРЕНСКИЙ. Живет в Оренбурге. «Когда он облылся воздухоохлаждающим «Апельсиновый», стал нам кричать: «На колени, я — король, вы — холопы!» Мы решили, что до короля ему еще далеко, а вот Керенским быть — пожалуйста. Временно поправительствуй!»

По «семейным» понятиям, по нормам «братовства» Керенский, говоря языком подростков, двинул залуахер. Оскорбил со-товарищи, устроил бунт: сделал заявку на новую социальную роль... *Покоролить*, видите ли, ему захотелось!

Но «братва» отнеслась к новоиспеченному «королю» достаточно снисходительно. Даже словесно, с помощью клички, так бы могли отделать, — век не выберешься из низшей подростковой касты! Но нет... Лишь пожурили (согласитесь, в прозвище «Керенский» нет ни особой язвительности, ни особого оскорбления...!)

Отчего так произошло? Оттого, что парень «обпыхался».

Состояние наркотического опьянения послужило ему отпущением грехов.

Я неоднократно слышал от подростков, что особая прелесть разных дурманящих веществ в том, что после них «все равны, ни авторитетов, ни шестерок». Инга-

лянты, каннабиноиды и прочая *гурь* стали единственным «законным» поводом для своеобразных «Праздников непослушания». А эти «праздники» превратились в тот самый клапан, через который спускается пар недовольства. Таким образом самоорганизованные группы сохраняют свою стабильность, интуитивно выйдя на законы, давно известные социальным психологам и применяемые на практике (вспомните хотя бы резиновые муляжи руководителей японских фирм, которые рабочие в гневе могут отходить дубинкой).

Насколько тонки принципы самосохранения люмпен-групп, говорит один факт. Если подросток нарушил мораль группы в пьяном состоянии, — пощады ему не будет. Пьяные «базары» наказуемы! Могу объяснить это лишь одним: в отличие от наркотического опьянения, которое, если не «подзарядиться», — быстро проходит, алкогольное опьянение может длиться и день, и два... «Праздник же непослушания» затягиваться не должен!

КЛЮВЕНТУС. 16-летний парень страстно болеет за итальянскую футбольную команду «Ювентус». Прозвище объединило название команды и фамилию болельщика.

Кличка подсказывает, что спорт, как и техника, — в ряду непреходящих увлечений мальчишек. Наверно, не надо изобретать рецептов, как выгнать подростков из болота люмпен-культуры. Они сами подтверждают, что разные спортивные секции, технические кружки, прочие заданносоциализаторские группы этого направления — вот те точки опоры на зловонной поверхности болота, которые помогут выбраться к свету.

КОЛДУН. «В карты играет, как колдует: пассы делает, что-то шепчет про себя».

Ну вот и карты... Даже удивительно, что так поздно объявились в нашем беспристрастно-алфавитном ряду.

Карты — неотъемлемая часть подростковой субкультуры. Вот по улице бредет подросток. Не замечая прохожих, увлеченно тасует игральную колоду. По степени умелости, по разнообразию приемов тасования можно легко определить, кто перед нами: подросток ли, симпатизирующий «люмпенам», отъявленный ли носитель люмпенской субкультуры, новичок ли подражатель. По крайней мере, карточная колода в руках подростка — знак определенной «крутости», знак принадлежности к своим.

Почему именно карты стали опознавательным знаком? Почему так много места занимают они в жизни подростка?

Главенствующая подростковая субкультура ориентируется, как мы уже говорили, на культуру уголовно-воровскую. Там же карты играют выдающуюся роль. В силу особой воровской психологии.

Эту психологию еще в 1935 году попытался воссоздать в своей статье «Черты первобытного примитивизма» Д.С.Лихачев. Говоря о воре, уголовнике, он обратил внимание на то, что мы имеем дело совсем с иной психикой, с иным характером мышления. Психика, мышление это близко первобытному дикарю. И в первую очередь, в силу магического отношения к миру.

«В самом деле, — пишет Д.С.Лихачев, — ремесло вора чрезвычайно подвержено случайностям обстановки, полно риска и неожиданностей. Так же, как и первобытный человек, вор не приписывает «продукт своего труда» только счастливому стечению обстоятельств или только своим личным качествам. То, что мы называем суеверием и что является остатком первобытного магического сознания, возрождается с новой силой в воровской среде (...). У воров сильно развита вера в сны, в предзнаменования и приметы, большое место занимают гадания. Хорошие предзнаменования могут побудить вора на самую дерзкую кражу, плохие — возвращают его обратно с «верного дела»². Останавливаясь на кар-

² Цит. по сб. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Речевой и графический портрет советской тюрьмы. — М.: Края Москва, 1992.

тах, Лихачев поясняет: «Необычно распространенная в воровской среде игра в карты (притом способами, значительно отличающимися ее от обычной) носит характер своеобразного примитивного культа. Хороший игрок в карты («играющий») ценится не меньше, чем хороший вор. Достоинства игрока конкурируют с достоинством вора. Карты в сознании вора неразлучны с его профессией. По положению карт во время игры он судит о своем будущем, о предстоящей краже (...)»

Увлечение подростков картами — не только дань простого заимствования воровских законов. В конце концов, психика люмпен-подростка имеет те же корни, что и психика вора. Она также обусловлена магическим отношением к миру. А может, и больше: ведь внутренний мир подростка — в стадии формирования, его созревание не завершено. И еще одна причина привязанности ребят к карточным играм, прозаическая: карты приносят деньги. Изучив несколько шулерских приемов, молодые *каталы* (игроки-мошенники) умело обирают своих неопытных товарищей. Как это происходит, мы уже писали³.

КОНГ — из Новосибирска. Прозвище — усечение имени известного «киногероя» Кинг-Конга. Усечение это знаменательно. Все-таки «кинг» значит «король». А «королей» в подростковой группировке не может быть много. Вот Конгов — сколько хочешь! Объединяясь вокруг Кинга, Конги всех мастей образуют своеобразные боевые отряды.

КОШЕЛЕК. Саша — из Североуральска. Не так давно он случайно проглотил монетку. Пил сок, а монетку зачем-то держал во рту. Вот она и выскользнула. Сашина мама заметила: «Ну, раз у тебя в желудке деньги, то ты теперь кошелек!» Мальчик не только не обиделся, но, наоборот, сам стал представляться.

Каким теплом веет от этой клички!

Дорогой Кошелек! Пусть ни одна «семья» не собьет тебя с толку, ведь у тебя есть настоящая семья, в которой, судя по кличке, так тепло и уютно!..

КРЫСА. Поясняет юный оренбуржец: «У человека воровская мания. *Сидим на хате, весь хавчик — на общаке. Он ночью встает, — и что-то под подушку себе утащил. Скрысятничал! Утром съел один!*»

В этом примере интересна эклектичность подросткового мировосприятия. Рассказ о штрафнике начат с личной оценки, которую в пору вложить в уста самому строгому ревнителю базовой, общенародной морали. Речь — о «воровской мании». Но потом респондент спохватывается. Укорять штрафника в воровстве при людях, которым симпатичны воровские законы, — это значит создать ему неплохую репутацию. И вот наш респондент меняет тональность рассказа. Обычное общежитие в колхозе превращается в «хату». Тумбочка с запасами продуктов — в «общак». Эти слова становятся ключевыми, магическими. Ведь большинство из слушателей хоть краем уха да наслышаны о взаимопомощи воров в законе, о роли и значении «общака» (т.е. воровской кассы). Уже не важно, что под «общаком» юный рассказчик имеет в виду тумбочку с парой-тройкой консервных банок. В силу вступает магия блатного слова «общак». Эта магия переводит разговор об обычных правилах общежития на совершенно иной уровень — на уровень воровских законов.

В свете магических слов поступок Крысы достоин самой презрительной оценки. Место Крысы теперь — на низших ступенях иерархии.

Низшие ступени люмпенской иерархии должны быть многолюдны. Иначе «пирамида» окажется неустойчивой. Когда кандидатов на эти ступени недостаточно — их «призывают», вменяя в вину нарушения норм общечеловеческой морали. Но прямое пристрастие к такой морали — угроза люмпенской группе. Поэтому обычные

правила общежития маскируются под воровские законы.

ЛЕОНАРДО НЕДОВИНЧЕННЫЙ. «Автор фантастических, бредовых идей».

К сожалению, социологический подход к сбору материала не позволяет мне выяснить, о каких идеях идет речь. Об их характере можно догадываться... Ведь бредовыми они посчитаны в той среде, где кажется НЕбредовыми накуриться анаши, избить и ограбить сверстника, изнасиловать одноклассницу...

Еще один Непривычный Нарушитель, бунтарь в среде девиантов. На этот раз — из Башкирии.

ЛОПУХ. «Тот, кто не может защитить свои права». Респондент из Красноярского края называет по кличке еще несколько ребят, стоящих на ступенях бесправия: Курица, Лапоть, Лох, Пуфик...

Такие ребята — словно наивные аборигены перед миссионерами от люмпенской субкультуры. Им можно навязать свое мировоззрение. Их можно обобрать.

ЛЮБИК. «В 8-м классе решили «делать бизнес». Пошли на свалку. Там будущий Любик нашел красивую иностранную коробку с надписью «Любек». В ней оказался пакет с германским супом-таблеткой. Любик пришел в школу и какому-то папану младше себя предложил купить пакет. Объяснил, что это германская жвачка. Только ее нужно варить. Покупатель пришел домой. Бросил таблетку в кипящую воду. На запах супа в кухне появилась мать. И обман раскрылся. Тут же мать с сыном пошли к Любику выручать деньги. Деньги от Любики ушли — кличка осталась».

МАКАКА — из Нижнего Новгорода. «Интеллект — на нуле. На выпускных экзаменах по геометрии с трудом нарисовал квадрат и равнобедренный треугольник, а параллелограмм начертить так и не смог».

Кличка «Макака» интересна тем, что она — ярлык со стороны «законопослушников» заданносоциализаторского коллектива. В люмпен-группе «заучки», т.е. те, кто стремится к знаниям, авторитетом не пользуются. «Макаки» там в большем почете. Перед нами тот нечастый пример, когда с помощью прозвища навязываются общице моральные нормы, в частности — стремление к знаниям, грамотность.

МАТНЫЙ ГНОМИК. «Маленького роста. Постоянно выражается матом».

Как и карточные игры, нецензурная брань имеет для подростка особый магический смысл. Под вуалью отропческой бравады скрыта вера в силу матерного слова над неодушевленными предметами. Подросткам кажется, выразись покрепче — и цепь мотоцикла встанет на месте, и финка воткнется в нужное место забора, и легче оторвется брус парковой скамьи.

Вера в магию матерка впитана с молоком матери. Ведь во многих люмпенских семьях нецензурная брань — заурядное явление.

МОКРАЯ. Девочка живет на улице с таким названием. Этот тип дворовых антропонимов весьма распространен. Даже от малышей иногда можно услышать: «Эй, Ленины! Пошли Карлов Марксов бить!» — т.е. юные жители улицы Ленина призываются в боевой поход на улицу К.Маркса.

Почти всегда в самоорганизованные группы подростки объединяются по узкорегionalному принципу: часть улицы, несколько дворов. Название конкретного уголка города (или заменяющий его топоним) становится коллективным прозвищем группы, а для каждого ее участника — видовым именем.

«МЫМР-21». Парень-москвич сделал на спортивной майке трафаретную надпись, не имеющую никакого смысла: «Мымр-21».

Ну, не может подросток быть внешне безлик! Внутренне — пожалуйста, а внешне... Любой стандарт в

³ См. очерк «Братья приезжие». — Уральский следопыт, № 8, 1989.

одежде пытается индивидуализировать. Либо какую-нибудь фенечку пустит в ход: например, выгнет из канцелярской скрепки сердечко и прицепит его к лацкану пиджака. Либо те же трафаретки... (В моем собрании кличек есть еще несколько «экземпляров», рожденных подобным образом: бессмысленное «Schrak-5» и «Рон», что значит «Фу!» в английском написании.)

ОПАРЫШ. «Прогуливая школу, шлялся и ночевал, где поало». До этого, говоря о люмпен-подростках, мы имели в виду все же их происхождение. Делать выводы о сформированном люмпентстве было бы несправедливо. «Надцатилетние» растут, их преимущество — молодость, запас сил. Не каждую душу сможет разьесть ржавчина люмпенской культуры. Многим ребятам еще можно помочь.

А вот Опарышу помочь уже трудно...

Пробегут дни юности. И новый бомж или вор в законе волеется раковой клеткой в кровь социального организма...

5

...Бежали дни, и прозрачные фиолетовые сумерки готовились отстать от мерного хода времени: до перевода будильников на летнее время оставалось три дня. И столько же — до конца каникул.

В эти, почти безмянные часом, сумерки Андрей вышел из дома и направился в ДК металлургов. Десять минут потерял, топчась на остановке, пока не вспомнил, что из-за распутицы маршрут автобуса «Новостройка — Центр» сокращен. Сразу сорвался бежать. Запыхался. Перешел на торопливый шаг, перемежаемый перебежками.

Он опаздывал на сеанс нового боевика «Кровавый спорт» с Жаном Клодом Вандаммом в главной роли. Опаздывал ненамного, но очень не хотелось пропускать титров: с недавна он завел записную книжку, куда тщательно заносил названия фильмов о восточных единоборствах, имена режиссеров и исполнителей главных ролей, а так же всякие каратистские прихваты, щедро разбросанные по видеосюжетам; наименования приемов, их сленговые обозначения, мудрые советы учителей. Полушута, полусерьезно готовился обеспечить Ваньке Стерляжникову теоретическую часть.

До начала сеанса оставалось три минуты, когда он поровнялся с Дворцом культуры. Осталось перерезать полосу реписа и ирги и пересечь площадь со снежными фигурами. Тут его и окликнули.

Увидев «денди из подворотни» со своей компанией, Андрей лишь досадливо поморщился: вовремя все-таки не успеть. Дай бог, начало видика задержат на минуту-другую...

— Ты че, мужик, остановился, — закуришь, что ли, хочешь? — сипловатой угрозой прервал Андреевы размышления главарь «гопников». — Иди сюда, гвоздь временный!!!

Андрей вмиг почувствовал в себе много-много страха, так много, что даже успел удивиться, куда же он вменяется, страх, ведь в его душе уже поселились твердость и уверенность — на вечное, кажется, поселение. Но страх разогнал все.

Можно было сорваться... — бегал он хорошо, да и дышалку отрегулировал, когда спешил в ДК, — но надежда, что с ним все-таки шутят, и страх, как засасывающая топь, страх, заставили Андрея сделать несколько шагов к усохшему Деду Морозу, к толпе у скамеек.

Мгновенно три человека отделились от толпы. Встали позади Андрея, отрезая путь к отступлению. А дугоносый неторопливо подошел. Медленно, расчленяя движения на фазы, поднял руку. Сжал ладонь в кулак. И вдруг ударил Андрея в шею (одна костяшка задела кадык)! Отвел руку, — теперь она, направленная на Андрея костяшками кулака, нервно подрагивала перед лицом экзотической змеи.

Андрей поперхнулся от боли. («Эти костяшки назы-

ваются у каратистов кентосы», — промелькнула в голове никчемная мысль.) Андрей бросил на горло свою руку — защитить кадык — и после мучительной паузы прошептал:

— Ну... подождите...

Сбивчивое дыхание сделало его слова вялыми и невинственными. Потому не определилось: то ли это угроза, то ли просьба о пощаде.

«Денди из подворотни» опустил кулак.

— Мы долго ждали, — сказал он. — Целых четыре дня. Ты слушаешь нас, волк *тряпичный*? 25 марта, как и договаривались, мы ровно в шесть были здесь. Твой голубятник *проколол стрелку*, не пришел старый пераун. Ты думаешь, мы материли его? Нет, тебя, *бык недогоенный*! Отматерили и постановили: ладно, снимаем с тебя премию. Помнишь, *полустоку* обещали за услуги? 26-го мы тоже были здесь — тишина! Про старика мы уже не вспоминали, мы тебя, родимый, ждали! Что придешь, объяснишь: так, мол, и так, ребята, *прокол*, пускайте свой товар в другой оборот. Ты бы нам отдал сотню — и все было бы *правильно*! Много — сотню? А ты как хотел: деньги не в Деда Морозе лежать любят, они оборачиваться любят. За два дня из *стохи* мы бы *пятыкатку* сделали. А по твоей подлости — не сделали.

Мы и на третий день пришли. Уже интерес разобрал: неужели не явишься? Неужели *весь в понтах и на ногах фигушки*? Ты и на третий день не пришел. Ну, думаем, выдать у него денег, как у *дурака фантиков*. И записали на тебя еще сотню *рваненьких*. Порядка ради.

Ты же понимаешь: мы за это время первоначальный *наличман* сотен в десять окружили бы. И сегодня вот пришли. Сидим, спорим, сколько на тебя записат — то ли тысячу, то ли полторы. И вдруг Козыва решил в Деда Мороза заглянуть, посмотреть, не проросла ли наша пшеница. Заглянул и говорит: «А пшеницы — бак (нету — Ю.Ш.)!»

Тут у меня *матка на минус!*

Встал, проверил. Точно, нет нашего мешка! И я — ребята очевидцы! — сказал: «А вот это — *беспредел*. Тут даже друзья-каратисты *не впрягаются*». И потому я решил...

— Врешь! — тоскливо пробормотал Андрей, чувствуя под ладонью, так и не отнятой от шеи, бегающий кадык. — Не брал я твою пшеницу! Ты специально... У меня отец в милиции... Я скажу — он найдет твою пшеницу... А я не брал! Отец докажет...

— *Пену на меня гонишь?* — сквозь зубы процедил «денди» (челюсти не шевельнулись, их линия по-прежнему повторяла изгиб вздернутого носа). — *Ботву схавать предлагаешь?* Да еще ментами погугиваешь, а? — «гопоток» снова установил в воздухе локоть и кулак правой руки в подобие змеи. — Не страшен мне твой папаша!

— Я знаю, кто тебе страшен. Ванька Стерляжников! Подожди, допросишься...

— Это каратист, что ли? — спокойно спросил дугоносый. — И каратист не страшен...

Он, не опуская кулака и не оборачиваясь ни на кого, медленно шевельнул пальцем.

Андрей почувствовал, что его крепко схватили за руки.

Дугоносый еще раз шевельнул пальцем. Из-за его спины выдвинулся радостный хмырек лет десяти — вероятно, тот самый юный разведчик Козыва. Он прижимал к груди дрожащую дворнягу, грязную и в репях.

— ...а почему не страшен, объясню, — сказал «денди». — Ты не дослушал моего решения. Я постановил с тобой *не бакланить* (не проводить бесцельно время, — Ю.Ш.). И *неустойку* с тебя не требовать. Тысяча с небольшим рублей — это *не больно!* Мы решили тебя просто *опустить*. Не отпустить, а *опустить*...

«Денди» взял дворняжку за шкуру.

— Открой-ка рот. Тебе Шарик *пару кончиков завалить* хочет. Потом об этом узнает весь город. С тобой не то что каратисты — последняя босявка разговаривать не

будет! — «гопник» в животной злобе проговорил последние слова. И со всего маху ткнул в лицо Андрея мокрым животом собаки. Андрей почувствовал, как испуганный пес царапнул когтями по его щеке. Потом увидел этого пса на снегу, с поджатой лапой. Под лапой розовой кровяниной виднелся след. Собака была теперь свободной — но не уходила. И Андрей был свободен — но ноги окаменели.

— Теперь ты Понос, запомни! — в ослаблении сказал «гопник», развернулся и зашагал вдоль полосы репейника, обламывая на ходу ветки. За ним двинулись остальные.

Только Козывка задержался и звонким (наверняка, в летних лагерях начинал речевки) голосом выкрикнул:

— Тебя не мамка родила, тебя *пидар* в овраге выс...!
Компот тебе в рот и кидо печенья — только не все сразу!

Андрей медленно опустился (о-пус-тил-ся!) на снег. Провалился к остову Деда Мороза. И расплакался.

Соль слез развела свежую царапину. Штанины промокли от выдавленной из снега влаги. Осколок бутылки, раскровавив, жег ладонь. Но все это было вне реальности. Реальность же сузилась до поскуливающего Шарика, который виновато лизал ему руку, да до эха, не остывающего в ушах:

— Понос... Понос... Понос...

6 Прости, мой герой! Я не могу остаться вместе с тобой, не могу помочь тебе, ибо следую извилами твоей уже *свершившейся* судьбы. Позволь мне закончить мой печальный алфавит. Позволь мне быстрее проскочить букву «П», чтобы рука не успела вписать туда твоего нового прозвища...

ОХОТНИК. «Когда класс послали в колхоз «Сухоречка», пацаны по ночам *тырили* трактор — покататься. Охотник получил кличку за то, что любил на тракторе давить кур. Кончилось все тем, что однажды в пылу погони он утопил трактор в речке».

Подобные действия на языке подросткового сленга обозначены так: *гурковать*, *валять гурку*.

Когда существование бесцельно, главная цель — избежать скуки. Вот и рождаются идеи одна абсурднее другой. Один топит в реке трактор. Другой поджигает беседу детсадика. Третий мочится на прохожих с крыши четырнадцатизэтажки. Кто кого перещегоает!.. Главное — чтобы запомнилось, чтобы было о чем поговорить в часы новых сук.

Подобные ритуалы преодоления скуки занимают важное место в жизни люмпен-подростка. Доблесть отличившихся закрепляется в прозвищах. Такие прозвища — как памятные награды борцам со скукой.

Однако — то ли по подсказке собственного взросления, то ли под влиянием общечеловеческой культуры — внутренне подросток чувствует никчемность подобных развлечений и их серьезность прикрывает сленговым «дурковать». Магия самообмана!

ПАН ЛУКОВИЦА. «Попросишь у него поесть — выносит из дома один лук. Даже без хлеба. А в ладони — соль. Лук жрет, как яблоки».

Не состояни ли люмпенских холодильников отражает это «погоняло»? Да что там люмпенских, — холодильников большинства семей...

ПОСОЛ. Челябинцы объясняют: «Он *шестерит*, прислуживает, на побегушках».

Вероятно, мальчик не «опущен» на дно группы, а с самого начала играл навязанную роль подручного. Чаще всего это бывает с малышами, завербованными в «семью». В отличие от тех, кто низведен с пьедестала власти, у Посла есть шансы подняться на более почетное место. В его кличке, достаточно уважительной, — намек на временность положения.

Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. И уж совсем никудышные генералы, если не дают такой надежды своим... *шестеркам*.

ПРОФЕССУРА. «Хочет стать заучкой, профессором».

Уже знакомое нам неприятие образования. Образование в люмпен-группах подменено натаскиванием, передачей криминального опыта, дрессировкой, если хотите.

СЕМЬ «Б». Екатеринбургский респондент: «Восемнадцатилетний парень, пытаюсь «отмазаться» от армии, лег в психушку. В его военном билете поставили штамп о комиссовании с номером статьи «7-Б».

Есть в нашей «коллекции» сходная кличка — «Шестой Батальон». В прозвище вынесен номер другой статьи: «6-Б».

В начале 1993 года Министр обороны России генерал П.С.Грачев дал интервью «Аргументам и фактам». Он сказал: «На учете состоит 1 млн. 814 тыс. призывников, не могут быть призваны 1 млн. 397 тыс., это 77% от общего количества призывников».

Министр имел в виду потрясающую картину физического нездоровья современного отчества (прозвища, подтверждающие это, мы опустили, оставили для отдельного разговора). Но представленная картина — это картина и гражданского нездоровья. Растет число симулянтов. Подростки не желают служить Родине. А может, не понимают, чего им забылось на горячей границе Таджикистана, в Абхазии, в других военно-политических клоаках.

Но «отмазаться» от армии могут не все. Для этого нужны связи, знакомства, деньги — все то, чего лишены семьи люмпен-подростков. Избегают армейской службы другие. А мои герои — «Есть!» — и бритоголово, пьяно-разудало собираются на призывных пунктах. И несут в армию свои законы. Лепят из взводов и рот подобие дворовых «семей».

ТАРАКАН. Про этого недоросля из Североуральска рассказывают, что ради самоутверждения он съел на уроке таракана.

Думайте про этого ребенка что хотите... Я вижу одно: растерянную, несостоявшуюся личность... Подростка, зажатого, словно зернышко, меж двумя жерновами. Один жернов — общенародная культура. Культура, которая из-за нынешнего политико-экономического кризиса страдает аномией, то есть отсутствием норм, их неустойчивостью и противоречивостью. Второй жернов — субкультура люмпен-подростков. Здесь нормы жестко выверены, строго соблюдаются, но радости ищущей душе не приносит.

Как в этих условиях «построить» себя, сделать себя значимым? На что ориентироваться? На маяки, КОТОРЫЕ НЕ СВЕТЯТ? Или на маяки, КОТОРЫЕ СЖИГАЮТ?

Не мудрено растеряться. И связать свое собственное самоутверждение с тараканом. Но ни одна еще Личность не утвердилась в тараканьей суетливости...

Иногда мне хочется верить, что пятна люмпенской субкультуры, часть которых мы попытались воссоздать в этом очерке, — всего лишь камуфляж, заброшенный на нынешнее поколение, разнококое, ломкоголобое, по нижней своей грани еще и понятия не имеющее о слове «кондом», а по верхней — уже уныло топчущееся в очерках к молочным кухням... А дерни этот камуфляж — и предстанут миллионы незатуманенных глаз. В зрачках — отражения Маяков. Ведь светят эти Маяки, светят, несмотря на безвременье. Их ровный свет пробивается к нам из прошлого, их сигналы указывают путь в будущее. А уж если поднять голову к Небу...

И я ищу мальчишек и девчонок, которые невзирая ни на что, знают направление своего пути, видят свет на собственном курсе.

ХОТТАБ. «Верит в сказки. Найдет блестящую палочку».

ку, поднимет и всем говорит: это волшебная, теперь я смогу сделать три добрых дела».

Как хочется именно на этом оборвать нить рассказа. Но...

7 ...В половине четвертого утра приходил «барыга» — рабочий поезд из областного центра. Андрей покосился на «кукушку»: оставалось полтора часа. Через полтора часа Ванька Стерляжников будет в городе. Он выйдет из вагона, заранее улыбнется, отыскивая в горстке встречающих его, Андрея. И удивится, не отыскав: ведь договорились... Он, скорее всего, пропустит автобус, который специально дожидается пригородного. Решит, что Андрей топаёт пешком, опаздывает, — и его нужно ждать. Останется на перроне один. Прислонится к бетонным кольцам ограды. Поднимет голову. И вдруг увидит на белоснежном после недавнего ремонта фасаде вокзала крупную надпись, набрызганную голубой нитрокраской: «АНДРЕЙ Ф. — ПОНОС, ПАТАМУШТО ЧОРТ ПОКОЦАНЫЙ».

И все поймет друг Иван Стерляжников. Единственный друг. Незаменимый. И — бывший.

Он презрительно сползнет в сторону надписи. Раскроет спортивную сумку, вынет оттуда значки с гербами городов, которые купил специально для Андрея (Андрей просил для коллекции), — и швырнет эти значки в урну. А когда станет застегивать замок сумки, увидит на руке наколку «БР» и брезгливо передернется: «Бр-бр-р-р!!!»

«Из-за какого-то Поноса автобус пропустил», — зло подумает он и двинет домой пешком. А на маршруте, на самых видных местах, как шкодливые доносчики-шестерки, его будут поджидать надписи: «АНДРЕЙ Ф. — ЧМО», «ПОНОС — ПЕТУХ!», «ПОНОС+ШАРИК=ЛЮБОВЬ» и много других. «Гопота» расстаралась. Даже фамилию Андрея откуда-то вызнали, — хотя чего уж хитрого в маленьком-то городке!

Андрей так ясно представил себе Ванькино возвращение, что даже услышал легкий, энергичный скрип снега под окнами, показалось, что скрип смолк там, где на стене синела безграмотная надпись в рамке: «СДЕСЬ ЖЫВЕТ И РАБОТАИТ ПОНОС».

Волна отчаяния катанула вдоль спинного хребта Андрея, хотя это отчаяние так прочно вкипело в каждую его клеточку и в каждую пору, что вроде не способно было сбиваться в волны. Андрей прогнулся в кресле, как эпилептик, коряво выбросил вверх руки с дрожащими пальцами, словно потянулся к кому-то неведомому... За помощью... За советом... но не знал, кто может откликнуться на его порыв, такой некрасивый, но подчинивший всего Андрея без малейшего отвлечения.

Не знал Андрей, кто может понять, когда не понимают отец и мать.

Не знал, кто может утешить, когда не веришь в утешение друга.

Не знал, ради кого стоит терпеть унижение.

Не знал такого Имени, одно упоминание которого вселило бы надежду.

И вдруг вспомнил: столичная знаменитость!.. Известный экстрасенс, о котором рассказала профсоюзная газета. Это он обещал войти фантомом в любую квартиру — только позови. Обещал вылечить зубы и вдохнуть веру... Обещал дать совет, погладить по голове и даже посидеть у желающих на коленях.

Андрей замер на миг. Опустил вздернутые к небу руки. Отыскал локтями опору, вернулся в кресло. Когда-то он смеялся над саморекламой экстрасенса, — и хотел еще смеяться, уже с Ванькой. Но сейчас от того былого настроения не осталось и крох-замет.

Андрей подобрал колени под подбородок. С замиранием оглядел холодную, крапленую грязными бликами сосулек комнату. И тихо, шепотом позвал:

— Товарищ экстрасенс, а?.. — слово «господин» не смогло выговориться.

Скрипнула дверца в настенных часах. Андрей затаил дыхание. Но потом сообразил, что там, в затенении, высунулась на миг безголовая кукушка, чтобы известить о новом полчасе. Значит, три... Через полчаса придёт «барыга»... Нужно торопиться.

— Товарищ экстрасенс, — повторил Андрей. — Придите, пожалуйста... Очень надо...

Прислушался. Стояла глухая тишина. Даже холодильник и трубы отопления не пели своих урбанистических песен. И сосульки за окном чего-то дожидались — не роняли капель.

И тогда он понял, что все это вместе — Он и равнодушное к нему Пространство — и есть вселенское одиночество. Никому в этом безграничном пространстве нет дела до отчаявшейся пылинки по имени Андрей Ф.

С отстраненным любопытством он вдруг ощутил себя так, как когда-то в стоматологическом кабинете, где врач ловко сделал ему новокаиновую блокаду больного зуба. Только на этот раз «укол» пришелся вовсе не в десну, — во внутрь его существа, и оттуда расплодилось замораживающее бесчувствие, захватывало его эмоции, мысли, его хрупкую оболочку.

Андрей встал. Вытащил из-под подушки блокнот с записями о каратэ. Раскрыл его. Положил на подушку — на неверную, ускользящую опору. Коротко пробежал ручкой по чистой странице: «Не верьте этим словам. Шарик меня только поцарапал».

Невидяще посмотрел на каракули, на разбитые мягкой подпоркой буквы. В слове «сволочи» проскользнула описка, но он ее не заметил.

Положил блокнот в карман. Вышел в прихожую. Снял с вешалки отцовскую кобуру, небрежно прикрытую шинелью.

...Он вышел за город и стал подниматься по пологому степному плато, туда, где над выступами сланцевых пород слабо значились звезды. Воздух был прозрачно-фиолетов. Снег светился холодным молоком, обнимая фиолетовые же проталины. Если кто и смотрел из городских окон на вздымающуюся к небу степь — вряд ли заметил, как карабкается по ней одинокий путник, потому что фиолетовая в молочных разводах «варенка» на нем — ну, не масхалат? — сливалась с пространством. Безжизненная, спящая степь...

Наверху, у сланцевых плит, Андрей остановился. На город оборачиваться не стал. Отыскал в распахнутом под ногами пространстве вереницу тусклых лампадных огоньков, — это спешил к городу веселый пригородный. И в одном из вагонов наверняка не спал Иван Стерляжников.

Андрей заторопился, потому что сквозь обезболивающую блокаду вселенского одиночества уже подкрадывалось к нему несмиримое желание жить, жить...

Он суетливо растегнул кобуру, вытащил «Макарова». Пистолет выскользнул из руки, Андрей подхватил его ручкой кверху. И в краткий миг синяя наколка Андреевой ладони слалась с номерным знаком на вороненой стали: 3589-АТ.

За помощь в работе над очерком автор благодарит Юлию Безруких, Игоря Бессонова, Евгения Воловича, Василия Дьяченко, Андрея Звездина, Евгения Змеева, Асю Исмаилову, Юлию Кабакову, Дениса Каргаева, Елену Кобякову, Наталью Кравченко, Олю Куликову, Олю Лямину, Антона Митяева, Андрея Митяшина, Тимофея Нестика, Юру Оськина, Алексея Садыкова, Александра Трухина, Мишу Ударенко, Диму Черникова, Виктора Черникова, Сергея Шibaева, Олю Шпектрову и сотни других юношей и девушек. ■

РУМЫНСКОЕ ВИНО

Семен ШМЕРЛИНГ

...Батарея оказалась целехонькой. Артиллерийские расчеты сидели у орудий, комбат, взводные и старшина — у командирского окопчика. Их лица хранили блаженное, чуть глуповатое выражение, какое бывает у людей, которых по счастливой случайности обошла смерть. С полчаса тому назад тройка наших штурмовиков, «горбатых», как мы их называли, ударила реактивными снарядами по своему переднему краю, что редко, но бывало; потом летчики винили устаревшие топокарты — мол, подряд три безымянные деревни. У дальнего степного холма взметнулся фонтан огня, дыма и бурой земли. До нас донесся рев и грохот. «Да там же первая батарея», — мелькнула у меня мысль. Заверещал полевой телефон. «Бегом к Левадному» — приказал командир полка. — Если что, примешь командование». Я помчался во весь дух, за мной едва поспевал пожилой боец Никифоров, ангел-хранитель. Тяжело дыша, мы остановились у чудом сохранившейся батареи.

— И чегой-то вы примчались? — нарочито удивился комбат-1. — Или своих забот нема?

— По тебе соскучились, — огрызнулся я, еще не отдышавшись. — Что это у вас там горит, за бугром? — спросил, уже догадавшись, что именно этот отрог холма спас людей и орудия.

— Пустяки, бочки старые. Жаль — порожные. Да вы садитесь, отдохните, вон как ухайдакались. Весна, а почет, как в июле.

— Да уж, пить хочется.

— За чем дело стало? Бутенко, напои дорогих гостей.

— Слухаю, — ответил ровесник нашего Никифорова. — Айн момент.

Он отправился к нестандартному окопу, скорее ямине, вытащил из нее трофейную канистру и из нее наполнил котелок.

— Погодите, — забеспокоился я. — Полковнику надо доложить. Небось икру мечет.

— Доложено. Пока вы кросс бежали, мы линию восстановили.

Мы с Никифоровым вольготно расположились на сочной траве. Котелок был прохладен: ключевая вода, что ли? Только поднес ко рту, понял: вино, да еще какое, янтарное, с нежным букетом. Оторваться от него было трудно. Осушив полкотелка, я смутился: не мне же одному.

— Пей, не жалея, — ободрил Левадный. — У нас это добра через край.

Мы с Никифоровым налили «под завязку». Я слушал рассказ комбата и удивлялся какой-то особой ясности мыслей, просветленности и покою. Чудо, а не вино.

— Наши «горбатые», — рассказывал комбат, — страшнее ихних «лаптежников». К «юнкерсам» вроде

попривыкли. Пикируют, режут, свистят, из кассет бомбы сыплют. А от наших, родимых, вообще спасу нема, все режут и выжигают. Не дай бог...

— Ладно, поговорили, пора и честь знать, — решил я и стал прощаться, благодарить за угощение.

— Что ж, идите.

Я стал подниматься, но, странное дело, голова оставалась ясной, а ноги ослабели, точно ватные. Понял: вино-то с подковыркой.

— Не переживай, — успокаивал Левадный. — С полчасика погостите, а то в одном полку, а видимся редко, потом хоть бегом бегите.

— Где же вы такое вино надыбали?

— Та видите, товарищ старший лейтенант, — ответил Бутенко. — Тут близенько у румынов подвалы винные. Огромные, бочек там видимо-невидимо.

Ну уж, погибает наверное, а впрочем... Вина в этих краях разлитое море. Когда переправлялись через реку Прут, то наш Никифоров, еще первой мировой войны солдат, вспомнил соленую присказку: «Русские за Прут, немец — за Серет» и стал румынские вина хвалить — и вкусны, и нежны, и крепки. Вскоре солдатский лексикон обогатился словечком «виноискатель», производным от миноискателя. То был длинный штырь с заостренным концом. Им бойцы прощупывали приусадебные земли у барских поместий и нередко находили бочку-другую доброго вина. Такое бывало. Но чтобы «огромные подвалы» да еще на поле боя? Ну...

— Что, не верите? Пойдемте покажу. Тут недалечко.

Мне тогда было двадцать лет, и хотя два года из них уже схарчила война, все-таки в глубине моей души затаилась детская страсть к неразгаданным тайнам, неоткрытым островам. Уверившись, что ноги стали потверже, сказал «пошли» и вместе с Никифоровым зашагал за Бутенкой. Мы спустились в низину, прошли по узкой тропинке и увидели довольно широкий лаз с идущими вниз ступеньками, заботливо выложенными досочками от снарядных ящиков. Вслед за провожатым спустились под землю, в просторный, с устоявшимся кислотным винным запахом тоннель. Бутенко зажег немецкий фонарик, и яркий пучок света открыл тянущиеся вправо и влево ряды одинаковых бочек. Они терялись во мгле. Мы с Никифоровым молчали, пораженные. Вдруг за бочками кто-то ворохнулся. Я и Никифоров мигом присели, изготовили оружие: пистолет и карабин.

— Не надо, — негромко произнес Бутенко. — Тут не воюют. Пушки-то опустите.

Что это за чудо на самом переднем крае, точнее, на нейтральной полосе, если таковая вообще существует, вдруг такой мирный уголок? Не снится мне, не чудится

ли? По-хозяйски оглядев бочки, Бутенко выбрал одну из них, легко вынул пробку — видать, не в первый раз — и опустил в отверстие шланг. Вино потекло в канистру. Спокойствие и уверенность старого солдата передались нам, и я, как бы освободившись от чувства опасности, глубоко вдохнул терпкий пьянящий воздух. Ну не сказка ли это?

За бочками кто-то снова ворохнулся, и в тусклом отблеске бутенковского фонаря показалась удаляющаяся фигура немца, он шагал неспешно и даже — или это показалось? — прощально махнул нам рукой. Да-а, очевидно, солдаты двух воюющих армий, обнаружив винные подвалы, по негласному уговору невозбранно посещали их. Что еще подумать? Не собирали же они мирную конференцию?

— Вы что, договаривались с фрицами? — все-таки сомневаясь, спросил я Бутенку.

— Ни... А так, без разговоров, ихний махнул рукой, наш ответил, и полный порядок. Вина-то всем хватит...

Возвращаясь на свою огневую позицию, я отметил, что передний край как-то притих, разве что раздавались с той и другой стороны редкие, словно ленивые, выстрелы. На нашей батарее тоже прознали про подземные клады, и в артиллерийских расчетах появились котелки, ведра и канистры, наполненные вином. О подвалах заговорили не только в полку, но даже в корпусе и армии, при этом размеры подвалов все увеличивались, они простирались то на километр, то уже на три, а однажды я услышал, что даже на шестнадцать и принадлежат якобы самому румынскому королю... Да.

Движение с двух сторон усиливалось, прошло еще пару дней, и не только пехотинцы, танкисты и пушкари, но и ближние тыловики потянулись к меняющим складам. Очевидно, то же самое происходило и у немцев. Беспорядочные перемещения противника становились опасными, кое-где возникали короткие стычки. Скоро в самом подземелье загремели выстрелы, но и суток не прошло, как они сменились тишиной и спокойствием.

Что же случилось? Василий Никифоров, совершив очередную вылазку в подвалы, рассказал: у прохода с нашей стороны помещено объявление, которое определяет порядок пользования винным довольствием. На дощечке написано на двух языках: «Русские — с 22.00 до 2.00, немцы — с 2.00 до 6.00». И якобы такие же оповещения имеются у других входов в подземелье. Пошли разные слухи, одни говорили, что придумала и написала такое объявление переводчица разведотдела штаба корпуса веселая и озорная девушка-лейтенант, другие считали, что их автором является служащий в нашем полку ефрейтор Фридрих, поволжский немец, записанный по матери русским. Кто знает... Пожалуй, такую нехитрую фразу мог сочинить любой красноармеец, освоивший несколько немецких слов, а возможно, и немец, нахватавшийся русских. Во всяком случае, в нашей батарее бойцы отметили, что объявление это составлено обдуманно, время для помещения богатейших складов выбрано наиболее благоприятное для обеих сторон — вечером, ночью и ранним утром; день как наибо-

лее опасный и от неприятеля, и от своего начальства, исключался. И немцам и русским отводилось одинаковое время — четыре часа, поровну, без обид.

Прошло еще некоторое время, и неожиданно на нейтралке раздались глухие взрывы. Стало известно, что возмущенный тайным и недопустимым братанием с противником и постоянными винными возлияниями командующий нашей армии приказал уничтожить дразнящие личный состав соблазны. Были отряжены саперы, которые и подорвали бочки с выдержанным румынским вином. «Ну вот, кажется, и закончились тайные походы, наступил сухой закон», — так я подумал. Но оказалось, зря, недооценил солдатскую смекалку и находчивость, как русскую, так и немецкую.

Не миновало и трех часов после подземных взрывов, как у старшины батареи я увидел пяток котелков, наполненных янтарным вином.

— Откуда? — спросил строго.

— Да все оттуда же, — признался он. — Никифоров с ребятами принесли.

— Там же все взорвали?

— Так точно... Только оно-то самое не взрывается.

Вышло так, что десятки, а может, сотни бочек разлетелись на куски, а вино разлилось по утрамбованному за многие годы глинистому грунту. И потекла по подвалам винная река, а представители воюющих армий быстро оценили обстановку и приняли решение. При этом еще одну неоплаченную службу сослужила солдатская шинель. Известно, что она и перина, и подушка, и одежда, и одежда, и скатерть-самобранка, а тут ее приспособили в качестве фильтра. Одним котелком зачерпнув вино из потока и через полу шинели бережно перельют, процедают в другой. Попробуют — подходяще вполне. И снова в означенное время потянулись с двух сторон к приманчивым подвалам бойцы.

Но, увы, ничто не вечно: пришел приказ, и наш фронт двинулся вперед по румынской земле, оставив позади нежные, ароматные, радующие душу напитки и такую желанную неделю замирения, почти без выстрелов и разрывов.

Вскоре нашу армию погрузили на эшелоны и переправили в Польшу. Она сражалась на Висле, под Варшавой, шла с боями по Германии, брала Берлин. Все дальше и дальше уходили мы от благодатных подземных сокровищ и нет-нет вспоминали подвалы с румынским, быть может, действительно королевским вином, такие короткие и чудесные дни и ночи мира среди долгих-долгих боев. Вот и теперь, спустя столетия, возникает в моей памяти та удивительная, кажется, невероятная пеллея, вроде бы невыдуманный анекдот из времен второй мировой войны. Но ведь все это было, было. Солдаты воюющих армий сами, без начальства, без политиков, как бы и не договариваясь, договорились и заключили мир.

Может, и в наше суровое, смутное время взять да и повторить такое? Неплохо и с чашами доброго вина... Стоит попробовать, не правда ли? ■

СВЯТОЙ ГРААЛЬ

Спартак АХМЕТОВ

У знаменитой сатирической писательницы Тэффи есть стихотворение, расцвеченное различными драгоценными камнями. Об изумруде она пишет так:

Меркнет, манит Изумруд:
Сладок яд зеленой чаши,
Глубже счастья, жизни краше
Сон, в котором сны замрут...
Изумруд! Мани! Мани!
Вечной ложью обмани!

Замечено, что когда люди устают от войн, пожаров и крови, из моды выходят кроваво-красные рубины, а цены на зеленые камни — изумруды, жадеиты, хризолиты — взлетают до звезд. Глубокий зеленый цвет камня умиротворяет, успокаивает душу. Что же касается зеленой чаши в вышеприведенной строфе, то речь скорее всего идет о чаше святого Грааля.

Святой Грааль упоминают в монументальном средневековом романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль»:

И перед залом потрясенным
Возник на бархате зеленом
Светлейших радостей исток,
Он же и корень, он и росток,
Райский пар, преизбыток зменого блаженства,
Воплощенье совершенства,
Вожделенный камень Грааль...

(Перевод Л. Гинзбурга)

Святой Грааль присутствует во множестве художественных произведений.

Например, в романе Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» сказано, что рыцари время от времени отправлялись на поиски святого Грааля, хотя никто из них не знал, что это такое. В романе А.И. Солженицына «В круге первом» есть глава «Замок святого Грааля».

Что это за СВЯТОЙ ГРААЛЬ?

Как известно, у Бога есть извечный враг — архангел Люцифер. Низвергнутый с небес, он успел украсть корону великой красоты, над которой работали шестьдесят тысяч ангелов. Один из камней короны, большой изумруд, оказался на земле. Комментаторы предлагают следующие прочтения названия: камень Господа, камень, упавший с неба, камень мудрости. Как бы там ни было, из небесного изумруда вырезали чашу, которая перешла из рук в руки, пока не попала к Иосифу Аримафейскому. По словам евангелистов этот достойный человек происходил из города Аримофея, или Рамы, что близ Иерусалима. Он был членом синедриона и тайным учеником Иисуса Христа. Его сад, в котором находился семейный склеп, примыкал к Голгофе. Перед тайной вечерей Иосиф подарил изумрудную чашу Иисусу Христу. Именно из нее двенадцать апостолов пили вино, считая его кровью Христовой.

После распятия на Голгофе Иосиф Аримафейский выпросил у Понтия Пилата тело Христа, с помощью жен-мироносиц облек его в плащаницу, перенес в собственный склеп и погреб там в гробу, высеченном в скале. Капли Христовой крови он собрал в изумрудную чашу, после чего она и стала называться святым Граалем. Воин, раненый при защите Грааля, немедленно исцелялся после созерцания чаши. Кроме того, он был застрахован от смерти в будущем году. (У Эшенбаха сказано: «Ему Грааль давали зреть, тем не давая умереть») Иосиф, перебравшийся в Англию, хранил святого Грааля до тех пор, пока людские грехи не

истощили терпения Господа. Затем изумрудная чаша с каплями крови Христа исчезла.

Прошли века. Группа английских рыцарей во главе с Титурелем решила вернуть святой Грааль на землю. Они называли себя тамплиерами (храмовниками), так как решили построить храм для чаши. В качестве основания храма была выбрана вершина горы, сложенная из чистого оникса. Естественно, чертежи будущего сооружения и строительный материал (золото и драгоценные камни) обречены чудесным образом после молитвы Титуреля. Да и сам храм представлялся чудом. По гигантской окружности располагались семьдесят две восьмиугольные часовни. Между каждыми двумя малыми башнями стояли башни в шесть этажей. В центре поднималась башня в двенадцать этажей, стоящая на двух арках. Свод ее выточен из сапфира, самая середина которого инкрустирована изумрудной пластиной. На изумруде вырезано изображение агнца. Сапфировым был и алтарный камень, а Солнце и Луна на куполе выложены алмазами и топазами. Камни светились круглые сутки. В окнах вместо стекол были вставлены хрусталь, берилл и другие прозрачные камни. Пол выложен из горного хрусталя, а башни покрыты золотом и голубой эмалью, на каждой из них возвышался крест из горного хрусталя. На куполе двенадцатиэтажной башни ночью и днем светился громадный огненно-красный карбункул. В этом храме и сберегался святой Грааль.

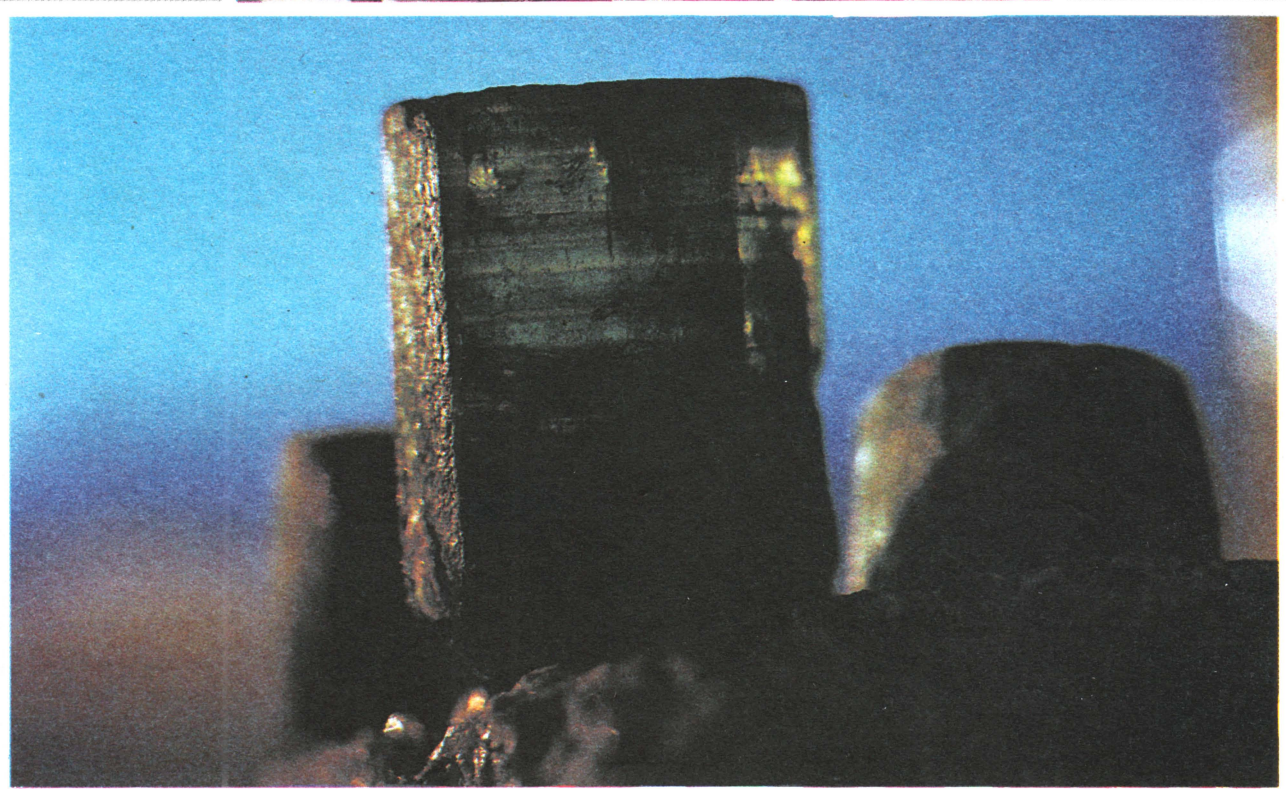
А вот как выглядел замок святого Грааля на полотне гениального художника-зека из романа А.И. Солженицына «В круге первом»: «...на все верхнее пространство неба разлилось оранжево-золотистое сияние, исходящее то ли от Солнца, то ли от чего-то еще чище Солнца, скрытого от нас за замком. Вырастая из уступчатой горы, сам в уступах и башенках, видимый и внизу сквозь клиновидную щель и в разломе между скалами, папоротниками, деревьями, игловидно поднимаясь на всю высоту картины до небесного зенита, — не четко реальный, но как бы сотканный из облаков, чуть колышистый, смутный и все же угадываемый в подробностях нездешнего совершенства, — стоял в ореоле невидимого сверх-Солнца сияющий замок Святого Грааля».

Изумруд всегда был в числе первых камней. Весьма ценился он и на Руси (его называли измаргадом).

Мальшевское месторождение на Урале открыл в 1831 году углежог Максим Кожевников. До переворота 1917 года здесь было добыто несколько тонн драгоценного зеленого камня. По некоторым данным только за границу ушло 70 миллионов каратов изумруда. А вот при Сталине изумруды и бериллы перестали быть самоцветами. Они размалывались в порошок и употреблялись в качестве бериллиевой добавки в танковую сталь. Добывали «руды» экскаваторами, и блестел забой карьера зелеными огоньками. А сколько изумрудов просыпалось из щелей самосвалов!

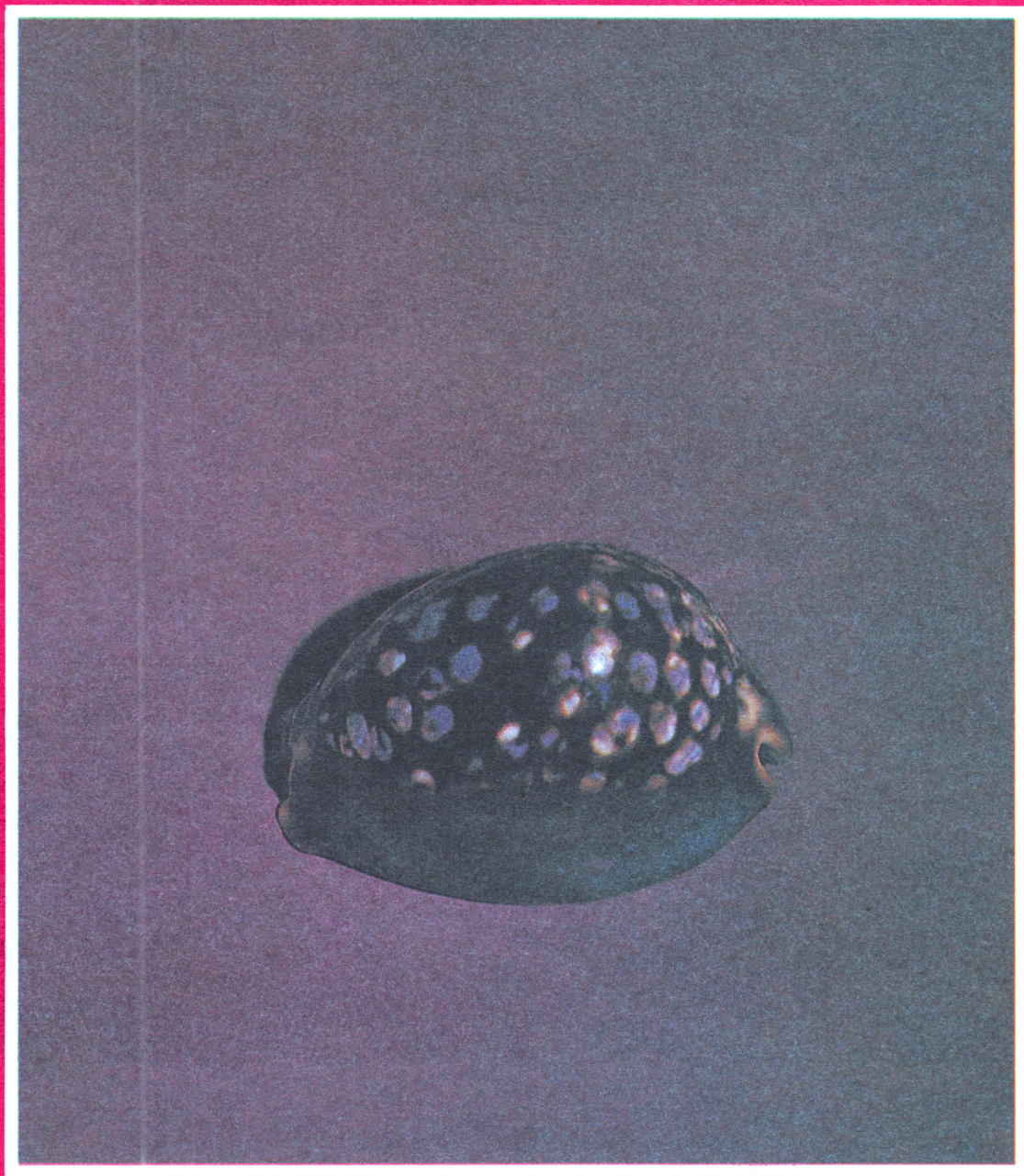
Изумрудом называется берилл (двойной силикат алюминия и бериллия), окрашенный оксидом хрома в зеленый цвет. Бывают еще зеленовато-голубые бериллы — акваарины, нежно-розовые марганиты и воробьевиты, зеленовато-желтые гелиодоры, бесцветные гошениты. Твердость минерала колеблется в пределах 7,5-8 по шкале Мооса, плотность 2,67-2,77, блеск стеклянный. Цены бериллов в зависимости от цвета вздымаются от 50 долларов (гошенит) до 2000 долларов (изумруд) за карат.

Самый крупный берилл найден в 1964 году на Мадагаскаре. Это шестигранная призма высотой 18 метров имеет в поперечнике 3,5 метра. Самый крупный бразильский аквамарин (не более полуметра) весит около 10 килограммов. А вот ювелирного изумруда больше 16 сантиметров пока не нашли. Основные месторождения изумруда находятся в Бразилии и Колумбии, на Урале, в Австралии и, конечно, в Индии. Изумруд получают и искусственно — примерно по той же технологии, что и кварц. Однако растет он настолько плохо, что природные самоцветы не на много дороже искусственных. ■

Слайды Владислава ВЕТЛУГИНА

МАВРИЦІЯ МАВРИЦІАНА

ПЛЕННИК ВУЛКАНА

Павел НОВОКШОНОВ,
действительный член
Географического общества

Это совсем недалеко. От Иркутска полчаса самолетом, либо неделю караваном, и в самом сердце Восточных Саян перед вами — два вулкана. Правда, потухших, впрочем, совсем недавно, почти вчера, если измерять время геологическими часами.

Один вулкан назван в честь известного географа, путешественника, князя и вождя анархистов Петра Кропоткина, другой носит имя Сергея Перетолчина.

А знаете что-нибудь о Перетолчине? Жаль. Имя же это достойно быть в мировой истории Естествознания.

«3 июля сего года при исследовании вулканических окрестностей «Черного Озера» Окнинского края в пределах границы Монголии Сергей Павлович Перетолчин отправившись один для осмотра кратеров потухших вулканов, более не вернулся на стан.»

(Из доклада академика И.П.Бородина на заседании Российской Академии Наук осенью 1914 года)

Конец прошлого века. Прибыл в Иркутск китайский чайный караван. Любопытствующие на торговой площади разглядывали тюки с товаром, невозмутимых купцов, в глазах которых был ответ дальнего пути.

Прибыл с караваном и буддийский монах-лама. Иркутская сторона как бы являлась дальней окраиной огромного буддийского мира, столица которого — заоблачная Лхасса — была далеко на юге. Лама крутил молитвенный барабан с малопонятными магическими текстами и произносил формулы-заклинания.

Из толпы к нему приблизился молодой мужчина и почтительно спросил:

— А не скажет ли, святой человек, что меня ожидает?

Лама изучающе посмотрел, помедлил, крутанул барабан и нареспев молвил:

— Путь к огнедышащему дракону, который спит давно. Дракон не любит, когда тревожат его сон. И немало дерзновенных наказал уже смертью. Ом-мани-падмехум.

— Нет, вы подумайте, — удивленно произнес мужчина. — Словно в воду глядел. Действительно, имею мысль побывать у таинственного вулкана. И действительно, он почти на тропе паломников-буддистов. Ну, ладно. Чему быть, того не миновать. А на мелководье и дракон становится забавой для креветок.

— Русский человек знаком с восточной философией, — монотонно произнес лама. — Так дерзай. Небесный караван уже собирается в путь.

И в толпе исчез, словно растворился. И назавтра, сколько бы ни искал Перетолчин, ламы и след простыл. Будто его и не было.

«Есть предположение, что Перетолчин захвачен монголами, которые из религиозных соображений оберегают вершины гор, как обитание добрых и злых духов, от осквернения их присутствием русских. Быть может, он томится где-нибудь в ужасной монгольской тюрьме, или же он убит и тщательно запрятан».

(Из доклада академика И.П.Бородина)

Лето 1914 года. Маленький вьючный караван — несколько лошадей да четыре человека — медленно двигался по едва заметной таежной тропе. И чем ближе цель, тем нетерпеливее, возбужденнее казался начальник каравана.

— Милая, ты только глянь, какая вокруг красота, — говорил он женщине. — А эти скалы! Куда ни кинь взор, всюду следы недавней вулканической деятельности. Нет, ей Богу, вулканы здесь извергались почти вчера.

Утомленная дальней дорогой женщина слабо улыбалась, влюбленно поглядывая на мужа. Ах, что там трудности! Да с милым и в шалае рай.

Восторг супругов не разделяли двое других участников экспедиции: старик-проводник из местных жителей и служащий окинской метеостанции Толстой, тоже почти местный житель и знаток здешних обычаев. Чем ближе цель путешествия, тем больше они мрачнели, перебирались короткими гортанными репликами. И в этот день, хотя солнце было еще высоко, заявили, что дальше не пойдут, что лагерь надо разбивать здесь, а не стремиться на ночлег к самой альбиной-болдок.

— Да, братцы, тут же совсем недалеко, — удивился Перетолчин.

— Нет, нет, — категорически возражал проводник. — Дорога плохая, лошади обили копыта. Ночуем здесь.

— Ну, ладно, — огорченно махнул рукой начальник каравана. — Здесь, так здесь. Хотя до горы не более трех-четырёх часов ходу.

К этой таинственной горе он стремился более десяти лет. И когда обозревал необъятный простор с высоты Мунку-Сардыка. Мысленно представлял ее с берегов Косогола, где крайне подозрительно и недружелюбно встретили его монголы. На второе лето даже лодку, с таким трудом туда доставленную через горы и тайгу, украли. Местные жители словно не хотели, чтобы их сторона открывала тайну русскому, пришедшему из-за Саянских гор. Из враждебной России. Они, местные жители, разрушили и русский острог-крепость на берегу озера. Даже не на берегу, а на искусственном островке, соединенном с берегом подводной дамбой, по которой лишь вброд на лошади можно добраться до крепосточки. Ведь это было их озеро.

— Хорошо, ночуем здесь, — сказал Перетолчин.

А утром спутники объявили, что вообще дальше не пойдут, что мимо альбиной-болдок и днем проходить опасно. Впрочем, проводник-монгол заколебался. На стану остался Толстой и госпожа Перетолчина. Сергей Павлович с проводником пошли вдвоем.

— Милая, вернись быстро, не скудай, — поцеловал жену и, обернувшись к Толстой, добавил. — Ждите здесь в лагере.

Прошел день, второй...

Ветсы синеватый дымок бивуачного костра. Мирно спит Толстой, свернувшись ка-

лачиком, дремлют чуткие таежные собаки, лениво отмахиваются хвостами от слепней и оводов пасущиеся лошади. Лишь женщина напряженно прислушивается к любому шороху и треску в тайге. Солнце клонит к закату. Мрачнеет тайга. Костер горит ярче. Тишина. Но вот долгожданные шаги! Почему же проводник один?

Старик сбивчиво рассказывает Толстой, понимающему по-монгольски.

...На полпути к вулкану, словно повинуясь таинственному сигналу, или по каким-то соображениям, проводник далее идти отказался наотрез. Начальник взял инструменты, прихватил завернутый в рогожу полушубок и отправился один.

Двое суток ждал проводник и вот вернулся в лагерь. Толстой с проводником вновь идут по следам. Они, вначале на влажном песке отчетливо видные, становятся все неяснее. Здесь, видимо, начальник ночевал — оставил рогожу. Значит, день наступил холодный, и он надел полушубок. След обрывается.

Погода портилась. Летний дождь в горах мог превратиться в снегопад. Лето здесь короткое. Даже в июне перевалы плотно забиты снегом. Так что приходится прокапывать траншеи и лошадей спускать на веревках. А в августе уже выпадает свежий снег. И караван повернул назад.

«Полная неизвестность о его судьбе довели до ужасного состояния его жену, оставшуюся без всяких средств: в течение 20 дней она сама принимала участие в розысках своего мужа. Истритив все силы и последние сбережения, вернулась убитая горем и полной неизвестностью в Иркутск».

(Из доклада академика Бородина)

Лишь через год брат геолога с новой экспедицией добрался до вулкана. И уже на подходе издалека увидел треногу с фотоаппаратом. Объектив аппарата был направлен на вулкан...

Рядом с треногой лежало нечто, заставившее караван поторопиться, но — увы, это не были останки погибшего, а только его полушубок.

И — все. Сколь внимательно ни обшарили округу — никаких следов. А новые проводники, хотя и оказались смелее прошлогодних, все равно отчаянно труслили. Илишь когда караван отдалился от вулкана на почтительное расстояние, выложили свою версию исчезновения геолога. Суть ее такова. Издавна замечено, в подобных сопках живут горные духи-альбины. Они людям враждебны. Ловят и утаскивают к себе осторожных путников и диких животных, приблизившихся к их жилищу и преступивших какую-то невидимую черту. Русский геолог там, в горе...

Но легенда и есть легенда. Хотя по свету немало таких опасных для живых существ мест. В горах, болотах, лесах. На языках многих народов мира можно услышать подобные легенды. Скажем, у одного из азиатских народов, родственного монголам, есть албасы, что очень похоже по созвучию на альбинов. Есть и кара-чулмусы. Все это духи-убийцы, давящие спящих в степи у костра, или пронзающие их, как это делают джезтырнаки, длинными медными когтями.

Так это, или нет — пойдешь проверить.

А совсем недавно вот и ИЛЮ объявились.

Кстати, применительно к столь отдаленной и пустынной местности, космическая версия исчезновения геолога не столь уж и беспочвенна. Неподалеку отсюда князь Кропоткин обнаружил странные наскальные рисунки — овал с чертой посередине, должествующий по некоторым нынешним воззрениям изображать человека в космическом скафандре. Рисунки эти видели еще в 1932 году, но потом они пропали — выветрилась ли краска, или буддийские ламы удалили. Сейчас на их месте красуется знаменитая формула «Ом-мани-падме-хум» — «Будда, рождающийся из цветка лотос».

Высказывались самые различные версии исчезновения геолога. Но ни одна не доказана. Никаких материальных свидетельств — нет ни скелета или его фрагмента, винтовочного патрона, крестика, пуговицы и т.д.

Попробую предложить тем, кто пожелает искать, еще одну версию.

Фотоаппарат на треноге смотрел в сторону вулкана. Именно сюда, к вулкану, и стремился геолог. Сделав снимок, он не мог вот так просто сложить штатив, упаковать аппарат. Оставив аппарат на треноге, он двинулся к вулкану. Тем более и вулкан-то невелик. Не Ключевская Сопка. Высота конуса над лавовым плато всего семьдесят метров. Конечно же, Перетолчину хотелось подняться и заглянуть в кратер. Какой геолог удержится от искушения полюбопытствовать, что за горные породы там на дне, тем более, вулкан не опасен, потухший.

И в грохоте осыпающихся камней — в Саянах немало таких подвижных каменных осыпей — «курмов», чуть тронь, все загрохочет вокруг — Перетолчин буквально скатился на дно, вообще-то, совсем неглубокого кратера. А когда попытался подняться назад — сработал эффект «муравьиного льва». Знаете, как этот хищник из мира насекомых охотится? Копают в песке ямку-воронку с углом откоса, позволяющим песчинкам лишь еле-еле держаться. Но когда насекомое, неосторожно попавшее в воронку-ловушку, попытается выбраться, песчинки теряют сцепление, начинают сыпаться и в конце концов погребают жертву, которую там, в глубине ямки, слегка замаскировавшись песком, поджидает коварный хищник...

А, может, подвернул ногу и ждал, когда придут ему на помощь проводники. Либо задохнулся в скопившихся газах. Непроста же бурятская и монгольская легенды приписывают недоброе таким вот бессточным и непроходимым впадинам в горах, определяя их как жилища злых духов.

Почему никто не тронул фотоаппарат?

Если, скажем, дикий зверь набросился на исследователя, то так деликатно, что не сшиб и штатива? Попытались пленить люди — уж наверняка треногу с аппаратом без внимания бы не оставили. Или преднамеренно оставили, чтобы запутать след?

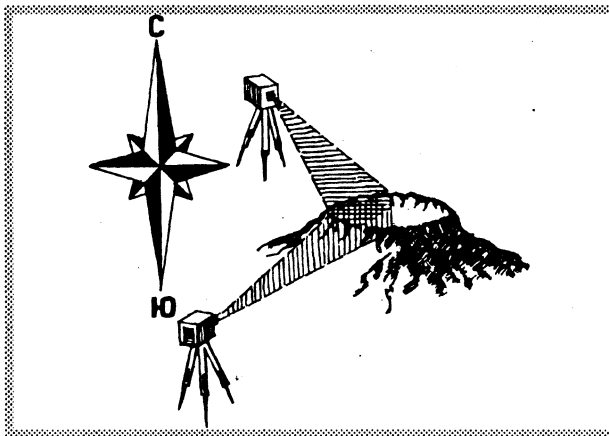
И за год, который она простояла, не свалил ни ветер, ни снегопад. Значит, действительно, тихое это место, непродуваемое. И тем более тих, неподвижен воздух там, в кратере, где интенсивность газовыделений гораздо выше.

А может, и звери избегают это место?

Что значат газы, выделяемые термальными источниками и самой почвой вокруг, мне довелось испытать на севере Байкальской котловины. Разбили мы экспедиционный лагерь поблизости от сероводородного источника, на берегу у бухты с названием таким символическим — Змеиная. Ночью душили меня кошмары, а ранним утром, убирая палатку, обнаружили под брезентовым полом две змеи...

Подобная ночевка была и на мысе Иркана в Чивыркуйском заливе. Вечер наступал какой-то зловеще тихий. Солнечный диск уже касался изломанного гребня гор. Тени удлиннились. Вода остекленела. Спать ложился, когда из-за гор выкатилась огромная холодная луна.

И тихо было, словно в мире умер последний звук.

А ночью снились кошмары. Что-то невдомое, откуда-то извне, навалилось на палатку, и я бессильно пытался схватить заряженное ружье, которое на ночь предусмотрительно положил подле раскладной кровати.

— Павел Андреевич, что с вами? — мои спутники, рабочие Володя и Сережа, испуганно трясли меня за плечо. — Вы так страшно кричали.

Утром быстро покинули зловещую негостеприимную стоянку. Наверное, в таких местах и рождаются легенды о злых похитителях людей. И, как знать, может такие места являются излюбленными для тайного посещения нашей планеты Неопознанными Летающими Объектами. И не потому ли в прежние времена путники — буряты и монголы — никогда не останавливались на ночевку возле вулкана, а, сотворив молитву, торопливо проезжали мимо. Словно чувствовали, что из-за гребня кратера угрюмо следят за ними альбины. Кстати, и другие потухшие вулканы в местных названиях несут отзвук этой легенды. Конические, похожие на вулканы горы, а их происхождение действительно вулканическое, в соседней Туве, являющей географическое единство с базальтовой долиной, тоже зовутся альбиной-болдок, сопки альбинов.

В каком месте Перетолчин перевалил гребень кратера? При диаметре его, близком к двумстам двадцати метрам, протяженность гребня должна составлять более трех четвертей километра. Где искать? Ис-

ходить надо из того, где стоял фотоаппарат. Но — где? Каких-либо указаний в сообщении поисковой партии я не нашел. Тогда будем рассуждать логически. Перетолчин был опытным фотографом, о чем можно судить по его опубликованным ландшафтными снимкам. Он ясно понимал, что для скульптурного подчеркивания деталей рельефа нужен свет низкого солнца. Утреннего, либо вечернего.

Надо полагать, что до вулкана Перетолчин добрался во второй половине дня, следовательно, солнце было на западе. Значит, штатив надо было установить к юго-западу, или северо-западу от объектива съемки. Запад следует исключить, потому что снимок получится «любовой», плоский. Восток отпадает, так как контражурный снимок и вовсе изобразит только силуэт вулкана. Чистый юг и чистый север опытный фотограф тоже пропустит. Значит, остается северо-запад, или юго-запад.

Логично предположить, что, сделав снимок или только подготовив фотоаппарат, Перетолчин двинулся к вулкану по прямой и, если спускался в кратер, и если его крутизна была более или менее равномерна по всей окружности, то — тоже по прямой, и в этой же четверти. И назад поднимался — или пытался подняться — уже знакомым путем. Значит, в той «четвертушке» и начинать поиск.

Но, подчеркиваю, рекогносцировка на месте может в корне изменить этот сугубо вероятностный расчет.

Надо бы и сегодня исследовать состав атмосферы совсем молодого кратера, особенно донной его части. Путешественник мог элементарно обессилеть при безуспешных попытках подняться из кратера по коварно осыпающемуся, почти текущему склону.

Но ни тогда, во время поисков, ни после никто не сообразил заглянуть в кратер.

Позднее изредка бывали у вулкана туристы и путешественники-натуралисты — места уж очень глухие и отдаленные. Но не в кратере. Возможно, со временем осыпающийся внутренний склон укрепился растительностью. Но если кто задается специально целью разгадать загадку, все же в одиночку, без страховки в кратер не спускайтесь. Как в незнакомый колодец или шахту. А уж будете там внутри — ищите внимательно. Можно наткнуться и на человеческий скелет, либо отдельные его кости, на обрывки одежды, какие-нибудь личные вещи из карманов — патроны, пуговицы, перочинный нож с монограммой, и так далее. Найдете — дайте знать в Географическое общество СССР. Загадка должна быть разгадана. И тогда вулкан, названный Географическим обществом в память безвременного погибшего исследователя, получит более полное основание называться его именем.

Можно было целиком отдаться домыслам, сочинить этакое житийно-просветленное жизнеописание. Но чистая фантазия обеднила бы, свела на нет крупички сведений, мне известных. И потому я решил, в конце концов, весьма умеренно мешать факты и домыслы, отдавая приоритет первым.

Перед РАССТРЕЛОМ

В конце прошлого года вышла в свет первая книга нашего давнего автора историка и журналиста Игоря Георгиевича Непейна «Перед расстрелом». Это последние письма членов царской семьи, написанные из Тобольска и Екатеринбурга в 1917–1918 годах. Некоторые письма впервые появились на страницах нашего журнала. К каждому письму бывшего царя Николая II, его жены Александры Федоровны, наследника Алексея и дочерей даны примечания.

В очерке «Крестный путь царской семьи», предворяющем публикацию писем, автор приводит сообщение пастора И.Купч-Ризенбурга из немецкой газеты «Вайхсель Цайтунг» (16 ноября 1928 года), перепечатанное в «Сборнике статей, посвященных памяти Императора Николая II и Его Семьи», который вышел в Софии в 1930 году.

Пастор уведомляет, что этот рассказ он записал со слов очевидца, и документальной достоверности, таким образом, он не имеет. Но для объективной истории важны все свидетельства. Поэтому мы предлагаем вниманию читателя эти странички из книги И.Непейна.

«Общеизвестно, что царь Николай II со своей семьей были убиты в Екатеринбурге, в подвале, в ночь с 17 на 18 июля 1918 года. (Это неверно: в действительности — в ночь с 16 на 17-е.) Менее известно, быть может, то, что зачинщиками этого злодеяния, одобренного впоследствии Лениным, Бухариным и остальными большевистскими владыками, в действительности были Троцкий и Зиновьев. Однако, совершенно неизвестно в Германии, что сделали большевистские вожди с главой умерщвленного царя. Я могу дать об этом вполне точное и несомненное извещение.

О расстреле царя в Москву сообщил телеграммой председатель революционного комитета Уральского округа Белобородов. Телеграмма была адресована лично Ленину и Троцкому и пришла в Москву 18 июля. Ее содержание было сообщено только находившимся в Москве комиссарам и другим руководителям большевиков. Народ же был официально осведомлен об умерщвлении царя лишь много дней позже, когда весть об этом уже дошла до Москвы кружным путем и не могла быть более скрываемая.

Знаменательно, что весть об убийстве царской семьи уже 18 июля достигла Берлина, но в Берлине этому не хотели дать веры. Вышло так, что 19 июля московская радиостанция перехватила направленную из Берлина в одну большую газету радиogramму, которая, вопреки распространившимся слухам об убийстве царской семьи, гласила: «Царь и его семья живы, спасены своими сторонниками и отвезены в надежное место». Это сообщение очень встревожило кремлевских диктаторов, и Троцкий затребовал у Белобородова неоспоримых доказательств тому, что «тиран России в действительности подвергся заслуженной казни» (подлинное выражение телеграммы).

В ответ на эту телеграмму большевистские правители получили запечатанный кожаный чемодан. В чемодане находи-

лась глава убитого царя. Нельзя было требовать более неоспоримого доказательства того, что царь в действительности был убит.

По приказанию Ленина, утром 27 июля было созвано собрание главных советских вождей, которым была предъявлена екатеринбургская посылка. Было установлено, что находящаяся в кожаном чемодане в стеклянной банке голова в действительности есть глава царя Николая II; обо всем был составлен протокол. Этот протокол подписали все восемь собравшихся: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Дзержинский, Каменев, Калинин и Петерс. При этом исследовании Каменев возбудил вопрос, что делать дальше с главой царя. Большинство высказалось за уничтожение. Только Зиновьев и Бухарин предложили поместить главу в спирт и сдать в музей, где и хранить в назидание будущим поколениям. Однако, предложение это было отклонено, и решили главу уничтожить, дабы, как выразился Петерс, невежественный народ не сделал бы из нее святыню для поклонения, и не возникли бы опасные брожения. Выполнение решения было возложено на Троцкого. Решено было главу царя сжечь в Кремле, в ближайшую ночь с 27 на 28 июля.

Как совершилось сожжение, я сообщаю по рассказу очевидца:

«В назначенный час я стою у Кремлевских ворот. Караульный начальник выходит ко мне и спрашивает, куда я хочу идти. Я предъявляю мои документы и записку к Кремлевскому коменданту. Этого, однако, оказывается недостаточно, и меня под конвоем красноармейцев ведут в комендатуру... По двору катит автомобиль, в котором сидит Петерс с какой-то дамочкой. В комендатуре предъявляю коменданту мои документы. Он звонит по телефону Троцкому. Троцкий не может дать обо мне никакой справки, тогда он звонит Бонч-Бруевичу. Едва через полчаса мне разрешается идти дальше. От сопровождавшего меня коменданта узнаю, что сожжение царской главы произойдет в пристройке, служившей некогда кухней. «Там мы все приготовили, остается приступить к делу», — говорит он, усмехаясь.

Мы идем вдоль Архангельского сбора и старого монастырского здания. У входа сидит часовая, который при виде коменданта вскакивает и вытягивается. Еще несколько шагов, и мы подходим к малой пристройке. Кучка людей курит, разговаривая вполголоса. Начинает идти сильный дождь; за Москвой-рекой к самому небу вздымается злое пламя пожара. Скачет мимо Кремля пожарная команда, спеша к месту пожарища.

«Тени старой России оплакивают своего бывшего повелителя», — усмеяется Крыленко. В ту же минуту сверкает молния и гремит гром; наши глаза ослеплены, и все испуганно шарахаемся, какая-то женщина болезненно вскрикивает, и я заметил, как один из присутствующих перекрестился. «Фу, ты, черт, — плюется смущенный Крыленко, — чуть было не навел беды».

Комендант открывает дверь пристройки, и мы входим в небольшую комнату, слабо освещенную керосиновой лампой и растопленной печкой. Теперь я лучше различаю остальных присутствующих, их около двадцати человек, в их числе: Эйдук, Смирнов, Бухарин, Радек с сестрой и некоторые другие. Потом появляются Петерс с Балабановой; за ним следуют: Коллонтай, Лацис, Дзержинский и Каменев. В помещении до того жарко, что едва можно дышать. Все очень неспокойны и возбуждены; только Коллонтай выказывает самообладание, подходит кокетливо поближе к пылающей печи и пробует очистить свое забрызганное дорожное платье. Троцкий приходит последним. После его прихода тотчас на стол ставится перед собравшимися четырехугольный чемодан. Обменявшись несколькими словами с Дзержинским и Буха-

Пермский край

риным и испытующе оглядев присутствующих, Троцкий приказывает открыть чемодан. В первую очередь любопытные столь тесно окружают стол, что я остаюсь сзади и ничего не могу разглядеть. В ту же минуту какая-то женщина начинает жалобно стонать и быстро уходит от стола. Троцкий смеется: «Женские нервы». Крыленко ему вторит. Но Дзержинский дает себе труд, с насмешливо-услужливым видом, провести Коллонтай через толпу и усадить ее на скамью у стены. Тут только я получаю возможность увидеть содержимое чемодана. Я вижу большую стеклянную банку с красноватой жидкостью. В жидкости лежит глава царя Николая II.

Мое потрясение так велико, что я едва могу различить известные мне черты. Но сомневаться нельзя: перед нами действительно находится глава последнего царя российского, неоспоримое доказательство ужасающей драмы, которая разыгралась десять дней назад у отрогов Уральских гор. Это признают остальные присутствующие.

Слышатся разные замечания. Бухарин и Лацис удивляются тому, что царь так скоро поседел. И действительно, волосы и борода были почти белые. Может быть, это было следствием последних ужасных минут перед жестокой смертью, жертвой которой он пал вместе со своей супругой и любимыми детьми; может быть, также подействовали тревоги военного времени, революция и длительное заточение.

Троцкий потребовал от присутствующих составить протокол осмотра и всем подписаться. Это был, таким образом, второй протокол осмотра. Коллонтай тем временем исчезла. Появились зато другие любопытствующие. Среди них я видел Крестинского, Полякова, несколько матросов и женщин. По окончании протокола присутствующие осматривали совсем близко банку и ее содержимое, а по их лицам видно, что они себя чувствуют очень смущенными и подавленными. Бухарин пытается рассеять это настроение и пробует сказать что-нибудь с точки зрения революции одобряющее, но тотчас останавливается и замолкает. Даже хладнокровный Лацис нервно тербит пышную белокурую бородку и потупляет свои скошенные глаза вниз, к столу. Тут Троцкий приказывает перенести сосуд к пылающей печи.

Присутствующие расступаются, образовав проход примерно в десять шагов длины и два шага ширины. Последний путь главы последнего царя российского!

И как странно: когда руки заклятых врагов понесли царскую голову, все их головы сами собой перед нею склонились. Но это было только одно мгновение. Настоящие коммунисты не смеют показывать подавленности и чувствительности, когда перед их глазами совершается последний акт победы над их величайшим врагом. Пламя охватывает голову царя Николая, и невыносимый запах горящего человеческого тела наполняет душную комнату. Я более не в силах переносить это зрелище; боясь дурноты, я выбегаю на воздух. Под освежающим дождем я снова оправляюсь и облегченно выдыхаю воздух.

На востоке уже рассветает; пожар за рекой едва виден; только на западе еще вспыхивают молнии и слышны далекие раскаты грома.

Казалось, само небо гневалося на отвратительную жестокость людей!»

Несмотря на издательские трудности, вышел в свет очередной краеведческий сборник «Пермский край» («Пермская книга», 1992). В нем пять разделов. Первый – «Откуда есть пошла...» – содержит полемику о возникновении Перми – губернской столицы. Второй – «Пермь тиха, безмятежна...», напротив, рассказывает о событиях далеко не безмятежных, например, о пожаре в городе 14 сентября 1842 года. При этом вводятся в краеведческий обиход архивные документы, извлеченные из трудов известных краеведов. Читатель найдет здесь новые биографические сведения о пермском губернаторе К.Ф.Модерахе, оставившем в истории города заметный след, и много зарисовок старого быта Перми. Раздел «Пермь в именах и биографиях» повествует о семье Панаевых, забытом архитекторе и актере А.Б.Турчевиче-Глумове, художнике А.Н.Зеленине. О краеведах пермского края идет речь в разделе «Хранители времени». Любопытный исторический материал содержит документальное приложение к сборнику. Предлагаем читателям публикацию из раздела «Копилка краеведа».

«Пермский хамелеон»*

«Люблю грозу в начале мая!» — сказал поэт, предполагая, что май — весенних гроз сезон. Ах, не в Перми родился он! Когда б была пером поэта природа пермская воспета, то стих правдивый за обман сочло бы мнение россия! Июльские в апреле грозы, в июне снег да и морозы, стихий безбожный кавардак: вот приобвык к чему пермяк! Природа с ловкостью кокетки то жарит из него котлетки, то снежной пылью охладит. Нет на тебя в Перми закона, природа, тип хамелеона. Стыдись, голубушка! Ведь срам, какой пример твоим сынам, чему им у тебя учиться? Пора, пора остепениться. Кругом смеются над тобой. Недоставало только срама, чтобы в июле, в самый зной покрылась льдом и стала Кама! Чтоб в декабре иль в январе, не справившись в календаре, река свои открыла воды и зашныряли пароходы! Капризы глупые уйми, они тебе совсем не к лицу. Стыдись все делать людям в пику: сбивать Панаева** в Перми и всю науку с панталыку!

* Стихотворение написано в конце XIX века неизвестным автором. Из копилки Н.А. Аликиной.

** Панаев Федор Николаевич (1856–1933) – пермский учитель, первый климатолог Прикамья.

Крылатые соседи

Синантропами называют животных, растения и даже микроорганизмы, жизнь которых в различной степени связана с человеком (от греческих слов «син» — вместе и «антропос» — человек).

Немало синантропов есть среди беспозвоночных животных: тараканы, клопы, вши, блохи, мухи, различные гельминты (паразитические черви), и некоторые другие. Разумеется, о мирном сосуществовании с этими докучливыми соседями не может быть и речи.

Из млекопитающих наиболее типичными синантропами являются домовые мыши и серые крысы. Реже, в селах могут селиться и ласки, вылавливающие вредных грызунов, а также хомяки, полевки, землеройки. Нередко по соседству с людьми живут летучие мыши и белки. Но больше всего синантропов среди птиц. В классе птиц насчитывается около 9 тысяч видов, из которых на долю нашей страны приходится около 800. В Башкирии, например, зарегистрировано 272 вида птиц.

Галки — птицы довольно смысленные и в этом отношении не уступают своим сородичам по семейству — воронам, грачам, сорокам. Вообще, птицы и звери способны не только рассматривать предметы и явления, но и делать соответствующие выводы из своих наблюдений и совершать те или иные поступки. А это уже есть проявление рассудочной деятельности с присущим ей анализом, синтезом и экспериментом, наличие которых у животных признавал еще Фридрих Энгельс в своей «Диалектике природы». Внешне все это выражается в самых различных поведенческих реакциях. Одной из них является подражание, присущее не только молодым, но и взрослым животным. Они присматриваются друг к другу и сплошь и рядом реализуют тезис — «смотри и делай так, как я».

Любопытную в этом отношении картину наблюдали однажды в деревне Кичанзино Арзамасского района Горьковской области. Была лютая зима. Галкам, зимовавшим в тех местах, трудно стало в тридцатиградусные морозы добывать пищу, и они жалась к свинарнику. Но проникнуть внутрь не удалось — двери были плотно закрыты. Свиньи выходили на прогулку через специальные лазы. Пройдет свинья, и шарнирные дверки сразу же смыкаются. Но вот одна галка вспрыгнула свинье на спину и, словно всадник, въехала на ней верхом в теплое помещение. Другие галки, наблюдавшие за своей товаркой, зашумели и стали таким же путем пробираться в свинарник. В общем, быстро и по-деловому переняли передовой опыт.

Серые вороны, зимующие у нас вместе с галками, с осени и до ранней весны кормятся возле людей на различных свалках и мусоросборниках. В это время они, как и галки, выступают в роли санитаров. Весной вороны переселяются к местам гнездовий — на опушки лесов, в рощи и заросли речных долин. Там они устраивают гнезда и выводят птенцов. Изредка серые вороны садятся в черте населенных пунктов, как бы полагаясь на гуманность и доброжелательность людей. Истребляя множество вредных насекомых, вороны, как и грачи и галки, приносят немалую пользу. Однако в некоторых местах вороны разоряют гнезда других птиц, поедают их яйца и птенцов.

Кстати, многие люди, особенно горожане, не умеют различать ворон, грачей и галок. А отличать их совсем не трудно — по «одежке» и величине. Обыкновенная серая ворона имеет двухцветную окраску: голова, горло, крылья и хвост у нее — черные, остальное оперение серое. Клюв мощный, толстый, черный. Грач почти такой же величины, как и ворона, иногда чуть больше. Оперение у него сплошь черное с металлическим блеском. Клюв у грача прямой. У взрослых грачей кожа вокруг клюва становится голой и грязно-белого цвета, особенно у старых особей. Галки значительно меньше грачей и ворон. Оперение у них черного цвета, но шея и нижняя часть головы темно-серая, от чего создается впечатление, что на голове у них черная шапочка — беретик.

Из мелких птиц-синантропов у нас самые многочисленные и популярные — воробьи и синицы. Воробьи, особенно домовые, живут возле людей в городах и селах круглый год. Даже самые суровые зимы. И никогда не улетают в теплые края. Мерзнут, голодают, терпят всякие невзгоды, а не изменяют родным местам и людям.

Синички обычно возвращаются с летних «дач», где выводили птенцов, к людскому жилью осенью. Да и летом их часто можно видеть в парках и на деревьях. Нередко вместе с выводком молодежи, которую они тут же подкармливают различными гусеницами. Зимой, в бескормицу и непогоду, многие из них не выдерживают трудностей и погибают. И не столько от морозов, как от бескормицы. Вот тут-то и должна проявиться людская забота и доброта.

Мы с женой более четверти века каждую осень, с первых морозов, вывешиваем за окном кормушку для синиц — удлиненную стеклянную банку с суживающейся горловиной. Синички слетаются на наш балкон и ловко достают из банки семечки. И им польза и спасение, и нам удовольствие и радость наблюдать за их оживленной суетой.

Зимой кормушки для птиц посещают поползни и даже дятлы. Наша добрая знакомая, доцент Башкирского сельхозинститута, живущая в доме, соседствующем с лесом, рассказала мне о своем частом госте — красивом большом пестром дятле. Он постоянно прилетал к ним на балкон и охотно долбил приготовленное для него сало. Не отказывался и от мяса. Но вел себя очень осторожно и даже не позволял сфотографировать его. Заметив движение фотоаппарата в руках хозяйна, дятел тотчас же улетал.

Смело ведут себя занятые птички-древозлазы поползни. Их часто можно увидеть в лесах возле поселков и больших городов. Я наблюдал таких смельчаков в разных местах Че-

ЛОПУХ

лябинской области и в Башкирии. Поползни — небольшие, с воробья, коренастые и короткохвостые птички. Верхняя сторона тела у них голубовато-серая, от клюва через глаз к уху проходит черная полоса. Клюв длинный и острый. Цепляясь крепкими коготками за кору, поползни ловко бегают по стволу дерева у лесных дорожек, высккивая себе корм — различных насекомых, их личинок, куколок, яйца. Поползни единственные у нас птицы, которые одинаково ловко могут передвигаться по стволам деревьев и вверх и вниз головой. Не зря же их иногда называют лесными акробатами. Зимой, когда люди подкармливают различных птиц, поползни тоже прилетают к кормушкам. В Ильменском заповеднике, на Южном Урале, один научный сотрудник подкармливал птиц, и поползень так привык к этому, что стал брать корм прямо из его рук. Вскоре нахаленок — так его прозвали — до того осмелел, что подлетал и к другим людям, когда те протягивали ему корм.

Свободолюбивые соколы, ястребы, коршуны и канюки предпочитают селиться в лесах, вдали от людей. Но и тут нет правил без исключения. Зоологи сообщили, что в Москве, на высотном здании университета на Ленинских горах, поселились соколы-балобаны. Был даже случай, немало удививший москвичей, когда в открытые двери автобуса внезапно влетел голубь, спасаясь от преследовавшего его сокола.

Мелкие хищные птицы иногда селятся в лесных зарослях вблизи людского жилья. В школьные годы мне пришлось побывать в селе Мончин на Киевщине. На окраине села был старинный заброшенный парк, превратившийся в настоящий лес. Там гнездились грачи, вороны и другие птицы. А одно заброшенное гнездо грачей облюбовала парочка небольших соколов-кобчиков и вывела там потомство. И это несмотря на то, что по парку-лесу постоянно ходили люди и разгуливали сельские мальчишки.

Солнечным утром пятого сентября этого года, в десятом часу, я шел в институт через парк «Молодежный». Вдруг слышу знакомое «кийй... кийй». Смотрю вверх. Расправив широко крылья, над высокими деревьями парили две птицы. Сделав круг, они, одна за другой, уселись на сухих ветках большого тополя. Это были канюки. Возможно, самец и самка. Очевидно, они начали осеннее переселение в теплые края и сделали остановку в парке. Через день я еще раз наблюдал за летавшими над парком канюками. Потом они исчезли, полетели дальше.

Все наши птицы — и мирные, и хищные — наши друзья, соседи и помощники. Их нужно изучать, знать и всячески помогать им и охранять их. Везде и в любое время года.

*Иван ЗАЯЧКОВСКИЙ,
почетный член
Всероссийского общества
охраны природы,
профессор*

Уж очень нелестная репутация у этого растения. Символом запустения и хозяйственной нерадивости стала для многих прилипчивый репей. Селиться он предпочитает на пустырях, по обочинам дорог и на огородах. Нелегко тогда избавиться от непрошеного гостя. Если попытается выдернуть репей, то в лучшем случае вырвете растения с частью корня. На следующий год «самозванец» появляется на этом месте снова. Тем удивительнее, что в некоторых странах лопух специально разводят на грядках. Причем, не какую-то диковинную его разновидность, а обитающую повсюду ботанический вид — лопух большой. В Японии он известен как ценная огородная культура и называется «гобу».

Разводят гобу ради корней, которые выкапывают в первый же год жизни растения, когда еще не появились липучие шарики с семенами. Лучшее время сбора — октябрь, когда листья лопуха, тронутые первыми заморозками, слегка пожухнут. Люди старшего поколения наверняка помнят вкус военного хлеба — на муке из корней лопуха, смешанной с двойным количеством пшеничной или ржаной муки. Понятно, что от лопуховой добавки хлеб не становился вкуснее, но организм получал необходимые питательные вещества (в корнях репейника обнаружены инулин, витамины, ценные белки и жиры).

Иногда измельченные корни варят с молоком или уксусом, при этом инулин превращается в сахар, и из растения получается вкусное повидло.

ПОВИДЛО ИЗ ЛОПУХА. В 1 л воды добавляют 50 г уксусной кислоты, засыпают 1 кг измельченных на мясорубке корней репейника. Варят около двух часов.

КОФЕ ИЗ КОРНЕЙ ЛОПУХА. Корни промывают, высушивают, затем поджаривают в духовке до побурения и размалывают на кофемолке. 1-2 чайные ложки получившегося порошка заваривают в стакане кипятка.

Молодые корни репейника едят сырыми, используют в супе вместо

картофеля, тушат с маслом, маринуют. Впервые отведавшему их кажется, что его потчевали каким-то неизвестным деликатесом. В качестве своеобразной овощной культуры корни лопуха широко используют в США, Бельгии, Франции, Японии, Китае.

Неогрубевшие листья и побеги лопуха добавляют в салаты, кладут в супы и борщи. Вот несколько рецептов.

САЛАТ ИЗ ЛОПУХА. Листья лопуха промывают, на минуту опускают в кипяток, затем измельчают, перемешивают с нашинкованным луком, добавляют тертый хрен, заправляют сметаной. На 300 г листьев лопуха берут 50 г хрена, 100 г зеленого лука, 50 г сметаны, соль по вкусу.

СУП ИЗ ЛОПУХА. Очищенный и нарезанный картофель и рис варят до полуготовности. За 10 мин. до готовности блюда в кастрюлю добавляют листья лопуха и обжаренный лук. На 300 г листьев лопуха берут 100 г репчатого лука, 50 г риса, 200 г картофеля, перец, соль.

ПЮРЕ ИЗ ЛОПУХА. Листья лопуха пропускают через мясорубку, затем к ним добавляют укроп, щавель, соль и перец. Все тщательно перемешивают. Используют: 500 г листьев лопуха, 50 г щавеля, 50 г соли, 15 г укропа и перец по вкусу.

Не обошла вниманием репейный корень и народная медицина. Помогает он при ревматизме и подагре, туберкулезе и сахарном диабете, язве желудка и некоторых кожных болезнях. А еще хорошо действует как ранозаживляющее, мочегонное и потогонное средство. Для лечения 5 г измельченных корней заливают 0,5 л кипятка, настаивают 10-12 часов и выпивают за день в 3-4 приема.

Как ни странно, мало кто знает, каким ароматом обладают цветки лопуха. Душистым, приятным на вкус получается и мед из этого растения. Даже его семена находят полезное использование — идут для получения олифы и масляных красок.

*Раздел veget
Александр СЕМЕНИН*

Вместо ДЕНЕГ

Года два назад на Костомукшском горно-обогатительном комбинате, в Карелии, были пущены в обращение собственные «деньги». Никакого труда не составила их эмиссия: отрезок бумаги, приклепнутая печать — и купюра достоинством в пять «рр» готова! Таким образом был найден выход из крайне затруднительного положения, в котором оказались горняки, подолгу не получавшие зарплаты. Кассета пуста, шаром покати...

Все это напоминает тот период, когда в условиях далекой теперь гражданской войны и иностранной интервенции правительство советской страны стало проводить экономическую политику, названную впоследствии политикой военного коммунизма. Тогда, как и в наши дни, резко упали доходы казны, возросли расходы. А чудовищный темп эмиссии бумажных денег в условиях сокращения производства и товарооборота никак не способствовал сокращению бюджетного дефицита.

И тогда бумажные деньги — не взял последнее слово в кавычки, но читатели помнят, что речь идет о заменителях! — стали выпускать местные органы власти, отделения банков, частные фирмы, войсковые части, а в отдельных случаях — даже мелкие лавчонки, рестораны, кафе: в виде жетонов, платежных обязательств, расписок. Если к сказанному добавить, что тогда же были кое-где в ходу и старые царские деньги, в том числе их позднее порождение — керенки, легко представить, какая нелепая и чудовищно-пестрая складывалась картина. Здесь уместно привести небольшую отрывок из моей повести «Простор на все четыре», вышедшей в 1970 году в Средне-Уральском книжном издательстве; она рассказывает о событиях на Украине в начале двадцатых годов.

«Какие теперь деньги? Петлюровцы приходят — свои в оборот пускают. Махновцы — свои. И на тех ассигнациях написано: «Эй, жинко, веселись, у Махна гроши завелись!» Это правда, Петька своими глазами видел. Или вот в прошлом году какой-то шалапутный атаман заскочил на неделю в Гусаровку и приказал населению взамен продуктов — мяса, яиц, молока — принимать... бумажки с печатью аптекарского управления губернии».

Могу добавить, что там же, на Украине, иногда на подобных бумажках были угрожающие надписи: «Хто их не братимо — того будэм драгимо». То есть, грозили телесными наказаниями в случае неподчинения...

У всех на памяти событие, которое народ незамедлительно окрестил «павловской реформой» — по фамилии тогдашнего премьера. После обмена появились государственные казначейские билеты несколько иного образца: слева на купюрах — узкая белая полоска. Не берусь расшифровать ее значение. Изменились и кое-какие надписи. Скажем, на рублевых билетах раньше писалось: «Государственные казначейские билеты обеспечиваются всем достоянием Союза ССР и обязательны к приему на всей территории СССР во все платежи для всех учреждений, предприятий и лиц по нарицательной стоимости». Ныне на них другой текст: «Банковские билеты обеспечиваются золотом, драгоценными металлами и прочими активами государственного банка». И опять не берусь определить, какие это повлекло изменения, что убавилось или прибавилось для владельца денег...

Главное слово в той и другой надписи — конечно же, «обеспечиваются». Так ли, не так — но об этом хоть заявлено государством. А вот в послереволюционное время, в период гражданской войны ни о каком обеспечении денег и речи быть не могло. Надо ли обвинять народ, что он в то смутное безвременье (впрочем, как и в нынешние дни!) стремился поскорее избавиться от сомнительных денег. И это в свою очередь приводило к нарицанию безденежного, или проще — натурального, обмена, отбрасывая тем самым страну на десятилетия назад.

Заметим, что развитие мировых денежных и монетных систем не может быть до конца понято, ежели хотя бы кратко не упомянуть в историческом плане о заменителях, примитивных видах денег. Не стану говорить об известных многим раковинах каури или о том, что платежные функции выполняли меха, слитки металла, скот, китовые зубы... Незачем и подробно рассказывать о рекордсменах по весу — деньгах-жерновах (более тонны!) на острове Яп в Океании. Упомянем лишь о наших южных соседях. В Монголии, к примеру, даже в начале нынешнего столетия в ходу были спрессованные в кирпич дикие травы, пропитанные телячьей кровью, — а первые тугрики и монго, если верить нумизматическим каталогам, появились только в 1925 году. Индия также вплоть до XX века продолжала изысканно употреблять жемчужины наряду с уже появившимися деньгами. А в Китае шли куски нефрита или изделия из этого минерала...

Вернемся в наши широты. Как выходили из положения национальные окраины нашей страны в те преднепославские годы, о которых шла речь? Грузия, Армения, Азербайджан, а также две среднеазиатские республики — Бухара и Хорезм, стали спешно создавать самостоятельные денежные системы. Оставив в стороне бумажные деньги, рассмотрим лишь монетарное хозяйство. Чеканка была примитивной, убогой. Уже более ста лет мир знал о монетном кривошипном прессе И.А.Неведомского, однако ни-

какой прокатки полос или, скажем, накатки гуртика (ребро монеты, снабжаемое насечкой, рисунком или надписью; может быть и гладким) не существовало в той азиатской чеканке. Топорная работа, не более. Со всей наглядностью можно в этом убедиться, например, на монетах Народной Советской Хорезмской республики (1920-1921 гг.), они частенько встречаются в коллекциях уральцев — особенно 500-рублевые. Небольшой толстенький медный кружок — величиной с современную двухкопеечную монету, — не отличавшийся аккуратностью.

В значительном количестве дошли до наших дней и монеты Бухары, выполненные на столь же низком техническом уровне: ни настоящих штемпелей, ни гуртильных инструментов, отчего аверс и реверс — лицевая и оборотная сторона — выглядят порой неадекватно даже в однотипных экземплярах.

Намного реже встречаются сегодня монеты Грузии. Да, в начале двадцатых годов они широко обращались, вынутые из сундуков и кубышек, но чеканились они не в те годы — возраст их куда старше. Серебряные полуабазы, абазы и двойные абазы изготавливались в первой половине XIX века; медные бисти и полубисти — и того солиднее. Они чеканились в царствование Ираклия II на основании указа Екатерины II, вышедшего в 1783 году, — «в знак покровительства...» Коллекционеры страны, в том числе и в самой Грузии и Армении, вовсю охотятся ныне за ними. Как, впрочем, и за русско-польской и русско-финской монетой; не говоря уже о крымских пиастрах и курмызах, ставших просто раритетами.

Ну, а какие деньги ходили в те годы на территории РСФСР? Прежде всего отметим, что впервые в советский период осуществлялась государственная чеканка серебряной и биллонной (низкопробное серебро) монеты. И параллельно с ней расплодилось различные самоделки — боны (повторяю: речь идет только о металлических — их было меньше, чем бумажных). Хорошо известны — но только из литературы, «живьем» я видел их лишь дважды — армавирские боны, а также боны Петроградской шорно-чехмоданной фабрики и некоторые другие. Закономерное любопытство: неужели наш Урал остался в стороне?

Нет, конечно. В противном случае он бы, пожалуй, перестал себя уважать.

Здесь были выпущены боны Никола-Павдинского рабочего кооператива. Остановимся на них более подробно. Обращает на себя многообразие формы: боны круглые, шестиугольные, овальные (пятирублевые) и прямоугольные с несколько урезанными углами (достоинством в десять рублей). На аверсах двух последних изображено крепкое рукопожатие. Любопытны надписи: сверху по окружности — «Единение», внизу — «Сила». Простые, в духе того времени слова, — как они необходимы всем нам ныне!

РАСТУТ ДОМАШНИЕ ГРИБЫ. . .

Вечный, неразрешимый, кажется, вопрос: что было раньше — курица или яйцо? А вот на птицефабрике «Комсомольская», что в Пермской области, знают точно: раньше была курица, точнее курицы. А потом появились грибы. Из-за недостатка кормов от несушек избавились, а освободившееся помещение приспособили под выращивание грибов по технологии, предложенной Пермским институтом экологии и генетики микроорганизмов.

По большому счету идею ученых нельзя считать открытием, так как способы выращивания грибов «в неволе» известны давно. Но в лаборатории микологии института технология была создана на основе собственных исследований и в чем-то оказалась совершенней зарубежных.

Только почему именно грибы? Не время вроде бы баловать себя деликатесами. Однако экологи решили посмотреть с другого конца. Кормов для скота в области традиционно не хватает, а коровки с бычками живут уже у большинства в воспоминаниях. Поэтому мясо неудержимо дорожает. В этой ситуации грибы оказываются состоятельным конкурентом мяса. Ведь грибное тело — тот же белок, дающий организму силу и сопротивляемость болезням. Да и растут грибы несравнимо быстрее любого рогатого и парнокопытного. Важно и то, что в результате роста грибницы не остается никаких отходов. Если в основу субстрата, на котором растут грибы, взять солому, то после снятия урожая эта солома с остатками плодовых тел — превосходная кормовая добавка, а опил, на котором выращены грибы, с добавлением осадка бытовых стоков и после его переработки калифорнийским червем превращается в ценнейшее удобрение — биогумус.

В Перми ведутся работы с самым простым и неприхотливым грибом — вешенкой. Его можно и варить, и жарить, и мариновать, а грибная «грядка» — брикет с субстратом — размещается даже в подвале жилого дома. Вешенка может расти на соломе, камыше и даже на опиле, причем пер-

мяки научились использовать опил хвойных пород, в зарубежной технологии не применяемый.

Дачникам и садоводам будет небезынтересно узнать, что грибница, высаженная на пни, которых, как правило, на участках хватает, съедает их за три года, дополнительно обеспечивая хозяевам пикантную прибавку к столу.

Кстати, за границей грибам цену знают, как, впрочем, знали ее раньше на Руси. Выращивают, не в пример нам, многие тонны и перерабатывают в биостимуляторы, грибной порошок и грибные соусы, а в Японии научились готовить из грибов препарат, снижающий восприимчивость организма к радиационному облучению.

Не останавливаются на достигнутом и сотрудники Института экологии и генетики микроорганизмов. В пробирках у них уже шампиньоны, в планах — мечты об искусственном разведении благородных грибов: подосиновиков, подберезовиков. Это трудно, но возможно. Есть знающие люди, есть умение.

Так может, догонят и перегонят уральцы в искусстве приручения полезных растений «самодовольный» Запад?..

В. БИСЕРОВ

БЕРЕГИТЕ МИКРОБОВ!

Проблема сохранения исчезающих видов животных, растений у всех на слуху, ею занимаются тысячи профессионалов и любителей во всем мире. Но если мы озабочены судьбой сложных, развитых форм жизни, то почему нас не волнуют простейшие, составляющие основу ее основ? Ученые думают об этом. И вот уже международная группа микробиологов разрабатывает методы идентификации и культивирования редких микроорганизмов, изучают пути сохранения среды их обитания. Правда, пока идентифици-

ровано лишь от одного до десяти процентов живущих на земном шаре бактерий. Мир микробов настолько слабо освоен, что не удалось зарегистрировать исчезновение хотя бы одного. Однако предположение, что они тоже вымирают, по-прежнему актуально. И главной причиной этого является хозяйственная деятельность человека. Во всяком случае, так считает американец Дэвид Бун из Орегонского института науки и технологии.

ПОГОДУ ДЕЛАЮТ АЙСБЕРГИ?

Существует множество разных гипотез о причинах изменений климата, происходящих на Земле. Джерард Бонд из Геологической обсерватории Колумбийского университета настаивает на своей. Он убежден: во многом виноваты айсберги. Вследствие постепенного их таяния океанская вода была разбавлена пресной, и это заблокировало естественную циркуляцию теплой воды, поступающей из Гольфстрима. Поэтому уже снизившиеся температуры в Канаде и Европе сделались еще ниже. Такая пресноводная «крышка», образовавшаяся при таянии айсбергов, могла нарушить «нормальный» порядок движения водной массы в северной части Атлантики, поскольку холодные верхние слои соленой воды не могли спуститься до такой степени, чтобы оказаться на дне океана. Теплые воды Гольфстрима не достигали высоких широт, и в результате похолодание еще больше усилилось.

Подготовил А. ЮРЬЕВ

Легендарные скалы Семь Братьев известны далеко за пределами Свердловской области. О них писали, их рисовали художники, снимали фотографы. Но ни на одном снимке я не видел сразу всех Братьев. Трудность съемки заключается в том, что они находятся на самой вершине горы Семибратской и к скалам вплотную подступают лесные заросли.

Я решил снять скалы с соседней вершины, расположенной южнее. Лето для съемки не подошло, потому что деревья, обступающие Братьев, покрыты густой листвой, да и сама гора получится темной и сольется со скалами. Пришлось выбрать зиму.

Первая попытка была неудачной. Подниматься на соседнюю гору пришлось по глубокой снежной целине при двадцатиградусном морозе. Сильно устал, чуть не обморозил ноги, и все напрасно. На морозе отказал фотоаппарат, и снимки не получились.

Прошло три года, и снова зимой я шагаю к Семи Братьям. Теперь на фотографии видна вся скальная гряда, рассеченная глубокими трещинами на отдельные останцы. Первый Брат, своими очертаниями напоминающий хищную птицу, расположен на снимке слева, а вот сколько остальных Братьев? Я считал еще семь, или, может быть, больше?

Н. ЯКОВЛЕВ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

ОГРОМНОЕ СПАСИБО, что, несмотря на значительную задержку в доставке «Уральского СЛЕДОПЫТА» в первом полугодии, вы проявили завидное долготерпение и подписались на 7-12 номера журнала. Но время летит, и когда вы получите июльский выпуск, начнется новая подписная кампания — уже на 1994 год. Предполагаем, что вам порядком поднадоели наши неоднократные сетования на экономические трудности, связанные с непредсказуемыми судорогами инфляционного процесса. И все-таки трудно винить себя за недальновидность, если раз за разом не сбываются прогнозы сверхученых специалистов-экономистов. Стремясь заглянуть на год вперед, ибо деньги, поступающие от подписки, будут использованы на нужды журнала в течение будущего полугодия, мы обменялись информацией о предполагаемых ценах с коллегами из «Знание-сила», «Вокруг света», «Юности». Поразившись разностью их оценок — от 400 до 800 рублей за один номер, мы, на свой страх и риск, решили установить самую низкую цену на журнал в 1994 году, 330 рублей — такова цена «Уральского СЛЕДОПЫТА». Очень надеемся на давно обещанную стабилизацию или хотя бы прогнозируемость процесса инфляции. В противном случае будем, как и нынче, уповать на помощь МИНИСТЕРСТВА ПЕЧАТИ. Подписка на 1-е полугодие вам обойдется в 1980 рублей, не считая расходов на доставку. Предполагаем, что многих из вас в октябре не особенно испугает такая сумма. Если вы нас поддержите — «СЛЕДОПЫТ» не покинет своей тропы, ведущей в прекрасное и неизведанное.

О КНИГЕ СТРУГАЦКИХ

Всем, кто откликнулся на наше объявление во втором номере и прислал деньги либо свое согласие на доставку наложенным платежом, мы отправляем ее бандеролью. Есть одно опасение, что почта снова повысит расценки, а наши наемные работники, занимающиеся отправкой книг (упаковка, написание адреса, заполнение спецификации наложенного платежа, доставка на почту, поиски квитанций в огромной картотеке, составление реестра для контроля занимают массу времени), вскоре могут отказаться от этой неблагодарной механической работы с мизерной оплатой труда — 15 рублей за экземпляр, что составляет 8 копеек сравнительно с ценами незапамятных времен. Поэтому просим подписчиков, не совсем стесненных в средствах, оказать посильную помощь, сообщив об этом в своих заказах на присылку 1-го тома «Библиотеки фантастики». К выпуску последующих томов мы надеемся приступить, как только стабилизируется экономическая ситуация в России.

РЕДАКЦИЯ